

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Студенты Ростовского-на-Дону государственного университета в новом сквере на Театральной площади. На первом плане (слева направо): Анатолий Васильев, Елена Колпакова, Галина Раенко и Виталий Васин.

Фото М. Ананьина

На первой странице обложки: Звеньевая колхоза имени В. И. Ленина, Мелитопольского района, Запорожской области, Мария Кукла.

Фото А. Гаранина

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

На последней странице обложки: В парке культуры и отдыха имени И. В. Сталина в Батуми.

Фото Я. Халипа

ОГОНЁК № 35 (1316) 24 АВГУСТА 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К сведению всех организаций ВКП(б)

На днях состоялся в Москве Пленум Центрального Комитета ВКП(б).

Центральный Комитет ВКП(б) постановил созвать 5 октября 1952 года очередной XIX съезд ВКП(б).

ПОРЯДОК ДНЯ XIX СЪЕЗДА:

1. Отчётный доклад Центрального Комитета ВКП(б) — докладчик Секретарь ЦК тов. Маленков Г. М.
2. Отчётный доклад Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б) — докладчик Председатель Ревизионной Комиссии тов. Москатов П. Г.
3. Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы — докладчик Председатель Госплана тов. Сабуров М. З.
4. Изменения в Уставе ВКП(б) — докладчик Секретарь ЦК тов. Хрущев Н. С.
5. Выборы центральных органов партии.

НОРМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПОРЯДОК ВЫБОРОВ ДЕЛЕГАТОВ НА СЪЕЗД:

1) Один делегат с решающим голосом на 5.000 членов партии;
2) один делегат с совещательным голосом на 5.000 кандидатов в члены партии.
3) Делегаты на XIX партийный съезд избираются согласно Уставу партии закрытым (тайным) голосованием.
4) От парторганизаций РСФСР делегаты избираются на партийных конференциях областей, краев и автономных республик. В других союзных республиках делегаты избираются на областных партийных конференциях или на съездах компартий союзных республик — по усмотрению ЦК компартий союзных республик.
5) Коммунисты, состоящие в партийных организациях Советской Армии, Военно-Морского флота и пограничных частей МГБ, избирают делегатов на XIX съезд партии вместе с остальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах компартий союзных республик.

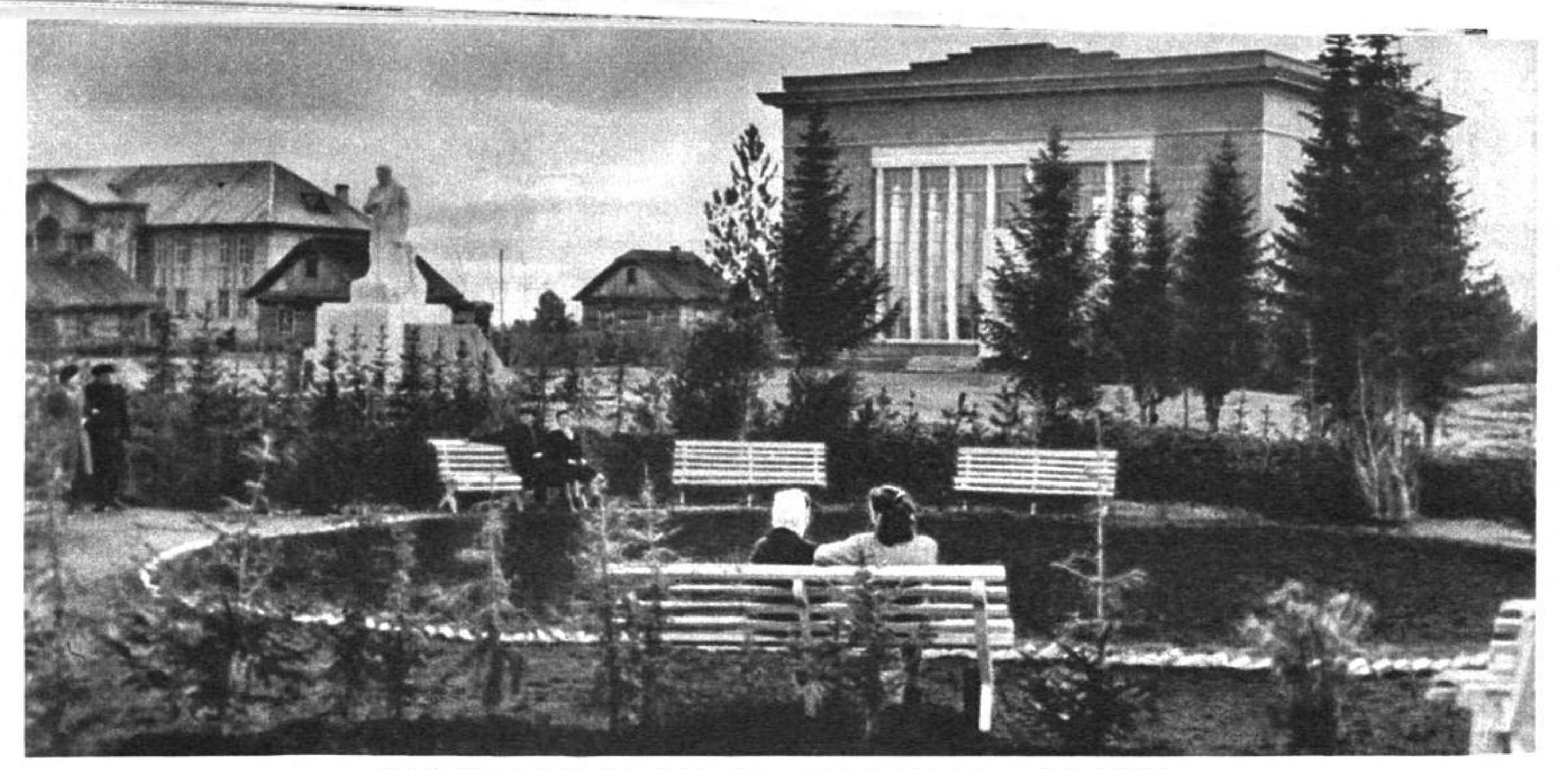
Секретарь ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН

ПРИБЫТИЕ В МОСКВУ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

На снимке: на Центральном аэродроме. Слева направо: П. Н. Кумыкин, А. Я. Вышинский, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Чжоу Энь-лай, Ши Чжэ, Чжан Вэнь-тянь и сопровождающие их лица обходят почетный караул.

Фото Дм. Бальтерманца.

Общий вид павильона, под сводами которого находится дом-музей И. В. Сталина.

СЕГОДНЯ В КУРЕЙКЕ

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Фото Ю. Бармина

Курейка...

Небольшое рыбачье селение (или станок, как его называют местные жители) на берегу Енисея, у самой черты Полярного круга.

Название этого станка знакомо и дорого каждому советскому человеку. Здесь в глухие годы самодержавия более двух с половиной лет (с марта 1914 по декабрь 1916 года) находился в ссылке Иосиф Виссарионович Сталин. «Это была самая тяжелая политическая ссылка, какая только могла быть в глухой сибирской дали»,— читаем мы в краткой биографии товарища Сталина.

До революции тут сиротливо стояли восемь рыбацких избушек. За годы советской власти Курейка выросла, изменилась, но все же до недавних пор она оставалась сравнительно небольшим станком. И вот сейчас на наших глазах здесь свершаются чудесные перемены. Курейка становится культурным, цветущим уголком крайнего севера Красноярского края. Курейка строится, расширяется. Растет ее население, и нет, кажется, дня, чтобы не приезжали сюда гости.

К высокому, обрывистому берегу Курейки и днем и ночью причаливают пассажирские пароходы, буксирные теплоходы. Советские люди, плывущие по Енисею на Север или возвращающиеся оттуда, не упускают возможности побывать в Курейке, в доме-музее И. В. Сталина.

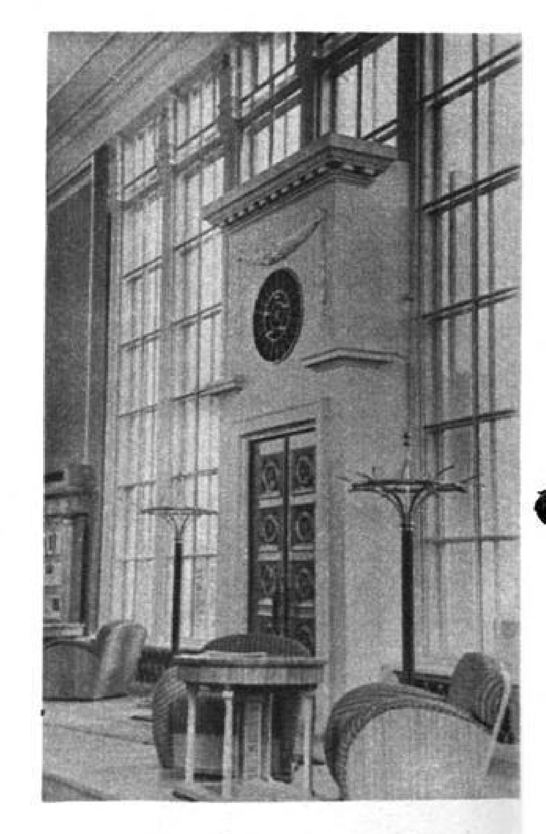
Вот и сейчас к берегу причалил комсомольско-молодежный теплоход «Иван Земнухов». Он возвращается из Дудинки. Теплоход спешит в Туруханск, откуда начнет рейс по Нижней Тунгуске, чтобы доставить в край эвенков тысячи тонн продуктов и промышленных товаров. И все же речники решили остановиться на час в Курейке, посетить маленькую рыбацкую избушку, где жил товарищ И. В. Сталин.

По широкой красивой лестнице они поднимаются на берег и направляются к историческому месту. Давно не бывавшие здесь старожилы Севера — есть среди гостей и такие — диву даются: как все изменилось в станке!

На месте старых рыбацких избушек возник прекрасный сквер. Северные приземистые ели и совсем еще молоденькие елочки выстроились с двух сторон, окружая клумбы, на которых высажены цветы всех радужных красок. Посредине большая расчищенная площадка, посыпанная золотистым песком. Широкий газон. И над ним, окруженная цветами, возвышается скульптура И. В. Сталина. Вождь стоит в распахнутой ветром шинели и смотрит вдаль, на широкую синюю ленту Енисея, на Север, туда, где шумят в Ярцеве яблоневые сады, где зреет в Туруханске пшеница, где по тундре мчатся поезда...

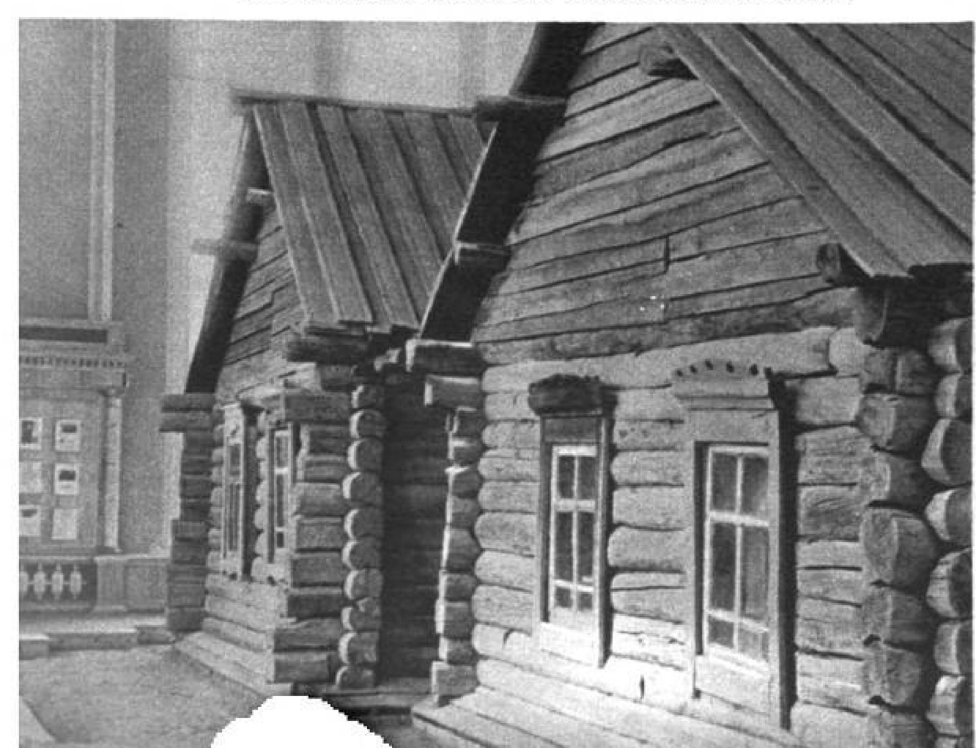
Посетители проходят дальше. Взору их открывается недавно построенное величественное здание павильона, под сводами которого теперь оказался дом-музей. На века сохранит этот павильон от вьюг и непогод Севера памятную рыбацкую избушку. Светлосерый, строгий, он возвышается над всей Курейкой. Еще издали, только подплывая к станку, можно уже различить очертания павильона. Высокое, не менее чем в четыре этажа, здание покоится на прочном железобетонном фундаменте. Большие и широкие — от пола до потолка — окна пропускают массу света. В них тройные ряды зеркальных стекол, установленных так, чтобы зимой они не замерзали. Вдоль стен проложены скрытые батареи водяного отопления. Павильон облицован камнем, покрытым цветной штукатуркой с мраморной крошкой и слюдой.

Минуя массивные двери, гости проходят в дом-музей. Щиты с экспонатами, рассказывающими о жизни и деятельности товарища И. В. Сталина. Над ними неглубокие ниши. В них будут выставлены

В павильоне.

Эта избушка с пристройкой стоит на грунте посреди павильона. Здесь жил Иосиф Виссарионович Сталин, отбывая ссылку.

панно, изображающие отдельные эпизоды из жизни великого вождя в туруханской ссылке.

Посредине павильона на грунте стоит рыбацкая избушка — здесь жил Иосиф Виссарионович Сталин, отбывая ссылку. Вот его комната: два низких, темных окошка. Деревянный диван и столик. В простенке тумбочка, когда-то наполненная книгами. У входа железная печурка. На стене сети и капканы, которыми Иосиф Виссарионович пользовался, отправляясь на охоту или рыбалку. Против входа, у окошка, полукруглый рабочий стол. На столе семилинейная керосиновая лампа.

Внимательно слушают речники рассказ директора дома-музея Н. Ф. Квасова о жизни Иосифа Виссарионовича Сталина в ссылке.

Гости выходят на площадь, и перед ними раскрывается широкая картина сегодняшней Курейки. Недалеко от павильона выросло двухэтажное здание семилетней школы. Рядом с ней интернат. Вдоль прямой, широкой улицы выстроились новенькие дома колхозников, здание сельсовета, почты, сберкассы, больницы, бани. Терпко пахнут свежей лиственницей и кедром желтые деревянные строения.

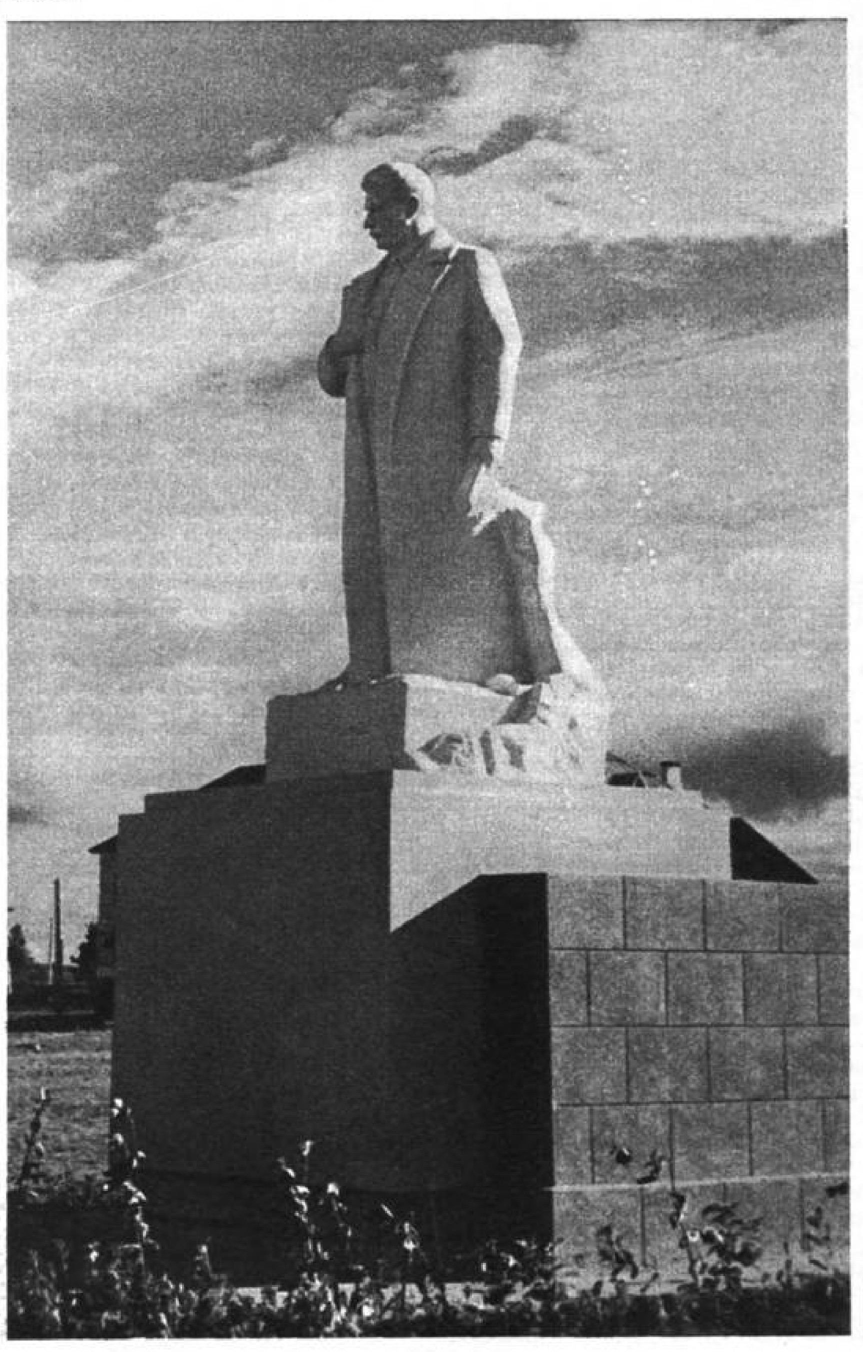
По обеим сторонам улицы встали друг за дружкой столбы. Курейка и сейчас имеет электрический свет, но его уже недостаточно. Скоро здесь построят новую электростанцию.

В Курейке много новостроек. Заканчивается отделка здания клуба. Скоро откроется дом отдыха для тружеников Заполярья. Будет здесь и гостиница — нельзя без нее: много приезжих.

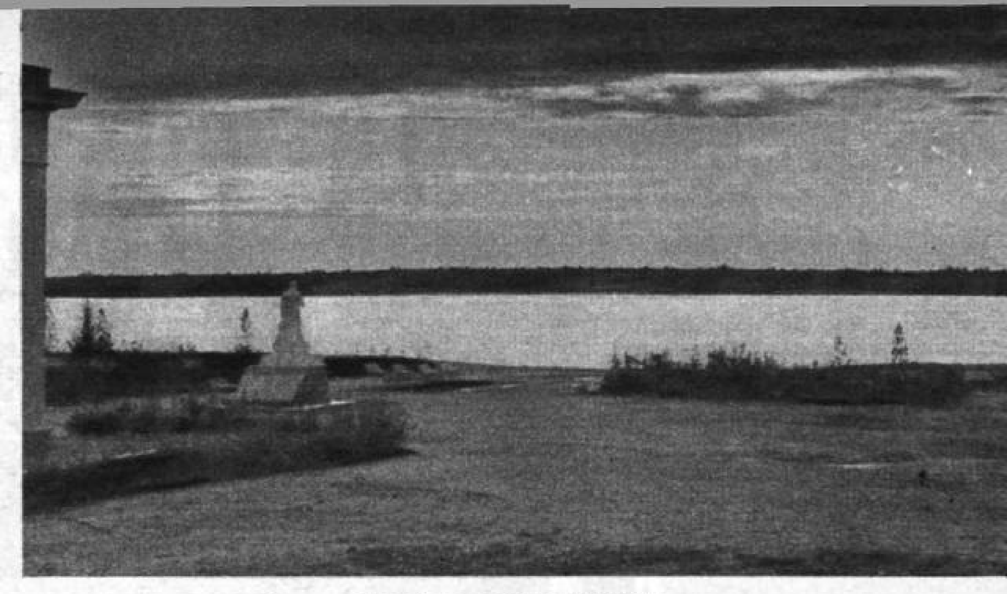
В нескольких километрах от станка вырос большой овощеводческий совхоз. Широко раскинулись картофельные поля. Вытянулись ряды теплиц и парников. Выращивают тут огурцы, капусту, редис.

На опушке леса построен пионерский городок. В семи красивых двухэтажных домах разместились спальни; рядом душевая и столовая. Посредине городка оборудована спортивная площадка. Уже второй год сюда, в пионерский лагерь, приезжают на лето дети Заполярья. В первый же день — такова традиция — ребята направляются в дом-музей. А потом к ним в лагерь придет старый рыбак Федор Андреевич Тарасеев — он хорошо помнит товарища Сталина во время его пребывания в Курейке. И пионеры, затаив дыхание, долго будут слушать неторопливый рассказ рыбака о давно минувших днях.

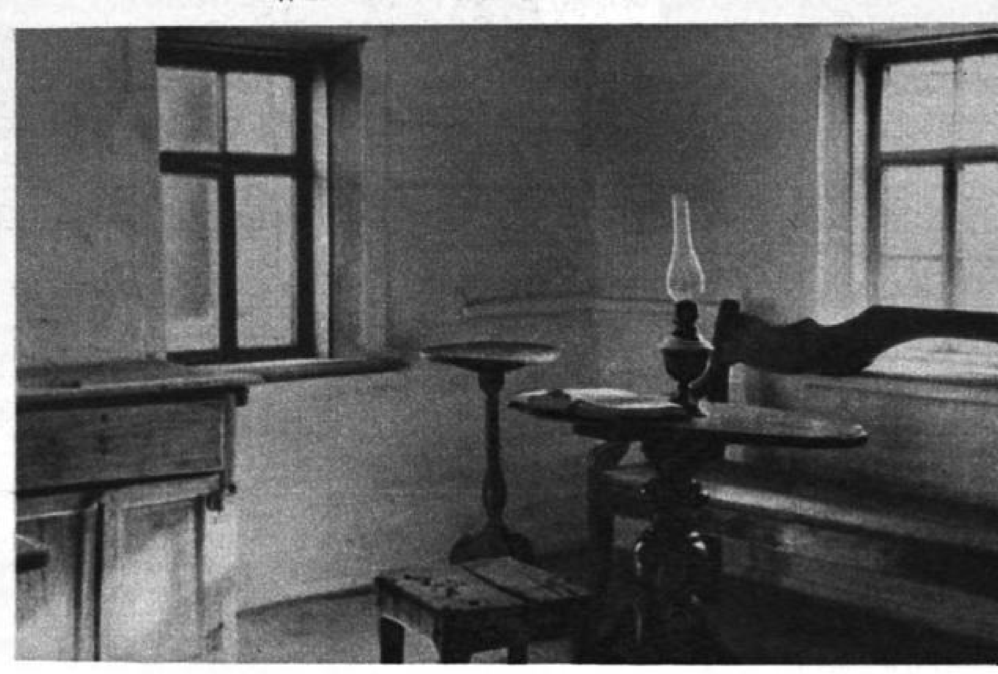
...Второй час ночи. Горит незакатное полярное солнце. Теплоход «Иван Земнухов» отчаливает. Но долго-долго еще видна речникам скульптура человека в распахнутой шинели, в простых сапогах, скульптура, возвышающаяся над новой, цветущей Курейкой, над всем северным краем, неузнаваемо преображенным сталинской волей, светлым сталинским гением.

...Окруженная цветами, возвышается скульптура И. В. Сталина.

Вид на Енисей из центра Курейки.

Комната, в которой жил И. В. Сталин во время ссылки в Курейке.

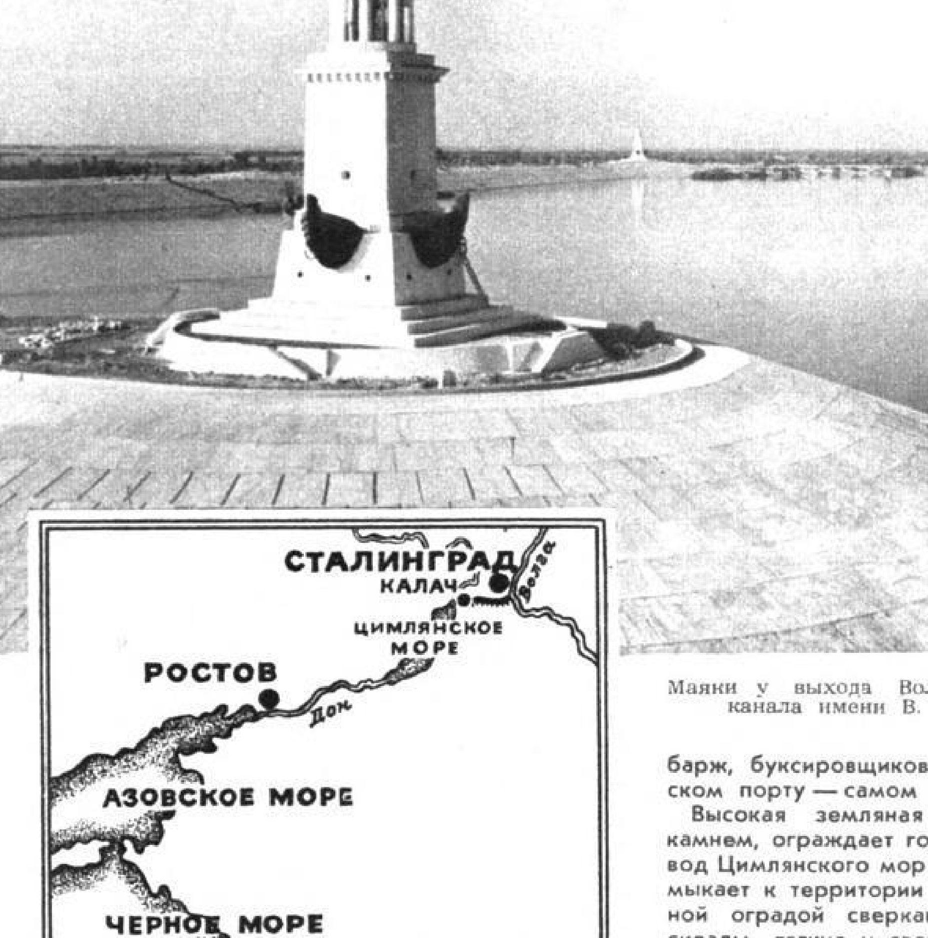

Пионеры слушают рассказ старого рыбака Ф. А. Тарасеева о жизни товарища И. В. Сталина в ссылке.

Новая больница в Курейке.

ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

Маяки у выхода Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина на Дон.

Е. РЯБЧИКОВ **С. МОРОЗОВ**

Фото Дм. Бальтерманца, М. Савина, С. Фридлянда

Специальные корреспонденты «Огонька»

САМЫЙ МОЛОДОЙ ПОРТ

Старинный казачий хутор Калач слыл на Дону крупной перевалочной базой. Здесь грузы из трюмов барж, расшив, паузков перегружали в железнодорожные вагоны. Хлеб и уголь перевозили по стальным путям к берегам Волги, а там грузили на речные суда.

— По весне к Калачу приходило много пароходов,— рассказывает старожил Дона, начальник Калачевского порта Борис Нестерович Полушкин.— Только пройдет, бывало, «теплая вода» с верховьев — жди караванов; не успеешь доставить «возы» по большой воде — потом наплачешься... К лету Дон быстро мелел, открывались перекаты, бесчисленные мели, и навигация почти прекращалась. Двадцать один год работаю я на Дону, и за это время много хлопот доставило нам мелководье реки: там села на мель баржонка, там пароход гудит, стонет на перекате: просит помощи. Теперь все изменилось, море подошло к Калачу.

Борис Нестерович достает записную книжку и, листая ее, называет суда, уже заходившие в порт с Азовского, Черного и Белого морей, с Балтики, Каспия.

— Двенадцать барж с нефтью из Баку... Сейнеры прошли из Белого моря в Азов... Судно гидрологов «Труженик» проследовало из Черного моря на Каспий... Были яхты из Севастополя... Двадцать барж из Карелии с пиленым лесом...

Перечень кораблей большой. На сегодня по трассе пяти морей уже прошла тысяча судов, и большинство этих пароходов, теплоходов, барж, буксировщиков побывало в Калачевском порту — самом молодом порту страны.

Высокая земляная дамба, облицованная камнем, ограждает город от мощного напора вод Цимлянского моря. Огромная насыпь примыкает к территории порта. За ровной зеленой оградой сверкают белизной каменные склады, легкие и светлые павильоны автоматических весов, горделиво поднимаются могучие портальные краны. Все грузовые операции здесь производят машины. Вот подошел к причальной стенке «пловучий гараж» — на самоходной барже стоят «Победы» и новенькие грузовики горьковского автозавода. Портальные краны подхватывают машины и легко переносят их на специально отведенные площадки, где уже стоят тракторы, комбайны и сенокосилки. По лентам транспортеров бесконечным потоком движутся из трюмов других судов ящики, кули, бочки, мешки. В это же время грузят в баржи хлеб, доставленный с элеваторов, а в конце порта бункеруются углем морские корабли — буксировщики.

Жизнь в Калачевском порту не замирает ни днем, ни ночью. В самое различное время суток отходят от причалов грузовые суда дальнего и каботажного плавания, волжские пассажирские красавцы-теплоходы и стремительные «Москвичи» — «трамваи», курсирующие на местных линиях.

— Навигация в разгаре,— говорит Борис Нестерович.— Новая магистраль осваивается невиданно быстрыми темпами. Суэцкий, Панамский и Кильский каналы осваивались в течение многих лет, а Волго-Донской судоходный канал имени Ленина — в течение нескольких месяцев. Уже в этом году перевозки угля, хлеба, металла, машин и строительных материалов достигнут сотен тысяч тонн.

...Пассажиры, прибывающие в порт, поднимаются по широкой лестнице к скверу, где ждут их автобусы и такси. Непродолжительная стоянка используется для поездок по городу. О Калаче впервые узнал весь мир, когда вблизи его советские войска замкнули кольцо окружения гитлеровских полчищ. Обелиски и памятники героям Великой Отечественной войны напоминают об историческом прошлом этого места. Вскоре после окончания войны Калач стал одним из центров стройки коммунизма — Волго-Дона. В некогда маленьком селении появились большие дома, театры, клубы, поликлиники, гостиницы, магазины.

Ныне Калач — портовый город. Не случайно именно здесь находится Управление эксплуатации Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Перед дежурным диспетчером управления Анатолием Лукьяновым — карты трассы канала и европейской части СССР; на пульте — микрофоны, графики, телефоны, аппараты, автоматически показывающие, как работают шлюзы.

Анатолий Лукьянов слушает по селектору рапорт начальника первого шлюза Н. Смирнова: со стороны Волги прошли баржи с пиленым лесом из Карелии, грузовиками из Москвы, нефтью из Баку. Начальник второго шлюза Е. Анненков сообщает: к Волге идут суда с донецким углем и криворожской рудой, шлюзуются баржи с хлебом.

Из порта передают: в Ростов отходит с «возом» барж морской буксировщик «Академик Быков», у него на буксире нефтеналивные баржи и новенький «Москвич».

Капитан корабля Валентин Сергеевич Васильев отдает команды рулевым и зорко всматривается в светлеющую даль горизонта. Рядом с Васильевым стоит на мостике известный на Цимлянском море лоцман Иван Федорович Фуфаев. Еще в апреле он первым прошел по Цимлянскому морю на теплоходе «Гриф», открывая судовой ход по гигантскому водохранилищу. Сейчас Иван Федорович отправляется в инспекторскую поездку.

Позади остается Калачевский порт. Исчезают мощные башни маяков, живописно раскинувшиеся на берегу казачьи курени и садочки хуторов Кумовского и Пятиизбянского. Берега расходятся в стороны, воды становится все больше, а островов меньше, и на смену небольшим речным бакенам встают крупные морские буи.

В апреле нынешнего года нам привелось ходить по этим местам с Фуфаевым. Тогда, после «взломной воды», разбившей ледяные поля и ринувшейся на донские займища, Дон казался свирепым, неугомонным. Задержанный плотиной около станицы Цимлянской, он «наливал» море, шел вспять, бушевал. Теперь река — по-настоящему тихая, мирная и вода ее нежно бирюзовая, а не буро-черная, как в весеннюю пору. Собственно, это уже и не река, а преддверие моря. Штурман и рулевые часто поглядывают на морской компас и другие навигационные приборы.

— Начинается море, и по-морскому нужно здесь плавать,— замечает капитан Васильев.

Проходим Нижне-Чирскую, большую казачью станицу, недавно переселившуюся со «дна моря» на высокий правый берег. С борта парохода видны тракторы и комбайны МТС, большое здание Дома советов, сады.

За Нижне-Чирской начинается море — бескрайнее, голубое. Ни дуновения ветра, ни малейшей волны. Солнце золотит морскую гладь,

В Цимлянском море.

Окончание. См. №№ 28, 29, 30, 31, 32, 34.

жжет лицо, раскаляет поручни, трапы, все металлическое на корабле. Матросы поливают друг друга из шлангов. Кок, весь мокрый от жары в камбузе, выбегает на палубу, подставляет лицо и руки прохладным струям и возвращается к своим делам.

— Не нравится мне этот штиль...— капитан хмуро смотрит на море, на темные, неподвижные тучи и требует от радиста прогноза погоды.

Цимлянская гидрометеорологическая обсерватория оповещает капитана о возможной грозе в том районе моря, где пройдет корабль. И действительно, вскоре радист принимает распоряжение диспетчера: «Кораблю с «возом» идти в бухту-убежище».

Валентин Сергеевич озабоченно разговаривает в мегафон со шкиперами нефтянок и капитаном «Москвича». Моряки проверяют тросы буксиров, спасательные шлюпки и плотики, задраивают иллюминаторы, готовят якоря.

В раскаленном воздухе слышится далекий катящийся грохот. Потом над морем воцаряется глухая, тягостная тишина. Нарушают ее чайки, пролетающие с резким криком. Вслед за ними врывается шквал. Среди шума и гула разбуженного моря слышится рев.

— Буй-ревун загудел,— поясняет Иван Федорович.— В убежище зовет...

Плавучий морской буй, как огромный гидравлический свисток, начинает гудеть, когда появляется зыбь. Автоматически предупреждает он суда о близком убежище на берегу и сигналами направляет караваны в Нахавскую бухту. «Академик Быков» меняет курс и с тяжелым «возом» спешит в пристанище. Едва суда заходят за береговое прикрытие, как с моря налетает пятибалльный шторм.

В бухте корабли пережидают непогоду.

— Бурное море Цимлянское...— говорит Фуфаев.— Ветры всех румбов сходятся на его равнине...

Проходит около сорока минут. Вбегает на мостик радист и сообщает новость: шторм стихает в зоне судового хода, и есть разрешение диспетчера выходить через час.

...Садится в море солнце. Его алый свет окрашивает гребни волн. Берегов не видно, куда ни глянешь — всюду вода. Едва солнце коснулось горизонта, как зажигаются, словно по сигналу, судоходные огни. Плавучие буи устроены так, что автоматически вспыхивают с наступлением темноты и гаснут с появлением солнца.

Лунная серебристая дорожка тянется от винтов корабля. Справа и слева горят красные и золотые огни буев. Где-то вдали мелькают лучи маяков. Смотришь на море и невольно вспоминаешь дни, когда вот здесь ходили и ездили мы по займищам, а минувшей зимой встречали на «дне моря» бригады ихтиологов и гидрологов. И не всем пассажирам ведомо, что проплывают они над землями бывших станиц,— переселились эти станицы далеко и зажили на новых местах счастливо и богато.

На горизонте электрическое зарево. Оно растет, ширится, заполняя большую часть неба.

— Цимла!— Фуфаев произносит это слово с особым удовольствием.— Пришли...

Первое впечатление — появилось какое-то фантастическое море, горящее, созданное из пламени. Привыкнув к нему, начинаешь примечать белые лучи маяков, алые и зеленые газосветные знаки.

— Еще недавно на реках горели только керосиновые фонари бакенов,— поясняет Фуфаев.— А теперь и Волга, и Дон, и Цимлянское море залиты электричеством. Но как различить судовые знаки среди электрических огней сел, городов и станиц? Специалисты придумали новые знаки — из газосветных трубок.

«Академик Быков» идет на рейд Цимлянского порта. Вот триумфальная арка четырнадцатого шлюза, причалы, а еще дальше массивное здание головного водозаборного сооружения Донского магистрального канала. Воды моря входят через него в магистральный канал и устремляются на просторы ранее мертвых, засушливых земель.

Цимлянский порт, как и его собрат — Калачевский, живет большой, напряженной жизнью.

Оставим палубу корабля и отправимся на Цимлянскую плотину. Начальник строительства Цимлянского гидроузла В. А. Барабанов знакомит нас с гигантскими сооружениями.

— Длина плотины — более тринадцати километров,— рассказывает Василий Арсентьевич.— Создана она из земли и бетона. Одна из величайших в мире плотин преградила Дон, «заперла» его, собрала воды в подготовленной чаше моря. Теперь советский человек управляет миллиардами кубических метров донской воды. Строго по плану «отпускается» она судоходному каналу имени Владимира Ильича Ленина, оросительной системе и ГЭС.

Едем широкой асфальтированной дорогой, что пролегла по бетонной плотине, как по мосту. Над головами громыхает поезд. Из окон вагонов выглядывают пассажиры. Навстречу мчатся колхозные машины с овощами.

Заходим в светлый машинный зал Цимлянской ГЭС. Неслышно работают турбины. Энергия моря перерабатывается ими в энергию электрическую. Ток идет на сооружения Волго-Донского судоходного канала, Сталинградгидрострою, на шахты Донбасса, в Ростов, Воронеж, Липецк, колхозные селения.

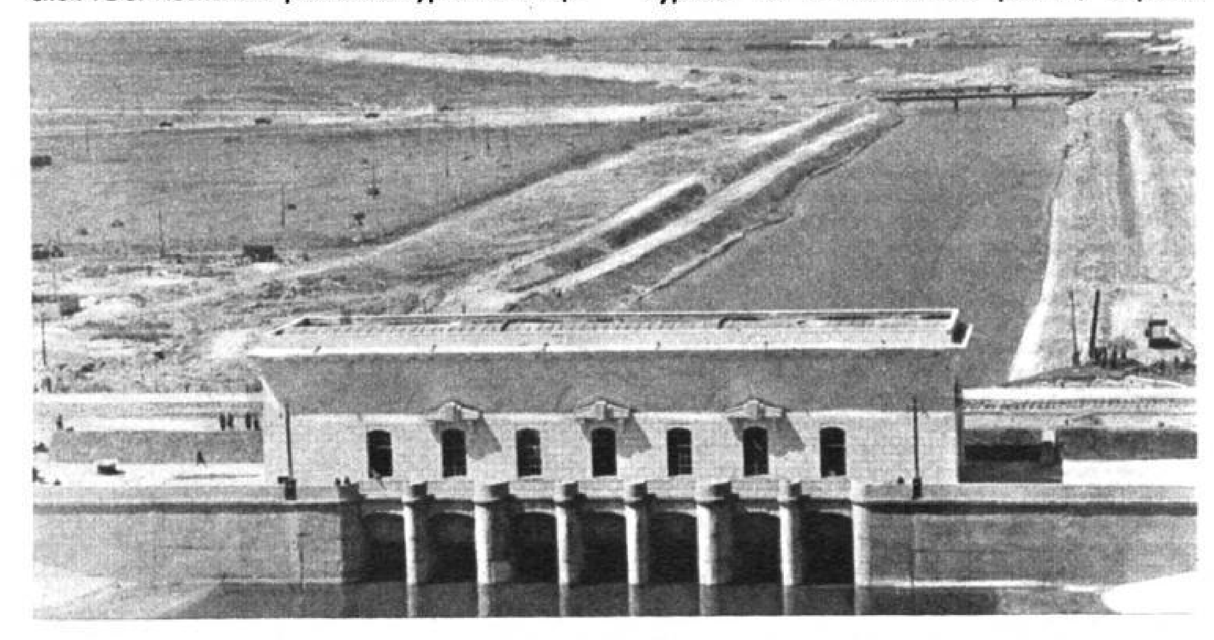
Выезжаем в степь. Слева тянется главная артерия оросительной системы — Донской магистральный канал. От него, около хутора с поэтическим названием «Восход», ответвляется Нижне-Донской распределительный канал, орошающий 65 тысяч гектаров колхозных земель. Здесь же, на пути Донского магистрального канала, вырастает холмистая гряда. Как быть? Слишком сложен рельеф местности и очень трудны тут геологические условия. Обойти возвышенность? Нет. Автор проекта оросительной системы лауреат Сталинской премии К. М. Зубрик предложил пройти горы тоннелями и по ним пропустить воды Донского магистрального канала на Сальскую равнину. Четыре линии тоннелей так называемого «степного метро», длиною по 6 километров каждая, образуют могучие подземные реки.

Входим в тоннель. «Степное метро» — копия московского. Строили его мастера столичного Метростроя. Далеко-далеко уходит тоннель, закованный в металлические тюбинги.

— Ничего подобного «степному метро» мировая гидротехника не знала,— рассказывает инженер Л. Б. Рябов, в свое время строивший подземные дворцы столицы.— Когда оно будет целиком готово, воды Цимлянского моря хлынут на засушливые земли Задонья.

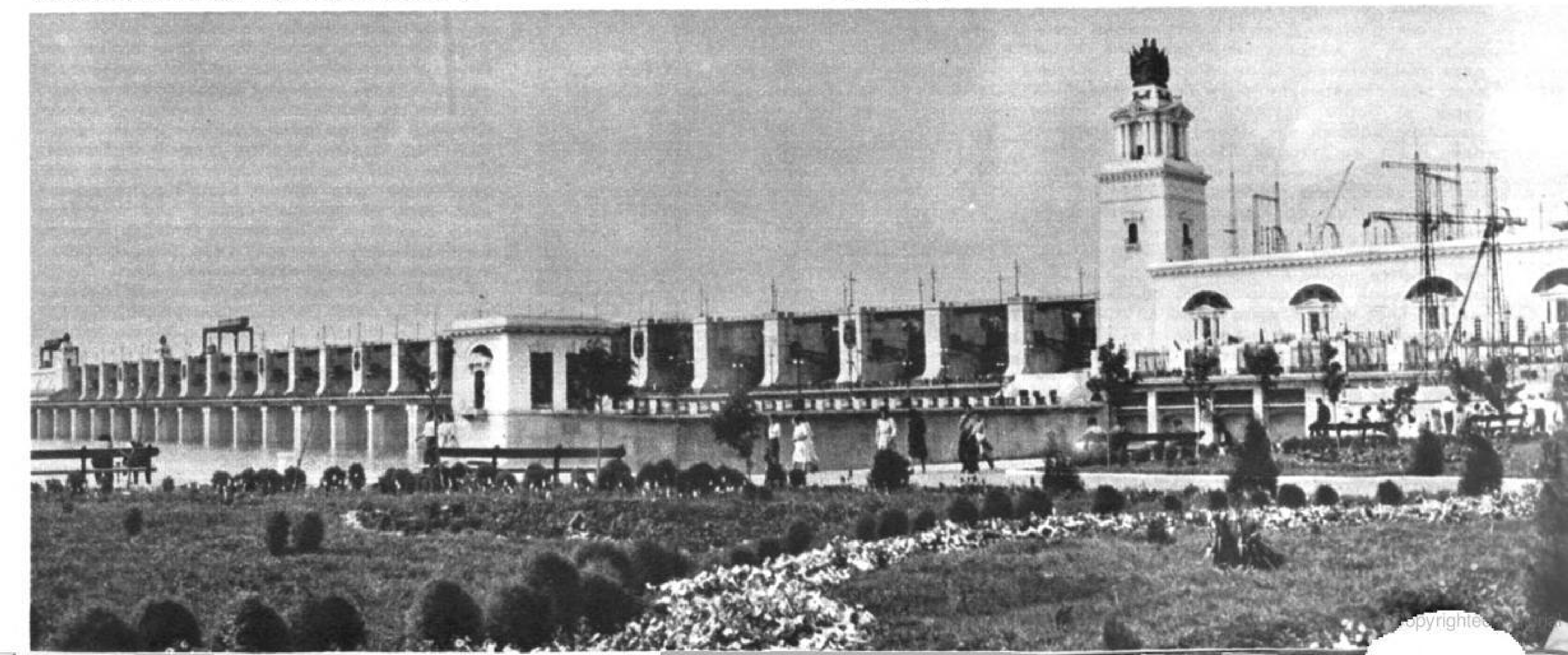
...Позади остались шахты необычайного сооружения. Наш путь — вдоль «каналов изобилия». Мелькают хутора и станицы. Мощные насосные станции подали воду из каналов на поля колхозов. В этом году на поливных землях уже сняли первый богатый урожай пшеницы, убирают сейчас хлопок и рис.

Старый казак-колхозник Петр Васильевич Бураков из Романовского района, хорошо

Здание головного водозабора Донского магистрального оросительного канала.

Общий вид Цимлянской ГЭС и плотины.

Набережная в Ростовском порту.

знающий, что такое «мертвые земли», стал теперь «хозяином воды» — поливальщиком. К нему, как и ко всем колхозникам Задонья, приезжали передавать свой опыт знаменитые поливальщики из Туркмении и Азербайджана.

— Налетали черные бури и суховеи и летом нынешнего года,— рассказывает Петр Васильевич,— но хлеба не погибли, выстояли: спасла вода. Теперь мы с большим урожаем: сняли по 300 пудов хлеба с гектара. Все меняется у нас — даже облака в небе есть, а бывало, за лето и облачка не увидишь...

Под натиском вод Цимлянского моря отступает полупустыня.

Возвращаемся в Цимлянский порт. «Академик Быков» ушел в рейс, и нам предстоит дальнейший путь в низовья Дона, к берегам Азовского моря, на другом судне.

Триумфальная арка шлюза № 14. Автодорожный мост... Шлюз № 15... Его высокие башни увенчаны огромными скульптурами: вздыбив бронзовых коней, лихие казаки словно летят в будущее...

ПУТЬ В ОКЕАН

Недаром Дон с давних пор зовется тихим. Спокойно и плавно текут его желтоватые воды меж степных берегов, поросших густым тальником. После разлива Цимлянского моря и прямизны выходного канала древнее, веками исхоженное русло Дона поражает своей извилистостью, а медлительное движение воды едва улавливается глазом. Фарватер выписывает замысловатые петли, и порой, глядя на берег с борта идущего парохода, поражаешься: добрый час маячит перед глазами один и тот же хуторок. Сначала мы видели его с одной стороны, теперь, обогнув полуостров, наблюдаем с противоположной.

Колесный пароход «Генерал Ватутин», шлепая плицами, кажется, вот-вот при очередном повороте заденет кормой песчаную отмель или упрется носом в подмытый течением обрыв. Рулевой то и дело резко поворачивает штурвальное колесо, и вахтенный штурман, отдавая команды, не отрывает глаз от высоких мачт, тут и там торчащих на берегах. Треугольники, ромбы, кружки, вывешенные на мачтах бакенщиками, показывают глубины на перекатах и ширину судового хода.

— Водички хватает нынче. Спасибо волгодонцам,— говорит капитан Ф. Н. Чиграков.

Прежде, бывало, в меженную пору суда едва не задевали килями песчаное дно. Теперь благодаря попускам воды из Цимлянского моря глубины на Нижнем Дону увеличились вдвое. Иные очертания принимает и фарватер. В местах крутых поворотов реки на берегах видны эстакады с пульповодами. Земснаряды, неотступно прогрызая извилины суши, тянут за собой широкие полосы воды. Гидромеханизаторы Волгодонстроя, руководимые дважды лауреатом Сталинской премии П. В. Шелухиным, спрямляют Нижний Дон.

Романовское, Каргальское, Горелое, Задоно-Кагальницкое «колена», по изгибам которых еще проходят сейчас караваны, скоро перестанут существовать. От Цимлянского порта до Ростова откроется прямая и просторная водная дорога, на десятки километров сокращающая расстояние между этими двумя пунктами.

Нижний Дон, последний участок великой трассы, соединяющей пять морей, меняет свой облик. Памятником далекого прошлого выглядит здесь единственный на всем плёсе шлюз — Кочетовский, сооруженный советской властью еще в годы гражданской войны. Низенькая плотина из металлических ферм и деревянных щитов, складываемых зимой на дно реки, крохотная гидростанция в дощатом домике кажутся игрушечными. Кочетовский шлюз доживает свой век. Скоро на смену придут современные гидроузлы — родные братья Волго-Дона.

Как ни привыкли мы за время долгого путешествия часто встречать караваны и суда, Нижний Дон поражает особо оживленным движением. Все чаще попадаются идущие вверх новенькие пароходы. «Хабаровск», «Мурманск», «Новосибирск», «Магнитогорск», «Токарь», «Каменщик», «Водолаз»,— читаем мы на бортах. Похожие друг на друга, корабли-близнецы — их уже выпускают сериями — идут и с баржами и без караванов. Построенные в Киеве, на заводе «Ленинская кузница», суда прошли Черным и Азовским морями, чтобы пополнить флот нового, недавно созданного Волго-Донского пароходства и крупнейшего в стране Волжского бассейна.

Чем ближе к Ростову, тем шире разливается Дон. И вот мы уже плывем вдоль зеленеющей молодыми деревьями набережной. Швартуемся у гранитных причалов, от которых круто вверх, к центру города уходят проспекты. Этот район Ростова во многом определяет его облик — крупного водного узла на стыке реки и моря. Дон «вписывается» в ростовский пейзаж как одна из оживленнейших городских магистралей. Недавно еще ростовчане, праздную открытие Волго-Дона, встречали тут первые пассажирские пароходы с Волги, а сегодня рейсы речных экспрессов на линии Ростов — Москва уже прочно вошли в быт.

Спускаемся ниже по реке, туда, где Дон, разделяясь на гирла, проходит под стенами Азова. Поросший травой вал и развалины укреплений некогда грозной турецкой крепости хранят память о славных делах русского народа. Два с половиной столетия назад в громе битвы мужал здесь молодой флот Петра I, отсюда выходила Русь на просторы южных морей!

Вчера еще Азов был только рыбачьей гаванью, одним из приписных пунктов Ростовского порта. А сегодня мы видим на причалах его мощные краны, выгружающие лес из трюмов барж, пришедших сюда с реки Вятки. Бревна и доски, адресованные стройкам Северного Кавказа и Закавказья, переваливаются на железную дорогу.

Азов остается за кормой, и сочная зелень тополей, обрамляющих Дон, обрывается у бескрайней водной равнины. На большом красном буе яркая цифра «0». От нуля идет счет километров Азово-Донского морского канала. Далеко-далеко, к самому горизонту, словно эскадра на походе, вытянулись караваны землечерпалок. С грохотом и скрежетом ползут из воды бесконечные ленты черпаков, и шаланды едва успевают отвозить поднятый со дна грунт. Азовские дноуглубители заканчивают расчистку канала, который откроет доступ в Ростов крупнотоннажным морским судам.

На землечерпалке «Карл Маркс», чей экипаж изо дня в день перевыполняет нормы, красуется лозунг: «Да здравствует Волго-Дон!». Начальник каравана Г. И. Рослик рассказал нам:

— В свое время, 25 лет назад, Азово-Донской канал был одной из первых советских строек в морских бассейнах юга. В годы минувшей войны канал обмелел. Теперь, реконструируя, расширяя русло, мы стараемся во всем подражать славным строителям Волго-Дона.

Азово-Донской канал — путь в открытое море, путь в океан, ибо Азово-Черноморский бассейн — часть мирового океана.

Разговор, начатый на борту землечерпалки, мы продолжаем в Управлении Азовского пароходства. Экономист Н. Ф. Холод знакомит нас с докладом, который он делал недавно в Москве. Объемистый том таблиц и статистических выкладок сопровождается многоцветной картосхемой.

Уже в этом году, едва начал действовать Волго-Дон, из Волжско-Камского бассейна на Азовье прямиком, без перевалок, идет лес. С Азовья в центральные районы страны — пшеница.

В ближайшие два — три года этим же путем на заводы юга двинется уральский колчедан, а на заводы Урала — чиатурский марганец. Великим стройкам под Куйбышевом, Сталинградом и в Туркмении суда доставят металл из Жданова, цемент из Новороссийска. Возвращаясь с Каспия, азовский флот повезет среднеазиатский хлопок.

Уже строятся суда для сквозных рейсов из Азово-Черноморья в Волжско-Камский и Каспийский бассейны. Выбрано место для нового Ростовского порта, который предполагается строить ниже города, в гирлах Дона.

...Трасса пяти морей! Разветвленная речная система европейской части СССР навечно соединена искусственными гидросооружениями: Беломорско-Балтийским каналом имени Сталина, каналом имени Москвы и Волго-Донским судоходным каналом имени В. И. Ленина. От студеных вод полуночного океана к теплым морям юга плывут корабли, пересекая весь европейский континент. Север стал ближе к советским субтропикам. Отпадает теперь необходимость нашим кораблям ходить «кружным» путем из Архангельска в Одессу — огибать Скандинавию и Англию, пересекать Гибралтар, Средиземное море, Дарданеллы, Босфор; короткий водный путь пролег через страну.

Ярким примером мудрого преобразования природы на благо народа, величественным памятником созидательного труда советских людей — строителей коммунизма — вошла в историю трасса пяти морей, трасса, рожденная волей партии по гениальному замыслу Иосифа Виссарионовича Сталина.

СМЕЛОСТЬ И РАСЧЕТ

О. ЕРЕМЕЕВ

Уже близится к концу сооружение двадцатипятиэтажного дома у Красных ворот в Москве. И хотя здесь еще трудится армия штукатуров и маляров, паркетчиков и мраморщиков, главная победа тех, кто проектировал и воздвигал этот дом, уже позади. Инженеры называют эту свою победу лаконично и просто: история фундамента. Вот она, эта история.

Свыше трех лет назад архитекторы Борис Николаевич Мезенцев и Алексей Николаевич Душкин в содружестве с инженером Виктором Михайловичем Абрамовым разработали и представили на конкурс свой проект высотного дома у Красных ворот. Этот проект был одобрен. Сооружение дома поручили Министерству путей сообщения СССР. Главного конструктора проекта В. М. Абрамова назначили главным инженером строительства. 1 августа 1949 года здесь уложили первый кубометр бетона, и вскоре за дощатым забором начал возникать стальной каркас одного из монументальных сооружений Москвы.

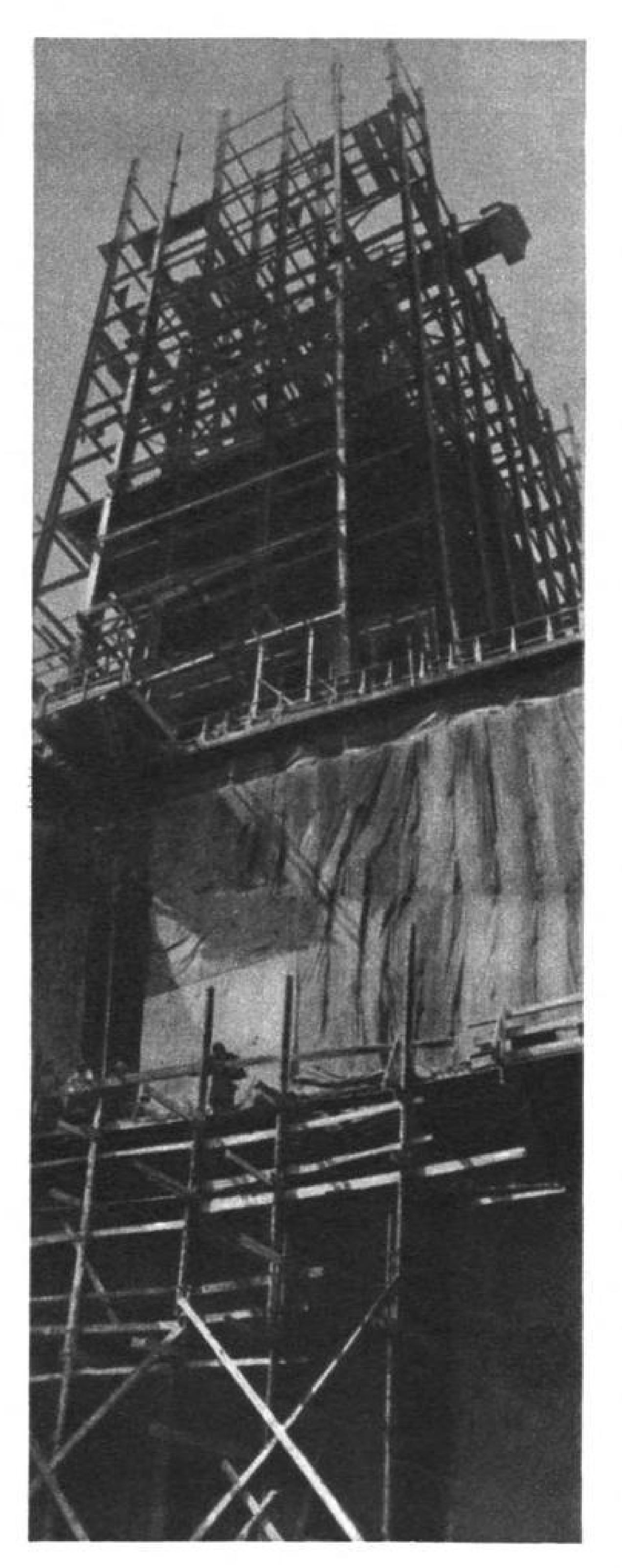
Однако еще задолго до этого дня инженеры В. Абрамов, А. Кулаков, К. Мохортов, Я. Дорман, М. Пржедецкий, В. Уманский вместе с выдающимися учеными и экспертами обсуждали главную и решающую проблему: каким методом вести сооружение высотного дома. Эту проблему выдвинула сама жизнь; сроки были сжатые, а проект отличался своей необычайностью и смелостью: к высотному дому примыкал новый вестибюль метрополитена, второй вход в станцию «Красные ворота». Эта железобетонная подземная махина к тому же должна была служить фундаментом для правого крыла высотного дома. В этих условиях казалось бесспорным, что сперва нужно соорудить подземный вестибюль метрополитена, а потом уже высотный дом. Нельзя же возводить корпус в двадцать пять этажей, громаду весом в десятки тысяч тонн, на грани еще не укрепленного, не забетонированного котлована, «на краю пропасти»! А так как подземный вестибюль будет готов через год, стало быть, на год следует отложить и монтаж стального каркаса высотного дома. Такую последовательность подтверждал весь мировой опыт подобных сооружений.

Но если мировой опыт толкает советских инженеров на проторенные пути — это еще не значит, что иных путей нет.

Вновь и вновь собирались инженеры, в сотый раз исследовали все «обстоятельства дела». Надо было найти новый способ укрепления стен большого и глубокого котлована, будущего подземного вестибюля, надо было придать его граням и стенам устойчивость и прочность, сооружая одновременно и стальной каркас и вестибюль. Только так можно выиграть год. И после упорных творческих поисков инженеры остановились на известной им силе, способной с полной безопасностью укрепить грунт,— на холоде.

Если заморозить стены котлована, его грани, до десяти градусов, они и без бетонирования выдержат вес стального каркаса. Значит, нужно установить мощную замораживающую станцию, которая на ближайший год или два сковала бы холодом стены котлована, охватила его крепким кольцом мерзлой земли.

Это смелое решение породило новую проблему: в плывунных грунтах при замораживании появляется лед, который, как известно, имеет весьма неприятное для данного случая свойство — в процессе образования он расширяется. Стало быть, и замороженный грунт будет расширяться, выпучиваться, подниматься. Правая сторона высотного дома тоже будет приподниматься, а потом, когда надобность в холоде отпадет, оттаявшая земля примет свое первоначальное положение, и дом должен дать осадку вправо. Тогда возник новый, не менее смелый замысел: сооружать высотный дом у Красных ворот с заранее рассчитанным наклоном влево, с тем чтобы после оттаивания земли и осадки корпуса вправо фундамент и дом стали на место.

Замороженный котлован и каркас высотного дома у Красных ворот в начальный период сооружения.

Это был путь трудный, и, для того, чтобы его избрать, нужны были не только знания и опыт, но и большое мужество.

Многое здесь было новым и неизвестным. Формулы расчета замороженного земляного кольца, существовавшие в строительной механике, не могли быть использованы без критического их анализа. Ведь люди, создававшие эти формулы, не могли учесть, что на грани замороженного котлована придется воздвигать дом в двадцать пять этажей. К тому же вес каркаса высотного дома, нависавшего над котлованом, нарастал быстрее, чем прочность и толщина замороженного грунта. И, наконец, никому не были известны внешние, атмосферные влияния на мерзлые стены котлована большой глубины.

Однако все эти трудности и препятствия были преодолены. Расчеты инженеров признали безупречными и точными, был составлен новый график: срок сооружения высотного дома сократили на год. Началось одновременное сооружение подземного вестибюля и двадцатипятиэтажного дома на краю огромного открытого котлована; дом воздвигался с заранее рассчитанным наклоном.

Мощная замораживающая станция действовала день и ночь, и к маю 1950 года было создано кольцо замороженного грунта толщиной от шести до двенадцати метров, способное выдержать нагрузку высотного дома. От весеннего солнца стены котлована прикрыли большим и плотным брезентом.

Впервые в истории строительной техники гигантский котлован в тысячу двести квадратных метров и глубиной в двадцать четыре метра возводился без креплений: холод заменил и лес и металл, которыми обычно до бетонирования подземных сооружений сдерживали боковое давление земли. Новый, замораживающий способ дал инженерам возможность без всяких помех широко механизировать все процессы труда в котловане, устранить все неприятности, которые подстерегают человека в плывунных грунтах; холод оградил котлован и от притока подземных вод.

Через год, как и предполагалось по графику, подземный вестибюль метрополитена был забетонирован и перекрыт. А каркас центрального высотного корпуса к тому времени был уже смонтирован, заполнен кирпичом и облицован белым камнем. Десятки тысяч тонн стали, кирпича, камня монтировались с таким расчетом, чтобы дом сооружался с наклоном; внизу, у фундамента, этот наклон был равен шестидесяти пяти миллиметрам, а вверху он уже достигал двухсот пятидесяти миллиметров.

Когда же подземный вестибюль был готов, надобность в холоде исчезла, и замороженную земляную конструкцию начали постепенно оттаивать. Началась осадка правой, искусственно приподнятой стороны высотного корпуса.

Следует отметить, что даже этот в известной мере стихийный процесс осадки инженеры держали в своих руках, регулировали его, направляли, то есть контролировали интенсивность тепла, подаваемого в землю.

Это был период, когда подвергались испытанию все расчеты и замыслы советских инженеров, огромный созидательный труд тысяч советских людей. Испытание началось в тот день, когда наблюдатель у высокочувствительного оптического прибора доложил: «Началась посадка дома»,— и продолжалось до того дня, когда тот же наблюдатель спокойно и деловито сказал: «Дом занял проектное положение». Фундамент и дом осели на те самые десятки миллиметров, на которые они были искусственно приподняты. Безупречным оказался расчет наклона высотного корпуса: в назначенный день он достиг той желанной вертикали, которая была определена ему проектом.

Так завершилась эта блистательная страница в истории сооружения дома в двадцать пять этажей у Красных ворот в Москве.

Советские люди воздвигли высотный дом, который знаменует собой не только зрелость советского зодчества, но и триумф советского инженерного искусства, триумф мирного созидательного труда советского народа.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Буржуазное Временное правительство на так называемом Государственном совещании бросило вызов революции. Реакция собирала силы, чтобы рассчитаться с революцией, искала поддержки вне страны, готовая отдать ее во власть иноземным империалистам.

Рост революционного движения в России, нарастание социалистической революции приводили в смятение как контрреволюционную российскую буржуазию, так и правителей империалистических держав — США, Англии и Франции,— стремившихся расчленить Россию и превратить ее территорию в свои колонии. Империалисты всеми средствами пытались удержать Россию в войне, использовать ее людские и материальные ресурсы для осуществления своих захватнических целей. Послы западных держав толкали Временное правительство на путь усиления террора против революционных элементов страны.

Особенное беспокойство в связи с ростом революции в России проявлял американский посол Фрэнсис — представитель монополистов, издавна мечтавших видеть Россию страной, зависимой от США. В своих сообщениях в госдепартамент Фрэнсис подло клеветал на русский рабочий класс и его большевистскую партию, требовал предоставления новых займов правительству Керенского для подавления революции.

Правительство США охотно шло на финансирование русской контрреволюции. При помощи займов оно предполагало превратить правительство Керенского в орудие своей политики и, опираясь на керенщину, захватить командные высоты в экономике России. Первый заем на сумму в 100 миллионов долларов был предоставлен американским правительством контрреволюционному Временному правительству еще в мае 1917 года. Сообщение о займе появилось одновременно с сообщением о назначении Рута, бывшего государственного секретаря, главой чрезвычайной дипломатической миссии США. Миссия эта имела целью под прикрытием лицемерной болтовни о «дружбе» усилить влияние американского империализма в России, расчистить путь для экспансии и порабощения ее народов. Правительство Керенского получало все новые американские займы, попадая во все бóльшую зависимость от США. Получение займов обусловливалось рядом гарантий, которые использовались затем Соединенными Штатами, а также и другими западными державами в качестве «основания» для вмешательства во внутренние дела России.

Вожди большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин не раз указывали, что русская контрреволюционная буржуазия выступает не одна, что за спиной рябушинских и коноваловых, пуришкевичей и терещенко стоят капиталисты Англии, Франции и Америки.

Над нашей страной нависала реальная угроза колониального порабощения иноземным империализмом. Эта угроза серьезно возросла после установления единовластия контрреволюционной буржуазии.

1 сентября (19 августа) 1917 года в газете «Пролетарий» появилась статья товарища И. В. Сталина «Американские миллиарды». Товарищ Сталин писал: «Американская империалистическая буржуазия, ФИНАНСИРУЮЩАЯ коалицию русской империалистической буржуазии (Милюков!), военщины (Керенский!) и мелкобуржуазных верхов, лакейски услужающих «живым силам» России (Церетели!) — вот она, картина нынешнего положения».

Статья И. В. Сталина сыграла выдающуюся роль в разоблачении планов иностранных и русских империалистов и их агентов — меньшевиков и эсеров. Товарищ Сталин до конца вскрыл движущие пружины той политики, которую вел в отношении нашей страны американский империализм, снабжавший буржуазное правительство Керенского миллиардами долларов.

«В 1906 году,— писал товарищ Сталин,— когда революция еще развивалась в России, Запад помог царской реакции оправиться, ссудив ей 2 миллиарда рублей. И царизм действительно окреп тогда ценой нового финансового закабаления России Западом.

По этому случаю замечали тогда, что Запад ввозит в Россию не только социализм, но и реакцию в виде миллиардов.

Теперь раскрывается перед нами более красноречивая картина. В момент, когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить ее,— американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Милюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение.

Таков факт.

Не правда ли: Запад ввозит в Россию не столько социализм и освобождение, сколько кабалу и контрреволюцию».

Разоблачение происков американского империализма, пытавшегося удушить революцию в России, имело огромное историческое значение. Маскировавшийся лживыми заявлениями о «дружбе и сотрудничестве» американский империализм предстал перед народами в своем подлинном обличье врага революции, душителя воли народов.

В ответ на происки империалистов рабочий класс и трудящиеся массы нашей страны, руководимые большевистской партией, усилили революционную бдительность, сплотили свои ряды, активно готовясь к вооруженному восстанию.

Несмотря на все усилия империалистов задержать ход исторического развития, революция нарастала. Для рабочего класса и беднейшего крестьянства все яснее становился путь борьбы. Целиком оправдывались слова товарища Сталина на VI съезде: «Мирный период революции кончился. Наступил период схваток и взрывов». Россия шла к социалистической революции.

Матросы-большевики Балтийского флота летом 1917 года выступают на митинге в Севастополе.

МОЛОДОЙ БОЕЦ

Ежен ЖЕБЕЛЯНУ

Сколько лет ему было! Не знают у нас.
Немного, должно быть... Насвистывал что-то...
И песенку эту я слышу сейчас,
Когда выхожу в темноту за ворота.

По улице нашей катил грузовик,
Брезент развевался над пыльной машиной.
Дорога все дальше вела напрямик,
И клали рубцы ярославские шины.

С востока Советская Армия шла,
Казалось, в пути она горы сдвигала.
Бои — а дорога и так тяжела, —
Но кто остановит движение вала!!

Шла с Дона, из жарких казахских степей,
Шла в гуле «катюш» через горы и реки,
Чтоб в селах валашских не стало цепей,
Чтоб с черным ярмом распростились навеки.

Фашистская в страхе бежала орда,
Огонь языками вздымался вдоль пашен.
К Дунаю неслись эскадрильи тогда...
День этой победы стал праздником нашим.

...Я сел в грузовик — и верста за верстой!..
Безлунная ночь обступала селенья.
Но все же сравнить ее мог бы с мечтой:
Добра и тепла эта ночь возрожденья!

В дороге телеги брели сквозь туман,
На сене крестьянские спали ребята...
На хуторе семьи разутых крестьян
Бойцам подносили букеты у хаты.

Не помню, они оставляли цветы,
Зеленые ль ветви дарили солдатам,
Но столько в подарках людской теплоты,
Что я и сейчас их дышу ароматом.

И вдруг этот голос в машине возник.
Мелодию начал насвистывать кто-то.
И песня свободы чиста, как родник,
А смелостью каждая радует нота!

Кто в теплую ночь пел про лучший удел,
Взволнованно к жизни, к борьбе призывая!
Я спичку зажег и бойца разглядел —
Ни тени усов, а душа боевая.

Сколько лет ему было! Не знают у нас.
Немного, должно быть... Закончил он песню..
А песня солдатская та и сейчас
Летит над землей в синеве поднебесной.

Глаза его были светлы, глубоки,
Как чистое небо веселого мая.
Зеленую ветку держал он, руки
На миг с автомата в пути не снимая.

Глядел я, любуясь бойцом-молодцом:
Ну, прямо юнец средь солдатского круга!
А все — и пришелся иной бы отцом —
В нем видят не сына — товарища, друга.

Я слушал ручьистый, немолкнущий свист.
Раздув огонек папиросы, заметил,
Что брови над шрамом у парня сошлись —
Под Яссами враг в эту голову метил.

А в песне глубокая радость жила,
Звучала отвага большого похода.
Не страшной и смерть для солдата была,
Когда он избавил от смерти народы!

...Над старой дорогою солнечный зной.
Созрел виноград на возделанных склонах.
А пахнет попрежнему свежей листвой,
Которой венчали бойцов непреклонных...

Я вижу хозяев свободной земли,
Которых встречал на дороге суровой,
Что сталинским верным солдатам несли
И ветви любви и сердечное слово.

Босые крестьяне брели по холмам...
Теперь поглядите на светлые села!
Ребята из школы, и те по домам
Спешат в башмаках вереницей веселой.

Румяные щеки у этих ребят...
Краюхи душистого хлеба белеют...
Отцы у токов на детишек глядят,
И лица отцов от улыбки светлеют.

Ребята хранят в благодарных сердцах
Ту песню, что слышали в жизни впервые.
И ветви, как память о русских бойцах, —
Свидетели радости вечно живые!

Перевел с румынского
А. КУДРЕЙКО

На сталинградском заводе «Красный Октябрь», у витрины газеты «Правда».

Фото Г. Зельм

Один из старейших работников Сталинградского тракторного завода, участник обороны Царицына и обороны Сталинграда, П. Р. Золотухин с внучатами на Волге.

Фото Г. Зельма

КОГДА НАЧНЕТСЯ ПЕРВЫЙ УРОК...

Школьники еще отдыхают в лагерях, на дачах, совершают туристские походы, загорают на пляже, а здесь, на фабриках, о которых рассказывают корреспонденты «Огонька», заботливо готовят все, что необходимо ребятам для учебы.

100 ТЫСЯЧ КОЛЛЕКЦИЙ

...Первый урок в новом учебном году. В класс входит учитель и кладет на стол большие коробки. На крышке одной из них написано «Минералы», на другой — «Образцы зональных почв». Учитель раскрывает коробку и начинает урок...

Кто так заботливо приготовил для школьников эти коллекции минералов, образцы почв? Дружный, любящий школу коллектив московской фабрики «Природа и школа».

К новому учебному году в ее цехах начали готовиться, так же как и в школах, еще в начале лета. Цехи фабрики... Они разбросаны по всей стране — в Заполярье, Алтайском крае, на Урале, Украине, в Крыму, на Кавказе, в Киргизии, на Дальнем Востоке и в Подмосковье. «Заготовительными цехами» принято тут называть экспедиции фабрики. Под руководством специалистов — ботаников, геологов, зоологов, палеонтологов — они собирают растения, образцы минералов, почв, семян дикорастущих и сельскохозяйственных культур, вылавливают насекомых, бабочек, рыб, собирают жуков, букашек,— словом, все, чем так богата природа.

Директор фабрики Даниил Александрович Суслопаров рассказывает о результатах экспедиций нынешнего года. Крымский «заготовительный цех» прислал 300 тысяч растений для гербариев, 3 тонны различных минералов и ископаемых, множество разных насекомых и бабочек, образцы почв, семян трав и злаков. Из Мурманска прибыло более 10 тонн апатитов, полевого шпата, сотни образцов растений тундры, рыб, обитающих в Баренцовом и Белом морях. Тонны горных пород и минералов прислали из Донбасса и с Урала. Все это обрабатывается в цехах фабрики, где искусные мастера изготовляют наглядные пособия для школ.

Цех минералогических коллекций. Сюда поступают целыми глыбами образцы минералов и окаменелости. Тут их маркируют и подбирают в коллекции.

Сто тысяч различных гербариев и коллекций, муляжей и препаратов подготовила к новому учебному году фабрика «Природа и школа». И хотя официально она призвана обслуживать только школы, к ее помощи прибегают и вузы и техникумы. Днепропетровскому горному институту, Минскому индустриальному техникуму недавно отправлены геологические коллекции, а самому молодому в нашей стране Киргизскому государственному университету — еще и палеонтологическая. До 2 тысяч специальных гербариев, наборов семян и удобрений изготовлено для научных кабинетов нового здания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

...Заканчивается урок. Учитель складывает в коробку куски минералов. Они помогли ему лучше познакомить ребят с богатствами нашей Родины. Сгрудившись около стола, дети еще раз осматривают разноцветные камни и читают на крышке коробки: «Фабрика «Природа и школа», г. Москва».

А. АЛЕКСЕЕВ

Главный инженер фабрики «Природа и школа» А. В. Цветаев показывает молодой работнице Л. И. Юшкиной, как подбирать коллекции минералов.

Фото И. Туннеля

НА «ФАБРИКЕ КНИГИ»

...Ленинград. Петроградская сторона. На Гесслеровский проспект, Гатчинскую и Ораниенбаумскую улицы выходят многоэтажные корпуса крупнейшей в стране типографии «Печатный двор» имени А. М. Горького. Великий пролетарский писатель, побывавший здесь свыше 20 лет назад, еще тогда назвал ее «фабрикой книги».

Мы идем широкими пролетами светлых цехов, оснащенных первоклассной отечественной полиграфической техникой. Тут монотипы, линотипы, крышкоделательные агрегаты, резальные автоматы, ниткосшивные машины. И в какой цех ни заглянешь, всюду идет напряженная работа над выпуском учебников. Это почетный и первоочередной заказ.

Ротационный цех. Посредине стоят мощные советские ротации. С приемных барабанов равномерными пачками падают на транспортеры листы учебника «История СССР». Отсюда листы совершают по цехам долгий путь, пока не пройдут весь технологический цикл, пока не примут форму готовой книги.

И вот они уже в добротных обложках, тысячи учебников с маркой «Печатный двор», маркой, известной всей стране. В отделе технического контроля придирчиво осматривают их.

— Начали сдавать четырнадцатый миллион,— говорит контролер.— Мы соревнуемся с полиграфистами

Конвейер завода «Электродело», где изготовляют приборы для школьных лабораторий.

Фото И. Фетисова

московской Первой образцовой типографии имени А. А. Жданова. Стараемся досрочно выполнить задание...

Нескончаемым потоком движутся по конвейерной ленте на склад учебники, еще пахнущие свежей краской. Отсюда они передаются книжной базе «Союзопторга»; она размещается в большом корпусе, который примыкает вплотную к «Печатному двору». На базу поступают учебники также из многих других типографий города Ленина; полиграфисты Ленинграда дают в этом году школам и вузам двадцать пять миллионов учебников.

В первом этаже на дверях надпись: «Приписная касса Октябрьской железной дороги». Нам пояснили: «Это филиал товарной станции. Здесь на месте оформляются документы на отправку учебников в триста семьдесят адресов».

Берем несколько накладных. Вот адреса получателей книг: Владивосток и Симферополь, Сталинград и Чита, Рязань и Цимлянская, Петрозаводск и Тахиа-Таш, Тбилиси и Калач...

В то время когда с Петроградской стороны направлялись на железнодорожные станции автомашины с учебниками, в другом конце города — на заводе «Электродело» — упаковывали новые приборы для физических и химических школьных лабораторий. На ящиках можно прочесть названия городов не только Советского Союза, но и Китая, Кореи, Польши, Чехословакии, Румынии и Болгарии.

К. ЧЕРЕВКОВ

Мартин Андерсен Нексе в Москве

В Москву по приглашению Союза советских писателей СССР прибыл известный датский писатель, видный общественный деятель, член бюро Всемирного Совета Мира Мартин Андерсен Нексе. На Внуковском аэродроме Нексе был тепло встречен московскими литераторами, журналистами, работниками ВОКСа.

НОВЫЙ РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ НА ЕНИСЕЕ

Десятки тысяч пассажиров ежегодно во время навигации отправляются из Красноярска по Енисею на Крайний Север, в Хакассию или в южные районы обширного края. До сих пор стоянкой пассажирских судов здесь служил деревянный дебаркадер. Недавно на возвышенном, левом берегу Енисея открылся новый речной вокзал. Он построен на том месте, откуда в черные годы царизма направлялись в

Флагман Енисейского пароходства «Иосиф Сталин» у нового речного вокзала.

Фото С. Малобицкого

ссылку великие вожди пролетариата Ленин и Сталин. Об этих событиях напоминает мемориальная доска, укрепленная на одном из старых зданий, сохранившихся здесь же, на берегу.

В Красноярске речной вокзал является самым большим и красивым зданием. Его высота от уровня реки до шпиля, увенчанного пятиконечной звездой, равна высоте четырнадцатиэтажного дома. В залах вокзала могут одновременно разместиться пятьсот человек.

...Пассажиры сходят с парохода, подымаются по гранитным ступеням широкой лестницы и попадают в просторный вестибюль. По обе стороны — залы ожидания. Затем поднимаются на второй этаж. Всеобщее внимание привлекает так называемый Адмиральский зал. Здесь размещены исполненные маслом портреты знаменитых русских флотоводцев. В центре большой портрет И. В. Сталина, изображенного на палубе крейсера «Молотов».

Часть второго и весь третий этаж отведены под гостиницу для пассажиров. Тут же — комнаты матери и ребенка, детский зал, ванные, душевые.

Речной вокзал на Енисее построен по проекту красноярского архитектора А. Н. Голубева. Живопись, лепка и все отделочные работы выполнены местными художниками и строителями.

А. ШЕВЕЛЕВ

ОДИН ИЗ ВОСЬМИ

С каждым годом становится все больше и больше прекрасных и благоустроенных домов, построенных в Москве советской властью. Пять лет назад, в день 800-летия Москвы, по инициативе товарища И. В. Сталина были заложены восемь высотных зданий. Сегодня эти дома гордо высятся над скверами, площадями и широкими улицами новой Москвы. Не так давно столица приняла высотный дом на Котельнической набережной. И вот уже подписан акт приемки нового высотного дома на Смоленской площади. Этот дом — новое достижение советской строительной техники.

Наших детей теперь иногда мудрено удивить чудесами из старинных сказок. Сидя на лужайке, девочка читает сказку о ковре-самолете. А в это время над ней с веселым рокотом проносятся блестящие птицы-стрелы... Разве самый «скоролетный» ковер угонится за самолетом, что летит высоко над головой девочки? «У ковра ведь и формы необтекаемые»... Бабушка читает мальчику сказку:

— «Сезам, откройся! — сказал он, и вдруг двери открылись сами собой...»

— Бабушка, это как в метро, да?

Вот и здесь, у высотного дома на Смоленской площади, вы подходите к огромным, семиметровым дверям главного входа. Кажется, немало усилий надо приложить, чтобы открыть такую дверь. С некоторой робостью слегка трогаете ручку — и неожиданно массивная дверь сама спокойно открывается перед вами.

— Автоматическое устройство. Сжатый воздух,— кратко поясняют вам инженеры.

Вы входите в величественный мраморный вестибюль. Справа и слева вниз бесшумно бегут ленты эскалаторов. Они спускают вас в цокольный этаж, где расположилась гардеробная.

Подходите к лифтам. Долго ждать не надо: лифтов в здании двадцать восемь. Из них двадцать пассажирских, остальные — буфетные и грузовые. Светящиеся цифры бегают по щиту и показывают, где какой лифт сейчас находится. Вот эта кабина здесь, внизу, рядом. Нажимаете кнопку, подходит ближайший лифт — и дверцы кабины раскрываются перед вами. Входите.

— Вам на какой этаж?

— Этаж? Ну... хотя бы на двадцать третий.

Лифтерша нажимает кнопку. Сначала ощущение взлета, но потом вам кажется, что лифт стоит на месте. Почему он стоит? И вдруг дверцы опять открываются.

— Что? Поломка? — спрашиваете вы тоном многоопытного человека.

— Нет. Двадцать третий,— улыбается девушка-лифтерша.

Вам кажется, что девушка шутит. Ну, сказала бы там, шестой или восьмой...

— А вы взгляните на контрольный указатель...— опять торжествующе улыбается она. — Лифт-то ведь у нас скоростной. Три с половиной метра в секунду!

Взглядываете на указатель. Верно. Двадцать третий.

Проходите по коридору — и уже вас трудно оторвать от окна. Так вот она какая, Москва, с орлиного полета! Красивая, и стройная, и вся в зелени. Плавно перепоясывает ее Москва-река. Бесшумно носятся по широким улицам машины. А там, за Москвой, леса. И на фоне этих лесов в разных радиусах города торжествующе поднялись вверх светлые братья нашего дома: вон университет, там дом на Котельнической, здесь... Да какие же они красивые, эти братья-великаны!

Вы самозабвенно ходите по этажам здания, ездите вверх и вниз на лифтах, спускаетесь в машинные залы, где люди приводят в действие любой агрегат простым нажатием кнопок, проходите по светлым комнатам, бережно прикасаясь к мрамору, любуясь отсветами бронзы и хрусталя... Уходить отсюда не хочется... Вот как научились работать мы, советские люди! А ведь это — только начало!

Навстречу вам идет рабочий. Виски у него тронуты сединой, на груди воинские орденские планки, глаза с веселым прищуром:

— Что, товарищ, комнаты осматриваете? И думаете сегодня все осмотреть? Много же вам деньков для этого потребуется! Ведь комнат здесь — тысяча триста шестьдесят две!

Идем дальше.

В просторной столовой очень уютно. Мягкие красивые стулья. Кажется, что вершины колонн светятся изнутри мягким, матовым светом. Идете на кухню.

Но какая же это кухня? Она больше похожа на операционную. Здесь все готовится посредством электричества. Поварам, помимо своей основной специальности, вероятно, придется пройти небольшой технический минимум по знанию электротехники. В стенах дверцы. Шкафы? Нет, это лифты. По сигналу в любой момент снизу из холодильника будут доставлены продукты. Холодильников много, и температура в них разная, всякому продукту своя.

Техника в новом доме на каждом шагу.

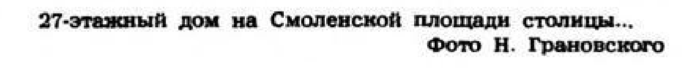
— Имейте в виду, — с гордостью говорит инженер А. Е. Третьяков,— импортного у нас ни одного винтика. Оборудование все отечественное.

Автоматическая телефонная станция на четыре тысячи номеров. В каждой комнате радио. Радиоузел по своей мощности равен узлу большого областного центра. Умная и точная уникальная пожарная сигнализация. Если провода и кабели только одних слабых токов этого дома растянуть в одну линию, она протянется на двести километров. Стенных электрических часов в доме больше тысячи. Но когда хоть один из них остановятся, в ту же секунду на центральном пульте управления появится сигнал и неисправность будет устранена. Эта станция автоматического управления электрическими часами — тоже первая в стране.

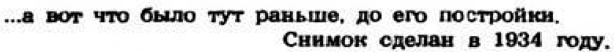
Вы продолжаете ходить по коридорам здания и не устаете разглядывать великолепные люстры, капители колонн, мраморные широкие лестницы. Лето. На улице жара, и в конце концов, несмотря на хорошие вентиляторы, вам все-таки становится жарко. Входите в дверь и... попадаете в

Главный вестибюль.

27-этажный дом на Смоленской площади столицы...
Фото Н. Грановского

...а вот что было тут раньше, до его постройки.
Снимок сделан в 1934 году.

Зал заседаний.

Гардеробная цокольного этажа.

другой климат. Легко, свободно дышать. Прохладно. Будто бы за окном холодноватый и ласковый сентябрьский денек. Это не промозглый холод подвала, нет, это именно другой, удивительно приятный климат.

— Отдохните, — советует инженер.— Кондиционированный воздух. Видите, на стенах коробочки? Терморегуляторы и влагорегуляторы. Кондиционированные установки у нас во многих помещениях: в зале заседаний, в некоторых кабинетах, в библиотеке-читальне... До чего взбадривающе действует кондиционированный воздух! И тишина: окна закрыты герметически, и снаружи сюда не проникает шум.

Уходить из этого дома не хочется. Вы мнетесь в коридорах и просительно взглядываете на инженера:

— Покажите еще что-нибудь.

— Показывать можно много. Зайдемте еще сюда.

Зал заседаний на втором этаже. Кресла амфитеатром. Карельская береза. Беломраморные пилоны. И снова освежающий кондиционированный воздух. Торжественно тихо. А на стене слова: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, к победе коммунизма!»

П. АНТОНОВ,
С. БОГОРАД

Фото А. Гостева

Вид на Москву с 23-го этажа высотного дома.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Издали казалось, что кто-то плетет многоцветный венок из ярких цветов, то вдруг распрямляя гирлянду, то разделяя на маленькие букетики, то вновь сплетая в единое пестрое кольцо. Эта картина так радовала глаз, что каждый, увидевший ее, останавливался надолго. Толпа зрителей росла, и к концу программы на массовом поле московского Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького, где шло представление, стало тесновато. Актеры со сцены уже не видели, где кончалось многотысячное море голов.

Жизнерадостное искусство чехословацкого ансамбля песни и пляски «Слук» покорило сердца наших зрителей. Жизнерадостность ощущалась не только в веселых танцах и пронизанных тонким юмором шутливых народных песнях — радостью, счастьем, вдохновением светились лица участников. И поэтому хоть и незнакомы были слушателю слова современной словацкой песни композитора Бартоломея Урбанца «Гей, солнце всходит» — о строительстве социализма,— по озаренным лицам поющих было видно: поют они о том, как изменилась их жизнь в новых условиях.

«Слук» — молодой ансамбль. В 1949 году на праздновании пятой годовщины словацкого национального восстания состоялось первое выступление этого ансамбля, организованного из участников художественной самодеятельности.

Артисты из народа принесли в ансамбль танцы и песни различных областей Словакии. О богатстве и разнообразии словацкого народного творчества можно судить по программе, показанной «Слук» во время гастролей в Москве и других городах Союза. Исполненные a-capella (без оркестра) протяжная, глубоко лирическая песня «Травнице», которую поют на сенокосе женщины в горных областях, сменяются шуточными песнями Западной Словакии; стремительный, воинственный танец оравских пастухов — задорной,

«Дупак» — танец Средней Словакии. Исполняет танцевальная группа чехословацкого ансамбля песни и пляски «Слук».

Фото Е. Умнова

темпераментной пляской «Гулянья в Детве», в которой танцоры стараются перещеголять друг друга в грации и ловкости. Основа этого танца взята из деревни Очовой в Средней Словакии.

Молодые актеры с большим искусством справляются с трудной и разнообразной программой, в этом им помогает природная одаренность; помогают и руководство опытных мастеров искусства (художественный руководитель ансамбля — профессор Рудольф Мрлиан, дирижеры-композиторы — Бартоломей Урбанец и Юлиус Можи) и постоянная учеба.

За три года работы ансамбля в нем выросло и отшлифовалось немало дарований. Учитель деревенской начальной школы Войтех Адамец стал хормейстером ансамбля, студент медицинского факультета Юрай Кубанка — балетмейстером, пастух Юрай Брунё, крестьяне Ян Гашко и Милан Майерчик, ученик слесаря Мариан Калицкий — солистами танцевальной группы. Из начинающего драматического актера Мартина Тяпака вырос балетмейстер и режиссер, работница завода Анна Габерова и рабочий с мельницы Ян Полак стали певцами-солистами...

Их незаурядное мастерство сказалось и в старинных народных танцах и песнях и в радостных, солнечных картинках, посвященных современной Чехословакии: «Да здравствует 1 Мая, да здравствует мир!» и «Праздник урожая в сельскохозяйственном кооперативе». С большим подъемом исполнял ансамбль торжественный хор Б. Александрова «Слава великому Сталину» и песни советских композиторов.

Кончился концерт. Микрофоны, которые транслировали его по всей огромной территории парка, долго разносили слова привета, дружбы, любви, звучавшие на словацком и русском языках. «Да здравствует дружба народов Советского Союза с Чехословакией!» — провозглашали здравицу зрители; «Сталин, Готвальд, мир!» — скандировали, аплодируя, артисты. И долго, словно эхо, раздавалось в репродукторах:

«Мир, мир, мир!»

И. СЕМЕНОВА

В степь идет вода

Котельниковский район — одна из самых засушливых южных окраин Сталинградской области. Вода здесь добывается с большой глубины из колодцев, которые летом часто пересыхают.

Завершение строительства Волго-Донского канала открывает перед котельниковскими колхозниками новые перспективы. В степном краю создается мощная ирригационная система. Она позволит оросить и обводнить огромные массивы плодородных земель.

Недавно в районе развернулось строительство Генераловского магистрального канала. Трасса сооружения тянется на много километров. Закладывается насосная станция для забора воды из Цимлянского водохранилища. Экскаваторы и бульдозеры уже вынимают грунт на тринадцатом километре трассы.

Весной будущего года вода потечет на поля первых пяти здешних колхозов. Котельники в ближайшие годы станут районом высокоурожайного, поливного земледелия. Площадь плантаций хлопчатника в колхозах увеличится до 10 тысяч гектаров. Разовьется тонкорунное овцеводство: через три года тонкорунное стадо должно значительно возрасти.

— Генераловский магистральный канал,— говорит начальник Сталинградводстроя А. Н. Попов,— первенец многочисленных оросительных сооружений Сталинградской области. Нашему коллективу предстоит построить в зоне Волго-Дона, на территории области, 33 оросительные системы общей площадью 150 тысяч гектаров и обводнительные — на площади 1 200 тысяч гектаров. Невиданных масштабов достигнут гидротехнические работы после завершения строительства Сталинградской ГЭС. В Сталинградской, Астраханской, Саратовской и других областях зоны деятельности Сталинградводстроя намечается создать такую грандиозную систему гидротехнических сооружений, которая оросит и обводнит миллионы гектаров бесплодных земель.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

СИЛЬНЕЙШИЕ КОМАНДЫ МИРА

ВСЕМИРНЫЙ ЧЕМПИОНАТ ПО ВОЛЕЙБОЛУ

Общий вид стадиона «Динамо».

Фото А. Бочинина

Несколько дней на московском стадионе «Динамо» продолжаются соревнования на первенство мира по волейболу. Команды одиннадцати стран оспаривают право называться сильнейшими. Мужчины во всемирном чемпионате участвуют во второй раз, женщины — впервые.

Несмотря на хмурый день, 17 августа столичный стадион выглядел красочно. На самом верху западной трибуны и у ее подножья развевались государственные флаги Болгарии, Венгрии, Израиля, Индии, Ливана, Польши, Румынии, СССР, Финляндии, Франции, Чехословакии. На трибунах разместилось около сорока тысяч человек. Такого числа зрителей на волейбольных состязаниях еще никогда не было.

Общее внимание привлекла команда Индии. Индийские волейболисты прошли торжественным маршем в голубых пиджаках, с тюрбанами на головах.

Первыми, кому довелось открыть чемпионат, были женские команды Венгрии и Польши. Венгерки начали играть в волейбол недавно, всего семь лет назад. У польских же волейболисток большой опыт. Эта команда по праву претендует на первое место. Любопытно, что сильнейший игрок коллектива М. Закшевская уже знакома москвичам. Весной нынешнего года Закшевская участвовала в состязаниях на первенство Европы по баскетболу. Тогда эти встречи проводились здесь же, на стадионе «Динамо».

Польские волейболистки без труда добились победы в трех партиях со счетом 15:5, 15:3, 15:5.

Пока на площадке у западной трибуны идет очередная встреча, на других тренируются свободные сегодня от игры команды.

Зрители плотным кольцом окружили площадку, на которой играют друг с другом индийские волейболисты. Теперь они в обычных майках и трусах. Все они хорошо сложены.

Волейбол в Индии — одна из самых популярных игр и культивируется более 30 лет. Своеобразную разминку перед состязанием провели болгарские волейболистки. Они на зеленом поле играли в... футбол.

На площадке выстраиваются женские команды СССР и Болгарии. Обмен приветствиями, крепкие рукопожатия капитанов команд Чудиной и Георгиевой, и румынский судья Груя, взобравшись на судейскую вышку, дает сигнал к началу встречи.

В первой партии завязалась напряженная борьба. Однако две другие партии сравнительно легко выиграли советские волейболистки. Общий итог встречи 15:10, 15:4, 15:6 в пользу команды Советского Союза.

Неравными оказались силы мужских команд Румынии и Ливана, Польши и Финляндии. Победу одержали более опытные румынские и польские спортсмены.

18 августа впервые выступили волейболисты СССР. Они без напряжения выиграли у команды Израиля со счетом 3:0 (15:2, 15:4 и 15:1). Венгерские спортсмены одержали победу над болгарской командой со счетом 3:1, чехословацкие над французской — 3:0. Женская команда Чехословакии выиграла у румынок с итогом 3:0.

Состязания на первенство мира продолжаются.

Мастер спорта
А. ПИСКАРЕВ

Момент состязаний между командами Финляндии и Польши.

Индийская спортивная делегация наблюдает за соревнованием.

Шахматный турнир наций

ЗАКОНЧИЛИСЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ
КОМАНДА СССР В СВОЕЙ ГРУППЕ ЗАНЯЛА ПЕРВОЕ МЕСТО

Закончились полуфинальные игры командного первенства мира по шахматам. Двадцать пять команд различных стран, разбитых на три группы, соревновались за право выхода в финал, который должен определить сильнейшую команду мира.

Перед последним туром предварительных состязаний фактически уже определились восемь команд из девяти, выходящих в финал. В первой группе в финал вышли команды Аргентины, Западной Германии, Чехословакии; во второй — Швеции, Венгрии, Югославии; в третьей — СССР, США.

С большим успехом выступает команда Советского Союза, выигравшая все матчи: у команды Израиля — 3:1, Швейцарии — 3,5:0,5, Польши — 4:0, Голландии — 3,5:0,5, Финляндии — 2,5:1,5 и Греции — 4:0. Советские шахматисты добились рекордного результата — 20,5 очка из 24. Наша команда опередила к последнему туру следующую за ней команду США на 3,5 очка.

Команда СССР выступает в составе гроссмейстеров Кереса, Смыслова, Бронштейна, Геллера (основной состав), Болеславского и Котова (запасные). Наибольший успех выпал на долю гроссмейстеров Бронштейна и Геллера, которые выиграли все сыгранные ими партии.

Советские шахматисты играют с большим подъемом, они дали ряд красивых партий. Особенно эффектна партия Смыслова с Пытляковским (Польша); жертвуя пешку, а затем коня, Смыслов получил неотразимую атаку. Смыслову же принадлежит и наиболее короткая партия турнира: советский гроссмейстер выиграл в 15 ходов партию против известного мастера Принса (Голландия).

Обращает на себя внимание неровная игра команды США, которая в предварительных играх потерпела поражение в матчах с командами Голландии и Финляндии и сыграла вничью с командой Польши.

Больше всего зрителей собирается возле столиков, за которыми играют команды СССР и, естественно, Финляндии.

Во время матча СССР — Голландия к столику, за которым играли Геллер и Крамер, нельзя было подступиться из-за плотной стены зрителей, наблюдавших за интересной игрой молодого советского гроссмейстера.

К участникам нашей команды постоянно обращаются с просьбой дать свой автограф. Кроме книг, записных книжек, местом для занесения автографа иногда являются белые поля шахматной доски.

В гостях у советской команды побывали шахматисты ряда стран.

В выходной день состоялся матч в пинг-понг между советским гроссмейстером Геллером и участником команды Германской Демократической Республики мастером Платцем.

Олимпиада хорошо организована. Присутствует много зрителей. Один из туров посетил премьер-министр Финляндии Кекконен.

* * *

В последнем туре полуфинала советская команда выиграла у команды США со счетом 3:1. На первой доске Смыслов выиграл у чемпиона США Эванса, на третьей — Болеславский у Бизгайра; партии Геллер — Бирн и Котов — Колтановский закончились вничью.

Таким образом разрыв в очках между командами Советского Союза и США увеличился до 5,5.

Третье место в группе № 3 заняла команда Финляндии и, следовательно, вышла в финал.

Финальные встречи начинаются 21 августа.

Мастер А. СОКОЛЬСКИЙ

ТОКАРЬ ИЗ КОЛХОЗНОГО СЕЛА

А. СТАРКОВ

Интерес к технике у него от отца. Константина Григорьевича Лалетина величают в колхозе главным инженером, хотя официально такой должности нет. Он заместитель председателя колхоза, ведающий техникой, подсобными предприятиями. Три электростанции, ремонтно-механические мастерские, два лесопильных завода, кирпичный, маслобойный и маслодельный, вальцевая мельница, механизированное оборудование ферм, гараж, водопровод, котельная, телефонный коммутатор, радиотрансляционный узел, высоковольтная линия передачи длиной в одиннадцать километров — вот его «владения».

В первый год войны, после того, как многие специалисты, в том числе и Лалетин-отец, ушли на фронт, Петр Алексеевич Прозоров, председатель колхоза, собрал группу старших школьников. Это были подростки, знакомые с техникой по урокам физики и по занятиям на детской технической станции, которая уже несколько лет существовала в селе.

— Правление просит вас,— сказал Прозоров,— заменить наших фронтовиков у машин.

Ребята сидели притихшие, сразу повзрослевшие: большая забота легла с этой минуты на их плечи...

Лёню Лалетина послали дежурным электриком на гидростанцию. Начальником там был старик Наседкин, бывший моряк дальнего плавания, недавно появившийся в Вожгалах; он эвакуировался с семьей из Одессы. Ходил Наседкин всегда в кителе с медными пуговицами, надраенными до сверкания, и требовал, чтобы в машинном зале и у распределительного щита все блестело, «вот как эти мои пуговки». Наседкин обладал редчайшей памятью: любую машину, которая когда-либо встретилась ему в жизни,— а видел он их сотни,— мог изобразить в чертеже со всеми подробностями, не упустив и самого крошечного винтика. Лёня сохранял эти чертежики. Их накопилось у него целая папка; впоследствии он не раз пользовался ими, снова и снова убеждаясь, с какой исключительной точностью они сделаны.

В Чекотах строили тепловую электростанцию. Чекоты — село в одиннадцати километрах от Вожгал, где расположена центральная усадьба колхоза «Красный Октябрь». Там работает бригада Екатерины Григорьевны Лалетиной, матери Лёни. В ту пору туда не была еще протянута из Вожгал высоковольтная линия передачи. Проект уже составили, но война помешала его осуществить. Хозяйство же у бригады большое, многоотраслевое, равное хозяйству иной самостоятельной артели: не только полеводство у них, есть и огороды, и фермы, и даже питомник чернобурых лисиц. Без электричества нельзя.

— Используем локомобиль,— предложил на правлении Прозоров.

Все сидевшие в комнате переглянулись. Локомобиль? Так он же горел перед войной и совершенно вышел из строя. Куда он годится?

— Я советовался с Лалетиным. Он считает, можно восстановить.

Опять переглянулись члены правления: председатель успел уже, значит, списаться с «главным инженером», который был на фронте.

— И берется сделать...

Вот это уже было совсем непонятно. Кто-то спросил:

— А что, Константин Григорьевич возвращается разве?

— Я говорю про Лёню Лалетина.

И в третий раз переглянулись правленцы. Конечно, паренек толковый. Но очень уж молоденький. Под силу ли ему такая работа? Ведь, по существу, нужно сделать новую машину.

Прозоров сказал:

— Помните, когда мы впервые приглашали школьников, тоже были сомнения. А какие оказались молодцы! Всю технику тянут... Справится!

Локомобиль восстанавливали вдвоем: Лёня Лалетин и его тезка Леонид Прозоров, племянник председателя. Машина была действительно в таком состоянии, что юноши, осмотрев ее, приуныли. Председателю же, который каждое утро справлялся у них, как идут дела, вида не показывали. Наоборот, узнав, что он собирается на несколько дней в областной центр, в Киров, попросили привезти оттуда краники, водомерные стекла, манометр. Эти детали должны были понадобиться им еще не скоро, в самом конце работы. Но они хотели, чтобы Петр Алексеевич подумал: «Ну, раз ребята просят уже краники и манометр, значит, все у них в порядке, значит, верят в успех...» Они смонтировали двигатель, и ток был дан во-время: как раз в тот день, когда началась молотьба. Чекоты получили электричество!

...Словом, когда Лалетин-старший вернулся с фронта, его сын был уже зрелым механиком. В больших делах, осуществление которых оттянула война,— реконструкция гидростанции, строительство высоковольтной линии передачи — главный инженер колхоза имел хорошего помощника. Ему можно было поручить даже такую ответственную работу, как установка 150-сильного нефтяного двигателя на гидростанции. Этот двигатель ставили потому, что колхоз разрастался, строился и прежней мощности гидростанции не хватало для его нужд.

Между прочим, у Лёни Лалетина была такая мысль: нельзя ли зимой использовать для получения дополнительной энергии разницу между температурами подледной воды в реке и наружного воздуха? Разработал целую систему: котел-испаритель, турбина, холодильник... Послал проект в Министерство электростанций. Оттуда пришел отзыв. Видный конструктор сообщал, что теоретически такая идея весьма остроумна. Но реализовать ее нерентабельно: турбина мощностью в 40 киловатт должна в данном случае обладать такими же размерами, как турбина в 100 тысяч киловатт... Далее говорилось, что автор проекта — человек, несомненно, способный и ему необходимо учиться.

Лёня показал это письмо председателю.

— Понимаю, куда ты клонишь,— сказал Прозоров.— Вот тебе мое обещание: смонтируешь двигатель, поработаешь на нем с год, подготовишь себе смену, и тогда поезжай в Ленинград.

И вот двигатель смонтирован, смена подготовлена...

Из колхозного села Вожгалы уезжал в большой город на знаменитый Кировский завод юноша, закончивший семилетку, работавший дежурным электриком на гидростанции, восстановивший локомобиль, конструктор оригинального станка-автомата, изготовляющего гвозди, механик, знакомый с самыми различными типами двигателей внутреннего сгорания, токарь, слесарь, шофер первого класса, мотоциклист... Уезжал, чтобы, поработав на заводе, поступить учиться в техникум.

Прошло два года. Несколько раз собиралась Екатерина Григорьевна навестить сына, да все не удавалось. Наконец подошел удобный случай: Лалетину вызвали в министерство. Закончив дела в столице, она проехала в Ленинград. С вокзала завезла вещи к знакомым и, несмотря на их уговоры передохнуть с дороги, попить хотя бы чайку, тут же отправилась за Нарвскую заставу, в общежитие, где живет сын.

Лёни дома не было.

— Вот его комната,— показала уборщица, сразу догадавшись, что перед ней мать Лалетина.— Проходите, пожалуйста. Он сегодня в утреннюю. Скоро вернется.

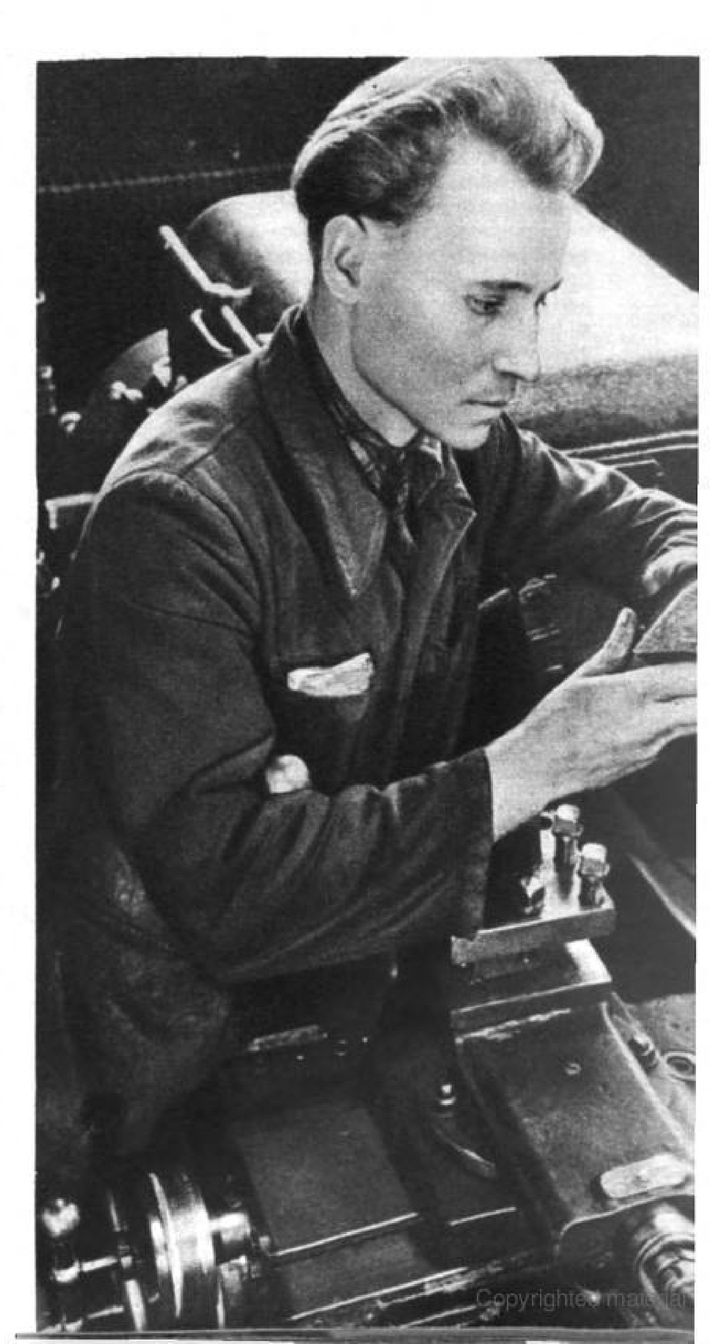
Комната понравилась Екатерине Григорьевне: большая, светлая, в четыре окна. Но, кажется, угловая — не холодновато ли бывает? Подошла к батарее парового отопления, потрогала: греют на совесть... Огляделась: шесть кроватей. Какая же из них лёнина? Вон на той тумбочке полно книг. Значит, это его тумбочка. Но и на соседней не меньше. И на третьей — столько же. Здесь, оказывается, не один Лёня — любитель почитать... Она ходила по комнате, нагибалась к кроватям, стараясь определить, на какой спит сын. И хотя тут было прибрано, подметено,— руки ее машинально доделывали по пути то, что не досмотрела уборщица: расправляли загнувшийся уголок одеяла, разглаживали складку на скатерти, передвигали стулья.

Под крайней, стоящей у окна кроватью Екатерина Григорьевна увидела знакомый чемодан... Она внимательно осмотрела все принадлежащее сыну: постель, чемодан, тумбочку. Особого беспорядка не было при этом обнаружено, если не считать пары выстиранных, но не заштопанных носков да небрежно сложенного полотенца.

В тумбочке лежали письма. Они были связаны в пачки. Екатерина Григорьевна взяла наугад одну. Это оказались ее письма. «Бережет!— подумала она.— Перечитывает...» Взяла другую, перебрала нижние края конвертов — все адреса разные: Москва, Киев, Муром, Одесса, Алма-Ата, адреса заводов, институтов, ремесленных училищ, редакций газет... Третья пачка; на всех конвертах адрес отправителя был одинаковый, и он весьма заинтересовал Екатерину Григорьевну. Она хотела уж было развязать пачку, но сдержалась: она никогда не вмешивалась в сердечные дела сына...

Лалетина присела к столу и развернула лежавшую тут газету. Это была «Ленинградская правда». На первой странице внизу напечатана заметка: «Новый выдающийся успех знат-

Леонид Лалетин.

Лалетин с друзьями.
Фото И. Фетисова

ного токаря Кировского завода Леонида Лалетина». Читать такое приятно. И чуточку все-таки обидно: она узнает о том, как работает ее родной сын преимущественно из газет.

Но где же он, этот знатный токарь?

В коридоре голоса. Люди, видно, возвращаются с работы. А его нет. Вот и сюда входят... Двое юношей стремительно распахнули дверь и остановились на пороге: в комнате сидит незнакомая пожилая женщина в накинутом на плечи белом пуховом платке, сквозь узорчатую кайму которого просвечивают золотая звездочка и три ордена Ленина.

— Я к Лалетину,— объясняет она.

— Мы знаем, вы Екатерина Григорьевна.

— А вы приятели Лёни?

— Да, мы живем в этой комнате.

— И работаете вместе?

— Нет, в разных цехах. Он в механическом.

Приходят еще двое. И еще один. Теперь все жильцы этой комнаты в сборе, все, кроме Лёни. Пришедший последним говорит, что Лалетин остался во вторую смену, выполняет какой-то важный и срочный заказ, который можно доверить лишь очень опытному токарю. А потом пойдет в партком. Он ведь уезжает завтра в Москву. Министерство вызывает.

Значит, его, пожалуй, не дождаться. А уходить не хочется. И она еще долго сидит с друзьями сына, пьет с ними чай, рассказывает про колхоз, расспрашивает, как они живут, и уже многое знает о каждом из них. Знает, что Коля Крылов, чья кровать стоит рядом с лёниной, потерял в блокаду родителей, воспитывался в детском доме. Что Володя Мартюков из-под Вологды, кончает семилетку и осенью собирается в машиностроительный техникум вместе с Лёней. Что Володе Завьялову присвоили вчера пятый разряд, а он ведь только полгода токарем.

Потом они всей гурьбой провожают ее до троллейбусной остановки. И хотя Екатерина Григорьевна так и не встретилась с сыном, кажется ей, что она видела его, говорила с ним...

Утром, чуть свет, Лёня примчался на квартиру, где остановилась мать. Весь день они провели вместе. Вечером, провожая сына на вокзал, Екатерина Григорьевна сказала:

— Ты там на коллегии не волнуйся. Спокойно говори. И главное — без бумажек. Я ведь тоже только что была в министерстве. Полеводов собирали. Выступала. Вышла к трибуне, а в руках толстая папка со всякими справками, выписками. Мне их в колхозе подготовили. Верчу эту папку, бумажки перебираю, а речи начать не могу. Подходит заместитель министра. Ничего не сказал, взял только у меня из рук папку, положил к себе на стол. И сразу стало легче. Заговорила так, будто у себя на правлении.

В поезде Лёня рассказал это товарищам, которые вместе с ним ехали в Москву,— начальнику участка Жукову, фрезеровщику Савичу, токарю Гурееву.

— Правильно! — подтвердил Савич.— Бумаги мешают. У меня был похожий случай...

В эту ночь Лёня долго не засыпал. Внизу ворочался Евгений Савич. Ему тоже, видимо, не спалось. Юра Гуреев прилег, раскрыл книгу, а минут через десять она мягко сползла на подушку. Сладко посапывал Иван Иванович Жуков.

Глядя на Жукова, Лёня вспомнил свою первую встречу с ним.

— Токарем к нам? — спросил начальник участка.

— Токарем.

— Где учились? В ремесленном?

— Нет, в колхозной мастерской.

— Какой разряд?

— Не присваивали. Вот мои документы...

Жуков прочитал характеристику, подписанную председателем колхоза.

— Так вы не только токарь. Вам будет интересно на нашем участке. У нас разносторонняя работа... Идемте, выберем станок.

Они шли широким пролетом, и Лёне казалось, что десятки внимательных глаз смотрят на него со всех сторон, смотрят и оценивают: «Ну-ка, покажись, новый кировец, каков ты?»

— Вот тут есть вакансия,— сказал Жуков, показывая на станок, который еще издали понравился Лёне,— «Дип-200». Свежей выпечки. Третьего дня поставили. Хорош?

Еще бы! ДИП... Прежде это означало: догнать и перегнать. А про этого красавца 1949 года рождения надо говорить иначе: догнали и перегнали!

— Можете выйти в вечернюю смену? — спросил Жуков, взглянув на часы.

— Могу, конечно, могу!

— Выходите!

Первый наряд: обточить под шлифовку восемь валиков. Работа такая, что новичок не может обидеться: дали, мол, самое легкое, не доверяют... И в то же время, если он действительно имеет уже какой-то опыт, сделает ее спокойно, без особого напряжения. Войдет в общий ритм и почувствует себя увереннее.

Доброжелательно встретил Лёню начальник участка. Да и все вокруг были его доброжелатели...

Вот ему дали партию бронзовых гаек. Нужно нарезать сложную трапецоидальную резьбу. На малых скоростях все идет нормально. Чуть прибавишь обороты — резец начинает дрожать и дробит металл. А хочется побыстрее. Но как? Подошел Беляков, мастер. Постоял, посмотрел, пососал трубочку.

— С этим резцом,— говорит,— скорости не дашь. Слишком тонкое и длинное у него тело. А иным ему и нельзя быть: не сумеешь перетачивать. Мне когда-то попадалась такая резьба, тоже мучился. А потом сделал державку. И вкладывал в нее маленький резачок, который можно выдвигать при переточках. Пойду погляжу, не сохранилась ли у меня эта державочка.

Принес и державку и резачок, заточенный по форме резьбы.

— Попробуйте.

Попробовал: крепко стоит державка, не дрожит. Можно повышать обороты. И резьба получается чистая.

Были у него и такие друзья, с которыми он никогда не встречался, но помощь которых ощущал на каждом шагу: москвич Павел Быков, киевлянин Виталий Семинский...

Быков незримо стоял рядом с ним у станка, когда он обрабатывал штуцера, и Лёне как бы слышался голос знаменитого токаря: «Не надо горячиться, товарищ Лалетин! Не получается? Получится. Конечно, очень трудно просверлить в обтачиваемой детали длинное отверстие так, чтобы оно не ушло в сторону. Но, мне кажется, у вас принята неправильная технология. Почему ваши токари сначала центруют, выверяют необработанную деталь в патроне, а затем уже обтачивают ее и сверлят? Нельзя ли наоборот? Сперва сверлить, а потом, насадив отверстием на оправку, центровать и обтачивать. Думаю, что добьетесь тогда точности. Вы ведь читали мою книгу? Помните, как я выверял валики, в отверстиях которых протачивались канавки? Раньше это делалось в кулачках патрона. Уходило два — три часа. А я применил оправку и на всю выверку затрачивал три минуты. Попытайтесь сделать то же самое...»

А из Киева Семинский советовал ему, как обрабатывать длинные валы. Обычно такой вал зажимают одним концом в патроне, а среднюю часть поддерживают с помощью люнета — подпорочного приспособления, укрепленного на станине. Но при этом нельзя развивать больших скоростей, потому что люнет неподвижен, кулачки его не вращаются вместе с валом, греются и они и вал. Семинский же вал проталкивает до середины в отверстие шпинделя и схватывает кулачками патрон. И отпадает надобность в дополнительной подпорке. И можно давать любую скорость.

Лёня хотел было испытать этот способ, о котором он прочитал в книге Семинского, но не смог. У Семинского на станке, видно, более широкий шпиндель или валы узкие. А тут не лезут. Как же быть? Расточить шпиндель, расширить отверстие... Механик участка узнал об этом смелом замысле Лалетина — и на дыбы. Он полагал, что шпиндель, стенки которого станут тоньше, будет ослаблен. Лёня — к Ивану Ивановичу. Тот говорит: «Мысль хорошая, а горячиться нечего. Надо посоветоваться. Пойдем к Кузьмичеву». Кузьмичев — парторг цеха... Созвали цеховых механиков, пригласили работников из отдела главного механика. Сделали расчеты. Разрешили расточить шпиндель до 50 миллиметров. Лёню это вполне устраивало. Он получил возможность работать на таких же скоростях, как Семинский.

Так он учился и у тех, кто трудится с ним под одной крышей, и у тех, с кем его разделяют расстояния, но сближает единство целей.

Учился, чтобы и самому сказать свое слово.

Вот его копир, приспособление, которое превращает обыкновенный станок в копировальный... Вот его оригинальный резец с механическим креплением пластинки твердого сплава, названный уже в технической литературе «резцом Лалетина»... Вот предложенный им метод пооперационной работы при мелкосерийном производстве...

Есть уже у него, двадцатидвухлетнего токаря, свои ученики, своя школа. Чертежи созданных им приспособлений рассылают по заводам страны. Пишет он книгу, вроде тех, которые написаны Быковым, Семинским, Бирюковым, Борткевичем и которые лежат у него в тумбочке. А завтра ему предстоит выступать на коллегии министерства. Потом соберутся лучшие токари столицы, и он покажет им свои методы работы. Наверно, там будет и Быков. Говорят, и Семинский хотел приехать из Киева.

Завтра?.. Нет, уже сегодня. Скоро утро. Неплохо бы и заснуть!..

ИЗМИР ЭТИМ ЛЕТОМ

Письмо из Турции

Осман САМСУНОГЛУ

Бидон воды или... полтора кило хлеба

Город Измир расположен на берегу глубокого. извилистого залива. Город уступами поднимается вверх, к холмам. Улицы узенькие, запутанные, как нерасчесанные волосы. В верхних кварталах дома жмутся к земле. Здесь живет в большинстве бедный люд, рабочие. Одно из самых страшных бедствий в этих кварталах — отсутствие воды. Летом бидон воды стоит пятьдесят курушей — столько же, сколько полтора кило хлеба.

Фабричный район тянется по сырой, болотистой низине. Склады, где табак, инжир, виноград проходят сушку, сортировку и предварительную обработку, находятся в самом центре города. Летом люди здесь задыхаются от жары.

Полдень. Зной. На американских складах «Тобакко» обеденный перерыв. Рабочие закусывают, сидя на тротуарах, у стен складов. Укрывшись от солнца в тени ограды, работница кормит грудью ребенка. Нет помещения, где можно было бы по-человечески пообедать, и, разумеется, нет и в помине яслей для детей.

На днях в Измире происходила, с позволения сказать, «конференция профсоюза табачников». Зал напоминал в те часы полицейский участок: полицейских было больше, чем профсоюзных делегатов.

В зале конференции неспокойно. Рабочие стремятся избавиться от агентов фашистских партий, поставленных во главе профсоюзов. Вспыхивает потасовка. На председательском месте усаживается полицейский комиссар — он ведет теперь заседание. Участники конференции в знак протеста покидают зал. Полицейский комиссар рычит: «Те, кто покинул зал, плетутся на поводу у красных. Пусть не забывают, что у правительства железная рука!»

Табачники называют июнь — июль «мертвыми месяцами». Работы мало. Американские монополии подрывают, душат турецкое табаководство.

Обычно в мертвый сезон табачники шли временно работать на инжирные, виноградные склады. В этом году и такой работы нет. В начале весны на побережье Эгейского моря ударили заморозки, померзли виноградники.

Бедствия одно за другим обрушиваются на плечи турецкого крестьянства. После того как Турция превратилась в поместье американских колонизаторов, усилилось расслоение и разорение деревни. Бедняки и середняки теряют последний клочок земли; как осенние листья, отрываются они от родных ветвей и в поисках работы массами устремляются в города. Но работы нет. Безработица и дороговизна растут с каждым днем.

В Измир прибыл новый губернатор. Прежний губернатор, генерал Тугсавул, так усердно подымал в казино в Кадифекале бокалы за здоровье своих американских «друзей», что свалился замертво от разрыва сердца. В тот день, когда новый губернатор, Адал, сошел с поезда на вокзале Басмане, еще одна группа американских военных кораблей бросила якорь в измирском порту. Губернатор, не отряхнув дорожной пыли со штиблет, помчался встречать американцев. Сотни американских моряков высыпали на улицы. Та же картина, которую видела Турция в 1919—1922 годах: иностранная оккупация. Около Асансера американцы, приставашие на улице к турецким женщинам, завязывают драку с возмущенными прохожими. «Выгоним американцев вон из нашей страны!» — кричит участвующий в схватке окровавленный человек в изодранной одежде, как выяснилось потом, учитель из деревни Караджакёй, близ Эскишехира. Такие случаи бывают не только в Измире. Не так давно в Стамбуле, в районе Малтепе, несколько сот человек дали отпор распоясавшимся американцам. «Будь прокляты те, кто пустил этих собак в нашу страну!» — кричал народ.

Новый губернатор Измира сделал представителям печати заявление: «Наша полиция и жандармерия будут с максимальной производительностью вести борьбу против нарушителей порядка». Вскоре отряды моторизованной полиции заняли перекрестки, жандармские части оцепили рабочие районы. Начались облавы. Полиция производит налеты на кофейни в бедных кварталах: ищет тех, кто выступает против американцев, арестовывает патриотов. Губернатор отдал приказ выслать из города всех безработных под видом «бродяг». Так обеспечивается «порядок», продиктованный американскими колонизаторами своим турецким лакеям.

Господин Макги дает взбучку

В нынешней Турции Макги, посол Вашингтона, держит себя, как наместник и завоеватель. Когда ему вздумается, он садится в свой лимузин и разгуливает по Турции, как по своему имению. Недавно Макги удостоил своим посещением Измир. Он выстроил перед собой губернатора, начальника гарнизона, чинов охранки, «отцов города» и обрушился бранью на прогрессивные круги Турции.

Выступление Макги в Измире восприняли в Анкаре как новую директиву. В меджлисе на трибуну вышел депутат Агаоглу и поднял крик. «За последние месяцы имел место целый ряд выступлений, нарушающих спокойствие и порядок в стране. На стенах домов в таких крупных рабочих центрах, как Стамбул и Измир, расклеиваются прокламации. То и дело происходят забастовки в Анкаре и Измире. Рабочие в Стамбуле, ведя за собой население, попытались устроить митинги и демонстрации на улицах и площадях города... Рабочие, профсоюзы не имеют права заниматься политикой!..» — вопил этот приказчик американской реакции.

Правительство делает все, чтобы угодить мистеру Макги и ему подобным. 240 новых тюрем построено только за два последних года. В этом году строится 250 новых полицейских участков. В тюрьмах томятся 13 тысяч политических заключенных.

Мелкие торговцы Измира, местные промышленники терпят банкротство. Недавно повесился один фабрикант, владелец кожевенного завода. Вот что говорилось в оставленном им письме: «После того как правительство распахнуло двери таможен для американских товаров, мне осталось только закрыть свое предприятие».

В Измир недавно пожаловал директор турецкого отделения американской нефтяной компании «Сокони Вакуум». Эта компания имеет сейчас свои торговые предприятия в 300 пунктах страны. «Сокони Вакуум» и «Стандарт ойл» монополизировали турецкий рынок. Теперь они прибирают к рукам турецкие нефтяные источники. Директор «Сокони Вакуум» в Турции заявил с полным удовлетворением: «Наши дела идут все лучше, мы расширяем нашу организацию».

Директор «Делового банка», связанного с американской «Электрокомпани» и многими западногерманскими фирмами, также посетил эгейское побережье. В Измире он дал банкет. Поднимались тосты «за деловое «сотрудничество», «за здоровье основателя банка». Весь этот «энтузиазм» не случаен: «Деловой банк» в 1951 году получил 30 миллионов лир прибыли.

Неплохи доходы и других банков. «Сельскохозяйственный банк» нажил 35 миллионов. «Строительно-кредитный банк», во главе которого стоит один из заправил правительственной «демократической» партии, Ташкенд, на сделках с американскими фабрикантами оружия за год загреб 20 миллионов лир чистой прибыли. Американское заведение под вывеской «Банк промышленного развития» за год увеличило свой капитал в два раза и довело его до 104 миллионов лир. Уже сейчас этот банк контролирует 82 местных промышленных предприятия в разных местах Турции.

Над всей этой хищнической пирамидой возвышается банк американских монополий, так называемый «Международный банк реконструкции и развития». Он накладывает свою лапу на турецкие залежи хрома, меди, железа, на источники энергии, портовые сооружения. Власть этого банка выросла настолько, что его не смеют ослушаться ни меджлис, ни правительство. Так, например, постройку плотины и электростанции на реке Сейхан меджлис по первому же требованию поручил этому банку, издав специальный экстренный закон, обеспечивающий американцам огромные льготы. Теперь вся долина Чукуровы пребывает под сенью капиталов этого банка. Но разве вся Турция сейчас не под сенью флага американских колонизаторов?!

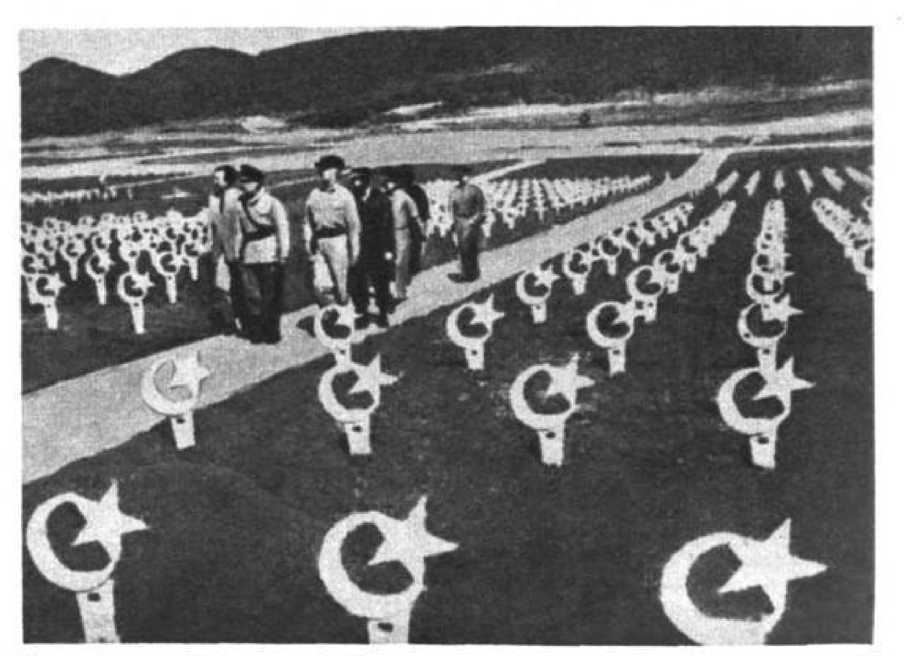
«Меметчики, возвращайтесь домой!»

Как и повсюду в нашей стране, в Измире народ глубоко взволнован событиями в Корее. Когда переговоры о перемирии в Корее затянулись, на улицах города только и слышалось: «Американцы опять изворачиваются, опять срывают переговоры!» На стенах фабрик в районе Халкапынар появились надписи: «Турецкий народ требует немедленного перемирия в Корее, турецкий народ требует немедленного возвращения меметчиков [1]».

Правительство отправило в Корею уже 18 тысяч турецких солдат. Министерство обороны в июне опубликовало 54-й по счету список потерь турецкой бригады. Согласно этим спискам, число убитых, раненых и пленных составляет 13 тысяч 700 человек.

Продавшиеся за доллары реакционные турецкие газеты заявляют с неслыханным цинизмом:

[1] Так называют в Турции солдат. (Прим. ред.)

Бесславная гибель на чужой земле за чужие интересы — такова судьба турецких юношей, угнанных на войну в Корею американскими агрессорами. На снимке — одно из кладбищ турецких солдат в Корее.

(Фото из турецкой газеты «Ени Сабах»)

Под давлением широких масс трудящихся французские органы юстиции вынуждены освобождать брошенных в тюрьму участников народных демонстраций против приезда во Францию генерала Риджуэя. На снимке: группа вновь освобожденных патриотов беседует в редакции газеты «Юманите» с Андрэ Стилем (первый справа), который находился с ними в заключении в парижской тюрьме Санте.

«В корейской войне мы стали компаньонами с американцами. Они дают деньги и оружие. Мы — кровь турецких солдат». Компаньоны американских интервентов уже обрушили на тысячи турецких семей горе и ужасы войны. Газета «Хюрриет» поместила фотографию, на которой снята турецкая женщина. Глаза ее полны горя. За руки держатся двое ребятишек. Их отца послали в Корею. Там он пропал без вести. Подпись под фотографией: «Женщина, не улыбающаяся уже много месяцев». В Турции каждый день растет число вдов и сирот.

Первое время отправляемые в Корею войска грузили на пароходы в порту Искендеруна. Сюда же привозили раненых. После стачки докеров Искендеруна, отказавшихся разгружать американское оружие, солдат, посылаемых в Корею, сажают на корабли в Измире.

Много дней газеты шумели по американскому образцу: «В измирский порт прибывают корейские герои...» Сотни людей потекли в Измир, надеясь встретить среди искалеченных солдат отца, мужа, брата, сына.

В эти дни Комитет сторонников мира выпустил обращение к народу. В обращении говорилось: «Идите в измирский порт! Предъявите счет тем, кто забрал сына у матери, мужа у жены, тем, кто послал турецких юношей на американскую бойню в Корею! Идите! Требуйте немедленного возвращения меметчиков домой!»

Раннее утро. Командующий гарнизоном и охранка еще ночью оцепили все дороги к порту. На набережной Кордонбою в напряженном ожидании стоят цепи солдат с примкнутыми штыками. Толпы народа со всех сторон стекаются к берегу. Когда пароход пришвартовывался к пристани, народ прорвал цепи солдат. На площади Пасапорт, на набережной перед дворцом губернатора волнение. «Отдайте наших сыновей! — слышатся крики.— Что вы сделали с нашими братьями?! Будь прокляты те, кто пролил кровь моего внука!»

Грозен гул толпы. Тысячи людей проклинают американцев и их турецких лакеев. Эта демонстрация без ораторов, без речей и без плакатов была демонстрацией народного протеста против отправки турецких войск в Корею.

Войска и жандармерия разогнали народ. Раненых солдат поспешно отправили в казармы Сарыкышла и ночью вывезли из Измира.

Большинство вернувшихся из Кореи солдат сами стали живыми воззваниями. Много узнал от них народ. Не поэтому ли полиция держит этих солдат под строгим надзором? Многие из них преданы суду военного трибунала за распространение среди народа лозунгов: «Корея корейцам! Меметчики, возвращайтесь домой!»

Один из моих старых знакомых показал мне письмо своего земляка, рыбака по профессии. Вот что пишет этот человек: «...Сердце мое обливается кровью. Моего парня призвали в армию, отправляют в Корею... Те, кто верховодит страной, разрушат наши очаги... Какое нам дело до Кореи? Что плохого нам сделали корейцы? Зачем нам проливать свою кровь за интересы иноземцев? Я написал сыну, пусть уходит в горы...»

Я не знаю, что сделал сын этого рыбака. Но число солдат, дезертирующих из армии, чтобы избегнуть отправки в Корею, растет беспрерывно.

Солдат, посылаемых на смерть в Корею, тщательно отбирают во всех дивизиях. Потом отобранные проходят долгую дополнительную проверку. Затем их поротно присылают в лагерь Сеферихисар под Измиром. Здесь солдаты и офицеры «учебного корейского полка» находятся под строгим надзором. В лагере всем распоряжаются американские генералы и офицеры. Начальник американской военной миссии в Турции генерал Арнольд инспектировал «учебный полк».

Однажды из этого лагеря бежал один солдат, родом из Аданы. Его дядя был убит в Корее, отец ранен, вернулся домой калекой. Бежавший солдат был убит в Измире, в квартале Тепеджик, после того, как долго отстреливался, окруженный военной полицией. Последние слова его были: «Чем позорно сдохнуть в Корее, лучше погибнуть здесь. Я умираю за честь турецкого народа!» Случай этот произвел огромное впечатление на солдат в лагере. Дело приняло настолько серьезный оборот, что свыше тысячи человек из «учебного полка» как «непригодных» заменили другими. Многие были арестованы...

Через несколько недель в порт пришел большой английский транспорт. Он должен был везти «учебный полк» из Сеферихисара в Корею. На корабле уже находились голландские, бельгийские и греческие солдаты. Эти солдаты отказались ехать в Корею и решили сойти на берег в Измире. Американская военная полиция на корабле и турецкая военная полиция на берегу преградили им дорогу. На корабле завязалась схватка. В американских и турецких полицейских полетели кастрюли, тарелки. Набережная Бириинджикордон была вся засыпана градом картофеля. Солдаты бросали с корабля и ручные гранаты. Начальник измирского гарнизона спешно прислал войска. Восстание было подавлено.

9 июня, рано утром, 233-я дивизия перерезала все дороги, ведущие в измирский порт. 1 500 меметчиков под охраной броневиков были доставлены на автомашинах прямо в порт из лагеря в Сеферихисаре. Пока их грузили на английский корабль, над городом летала эскадрилья военных самолетов. Народ не смог пробиться к набережной Кордонбою, где происходила погрузка. Так враги турецкого народа под дулами пулеметов и бронемашин гонят турецких солдат на смерть за интересы американских империалистов.

* * *

Перечисленные нами факты и события, приведенные примеры, террор в стране — все это свидетельствует о том, что недовольство широких народных масс страны и их борьба против американского рабства, против превращения Турции в американский военный плацдарм, против подготовки пушечного мяса из турецких солдат для американских фабрикантов смерти растут и ширятся. Это недовольство и эта борьба особенно усилились после включения Турции в агрессивный Северо-атлантический союз, после передачи всей турецкой армии под команду Пентагона.

Ни фашистский террор, ни «американский аркан» [1], ни машины лжи, построенные на доллары и за доллары работающие,— ничто не заставит народ Турции отказаться от борьбы за национальную независимость!

Перевод с турецкого

---

[1] «Американский аркан» — так турецкие охранники называют одну из «новейших» пыток, применяемых к патриотам. (Прим. ред.)

На наших вкладках

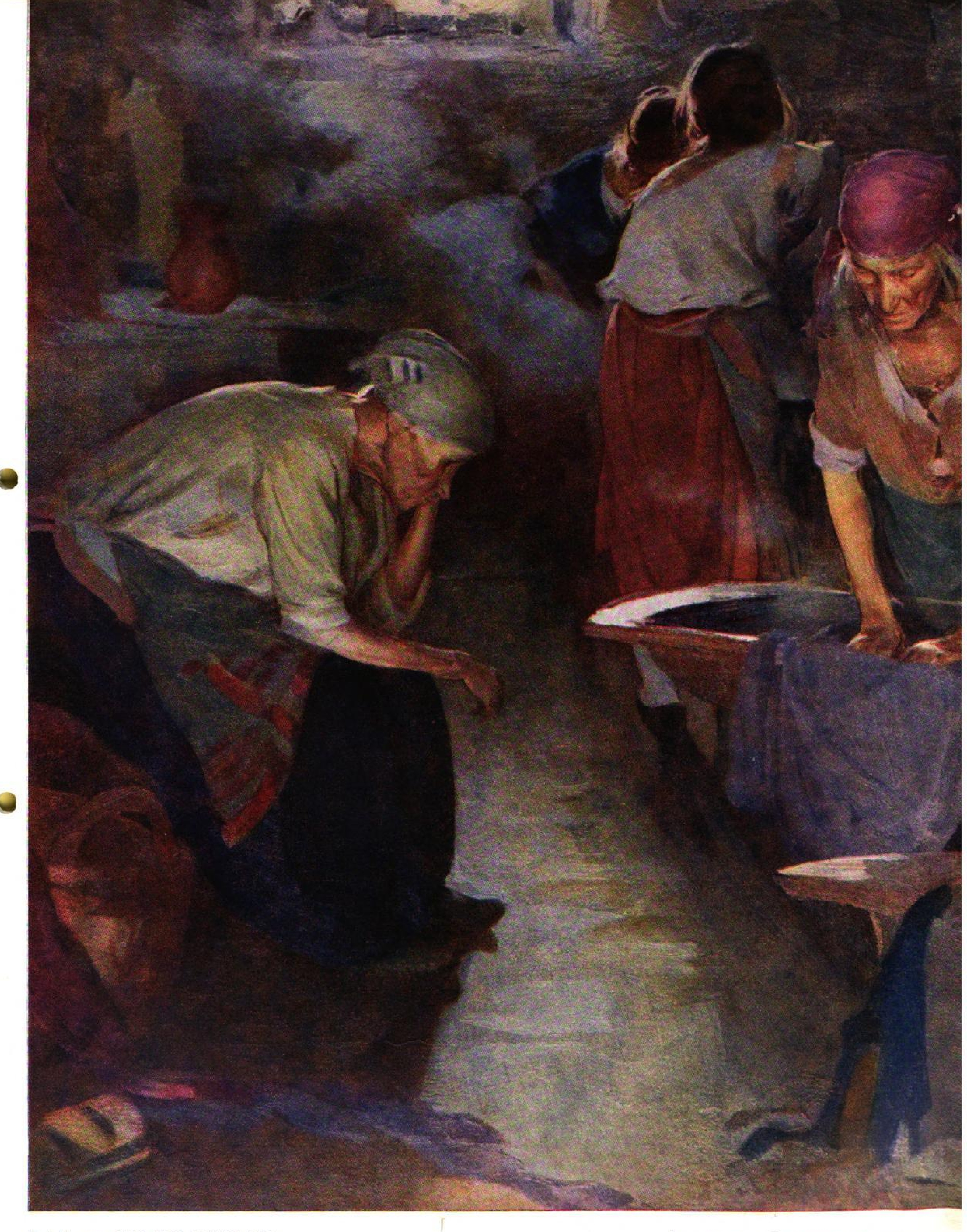
«Самым интересным и крупным из жанристов» называл Поленов своего ученика и собрата по Товариществу передвижных выставок А. Е. Архипова (1862—1930). Архипов — бытописатель русского пореформенного крестьянства. Любовь к русской деревне, знание ее быта он вынес еще из своего детства, проведенного в рязанском селе. Будущий художник родился в семье выкупившегося на волю крепостного крестьянина. Жили родители Архипова, как он сам вспоминал, «грязно и бедно... Сени грязные, под сенями свиньи жили — зимой в избу мелкий скот кормить гоняли и телят в ней от холода держали... Зимние вечера в тесной избе с лучинами — мать пряла, приходили соседки, лучины дымили...»

Отец всячески поддерживал стремление мальчика к рисованию, устроил его в ученики к подрядчику-иконописцу. На собранные собственными силами гроши четырнадцатилетний Архипов едет в Москву и поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Учеба дается ему легко. Талантливые и внимательные учителя, среди которых юноша особенно ценил Перова и Поленова, помогли ему определить свой творческий путь. Уже законченным мастером Архипов поступает в Академию художеств, но вскоре бросает ее и переезжает опять в Москву, где проходят его лучшие и наиболее плодотворные годы.

Излюбленная тема Архипова — темное царство старой деревни с ее безысходной нуждой, изнуряющей работой, безрадостной жизнью. Глубокий оптимист и жизнелюб по натуре, художник умеет увидеть и передать душевную красоту измученного труженика, умеет в любую картину внести светлую ноту, которая уничтожает ощущение безысходности. Чаще всего это бывает в его пейзаже, красочном, радостном, напоенном солнцем и теплом. Именно такова известная архиповская картина «По Оке» — одно из лучших произведений художника. Стасов писал о ней: «Вся картина писана прямо на солнце, это чувствуется сразу по всему, по каждой тени и блеску, по всему чудесному общему впечатлению; из сидящих на барке людей четыре бабы — просто великолепны по бесконечно правдивым позам, в которых они, праздные, усталые и унылые, молча сидят на своих тюках...»

Еще более сильное впечатление производят написанные десятью годами позже «Прачки». В наполненной паром, залитой водой прачечной склонились за работой изможденные, худые женщины. Одна из них на минуту присела, занятая какой-то тяжелой думой...

Архипов — разносторонний живописец. Ему удаются и такие психологические полотна, как «Старый актер», где художник передает всю горечь и внутреннюю опустошенность, которую испытывает этот состарившийся и, может быть, некогда блиставший на сцене человек. Нищета обстановки еще более усугубляет и подчеркивает драматизм положения.

А. Е. Архипов (1862—1930). ПРАЧКИ. 1901 год. Государственная Третьяковская галерея.

А. Е. Архипов. ПО РЕКЕ ОКЕ. 1890 год.

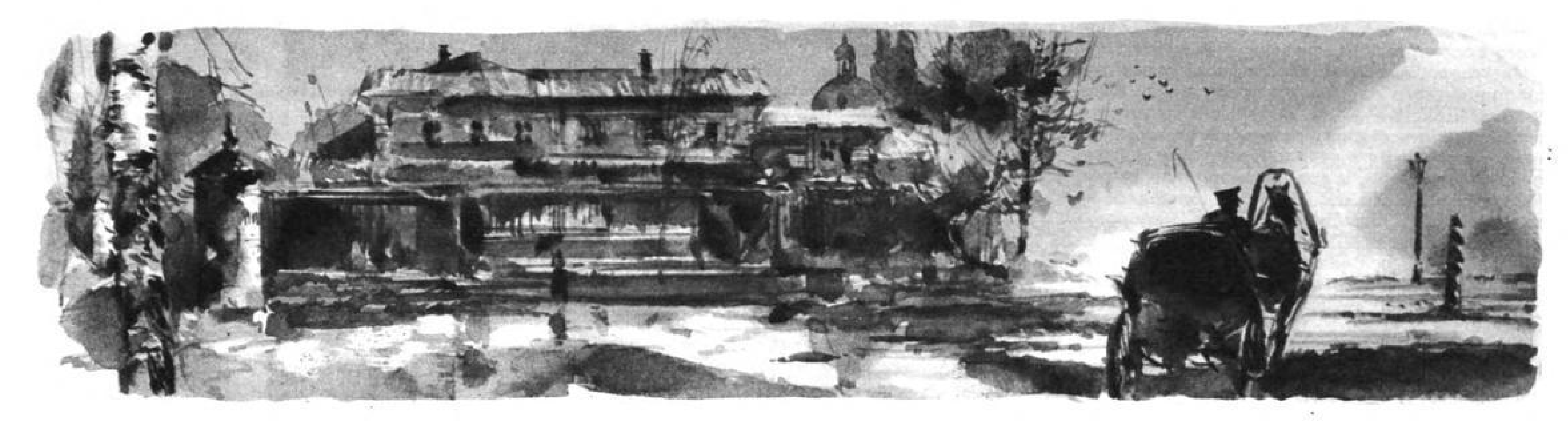

Государственная Третьяковская галерея.

А. Е. Архипов. СТАРЫЙ АКТЕР.

Горьковский государственный художественный музей.

Рисунки В. Климашина

ЗАРЕВО

Главы из романа

Юрий ЛИБЕДИНСКИЙ

Время действия романа «Зарево» — 1914—1916 годы. События, описанные в нем, непосредственно предшествуют Великому Октябрю. Место действия — Баку, Петербург, Северный Кавказ. В романе читатель встретится с некоторыми героями, знакомыми ему по книге «Горы и люди».

Автор

1.

Вскоре после того, как Константина под арестом прислали в Самару, судебные власти без особого труда установили, что Матвей Андреевич Борецкий, сыном которого называл себя Константин, видный казначейский чиновник, перебрался на жительство в Петербург еще в восьмидесятых годах прошлого века. Таким образом, утверждение Константина, что он во время событий пятого года в Самаре не был, а, находясь на иждивении отца, учился в Петербурге в реальном училище, как будто бы подтверждалось. Из Петербурга сообщили, что и отец и мать Борецкие умерли, что тоже совпадало с утверждением Константина. Ни сестер, ни братьев у него не было.

Если бы судебные власти города Самары занялись поисками в самой Самаре или в уездном городе Ставрополе лиц, знавших семью Борецких (в Ставропольском уезде находилось их родовое имение, проданное лет за пятьдесят до описываемых событий), то легко можно было бы на месте обнаружить подложность всех документов Константина. Но, как это подчас бывает с чиновниками всех ведомств, ни прокурор, ни председатель судебной палаты не стали утруждать себя обдумыванием этой проблемы и ранее, чем начать следствие, снова послали запрос в Петербург, в удельное ведомство, документы которого были у Константина в момент ареста. Пока же его держали в доме предварительного заключения, и сравнительно вольно, как дворянина да еще чиновника одного из ведомств, соприкасавшегося с придворными кругами,— кто знает, в каких отношениях придется еще быть с этим Борецким, если он действительно является тем, за кого себя выдает. Тем более, что он с негодованием отрицает не только свое тождество с каким-то совершенно ему неизвестным мальчишкой, разоружавшим жандармов в Самаре во время событий пятого года, но и какую бы то ни было причастность к революционному движению, справедливо заявляя, что служба в том ведомстве, какое он избрал, совершенно исключает его принадлежность к революционной партии.

С ответом из Петербурга почему-то медлили, недели шли за неделями, тихо прошла зима. За это время Константину удалось обеспечить себе некоторые льготы и, в частности, добиться перевода в первый этаж.

Однако Константин понимал, что рано или поздно ответ из Петербурга придет и что судебные власти уяснят себе, кем в действительности является арестант, именующий себя Борецким. И потому в страстную пятницу вечером, когда в дом предварительного заключения через кухонный ход доставлены были продукты для праздничного стола, он, воспользовавшись вызванной этим суматохой, ускользнул во двор, а со двора — в арестантскую мастерскую. В доме предварительного заключения арестанты носили ту одежду, в которой были арестованы, и Константин в своем чиновничьем пиджаке небрежной походкой человека, не имеющего никакого отношения ко всему окружающему, прошел по низкой и полутемной мастерской. С арестантами, склонившимися над своими верстаками, его спутать никак нельзя было.

В скором времени хватиться его не могли, так как, покидая свою камеру, Константин позаботился, чтобы часовой, время от времени заглядывавший в «глазок» камеры, видел на кровати неподвижную фигуру,— это была искусно накрученная из одеяла и нижней рубашки кукла.

Константин прекрасно помнил Самару. Рядом с домом предварительного заключения была церковь; в этот час улицу должны были заполнить люди, идущие к вечерне. Выйдя на улицу, Константин вмешался в густую толпу. Была ранняя весна, пахло талой водой, распускающимися почками. У Константина было в памяти пять знакомых домов, где он мог рассчитывать на помощь, во всяком случае, мог быть уверен, что там его не выдадут. Ему сразу повезло. В первом же доме дальняя родственница, старушка-учительница, расцеловала его, спрятала, дала денег. От нее он получил первую смутную весть о том, что мать его больна. Старушка уговаривала его скорей навестить мать. Ему самому хотелось так сделать, но он не мог: он должен был явиться в Петербург, в Центральный Комитет партии. Даже по номерам буржуазно-обывательской газеты, жадно просмотренным в первый же вечер — старушка выписывала и тщательно подбирала «Русское слово»,— видно было, сколь бурно нарастают события в стране.

Бережно держа в руках клочок бумаги с адресом Людмилы, полученным в адресном столе, Константин шел бесконечно прямыми линиями Васильевского острова, считая номера домов: «145, 143, 141, 139...»

Как медленно убывают номера домов!.. Он волновался и укорял себя за свое волнение. Вернее всего, что Людмила будет попросту удивлена: ведь он ничем не дал ей знать о своих чувствах, если не считать коротенькой открытки с упоминанием о «Песне без слов» Чайковского... Но что такое песня, да еще без слов, и всего лишь упомянутая на почтовой открытке...

Девушка в расцвете красоты и молодости, независимая и свободная, провела эту зиму здесь, в Петербурге, где столько новых впечатлений, новых знакомств... И он мотал головой и ускорял шаг...

Но вот наконец заветный номер. Огромный дом, первый этаж. Сейчас он увидит Людмилу.

Ему открыла тоненькая девушка; волосы ее были туго оттянуты назад; казалось, что вместе с ними оттянуты были и брови и углы глаз. Взгляд вопросительный, грустный. Она стояла на пороге и не впускала его, и взгляд у нее такой же, невпускающий. Взгляд любопытствующий, но совсем не удивленный, как будто она его уже знала. Но он не помнил ее.

— Люды дома нет. То есть не дома, а в Петербурге нет...— Девушка помедлила секунду — две. — На родину уехала, в Краснорецк, надо думать,— добавила она.— Ведь вы у них в прошлом году были в Краснорецке... Да, я тоже краснорецкая и видала вас у них... Да чего же мы стоим, — она посторонилась,— зайдите, пожалуйста, я вас даже чаем напою.

И он следом за ней прошел по темному коридору. Людмилы нет, но хоть в комнату ее попасть.

Комната его разочаровала. Портреты купцов и чиновников по стенам, бархатные скатерти на столиках, какие-то затейливо-бездарные, выпиленные из дерева рамочки и полочки. Ни рояля, ни нот, ни книжной полки... Ни на чем не осталось отпечатка людмилиной души.

Когда Ольга вышла из комнаты, чтобы заняться приготовлением чая, Константин стал рассматривать книги, раскрытые на письменном столе: Ключевский, Платонов, Соловьев — все русская история...

— Ваш предмет?— спросила Ольга, вернувшись с чайником. Она несколько раскраснелась и похорошела.

— Почему мой предмет?— удивился Константин.

Ольга усмехнулась.

— Помните, в сказке: голос слышу, а лица не вижу? Позапрошлой зимой я после долгой прогулки на лыжах по краснорецким горкам добралась до своего деда, который живет на окраине, и уснула на диване. А когда проснулась, услышала ваш голос; вы спорили с дедом,— и кто-то еще у него был, кажется, Альбов и Глеб Анисимов; разговор шел о судьбах России. Вы очень интересно говорили тогда, что именно следует понимать под самостоятельностью исторического развития государства, и приводили данные о вторжении иностранного капитала в Россию.

— Позвольте,— с удивлением сказал Константин,— так это я у старика Спельникова спорил с эсерами! Значит, вы Спельникова внучка? Старик он у вас симпатичный и, пожалуй, единственный из всех них порядочный человек, но в голове у него такая путаница.

Ольга, опустив глаза, разливала чай. Подвинув Константину стакан с чаем, кизиловое варенье в вазочке и нарезанный лимон, она взглянула строго и сказала:

— Дедушка арестован после веселореченского восстания и до сих пор не выпущен.

Наступило молчание. О том, что после веселореченского восстания в Красноречке были аресты, Константин знал. Но он также хорошо знал, что старик Спельников не имел никакого отношения к веселореченскому восстанию, как, впрочем, и все красноречкие эсеры. Так почему же его так упорно и долго держат под арестом? Очевидно, какое-то недоразумение.

Ольга, видимо, очень любила деда.

— Дед потом вспоминал вас,— сказала она.

— Ругал? — со смешком спросил Константин.

— И это было. Но хвалил вас тоже, говорил, что вы настоящий революционер. Он даже книгу, на которую вы ссылались, достал: «Развитие капитализма в России» Ильина; ему Евгений Львович дал, Гедеминов. Когда при аресте был обыск, эту книгу нашли и все спрашивали деда, от кого он ее получил.

— Да,— сказал Константин,— для толкового жандарма книга эта, конечно, является существенной зацепкой.

Так прошел этот вечер. Ольга много рассказывала о себе, о родной станице, о Красноречке и при этом ни о чем не расспрашивала Константина, что ему очень пришлось по душе. Он обещал к ней заходить. Но не скоро пришлось ему выполнить это обещание.

Константин приехал в Петербург в те дни, когда рабочий класс столицы проводил забастовку протеста против грубого, насильнического акта черносотенно-либерального большинства Государственной думы, исключившего на пятнадцать заседаний думскую фракцию большевиков. Одновременно с этим правительство привело в движение карательные силы. Аресты следовали один за другим, каждый день из рядов партии выхватывали лучших людей.

Константин сразу, с вокзала, пришел в редакцию «Правды» и тут же получил предложение съездить на один из заводов и написать для «Правды» сообщение о митинге. Когда он уже подходил к воротам завода, товарищ, который его поджидал, чтоб провести на завод, сообщил, что агитатора, присланного для выступления на митинге, полиция только что арестовала, явно рассчитывая, что заменить арестованного будет некем.

Константин тут же выступил на митинге, и речь его о Баку взволновала рабочих. Корреспонденцию он тоже написал и после ее напечатания получил возможность выслать немного денег матери. Теперь он уже выступал каждый день — у металлистов, у булочников, на Кексгольмской мануфактуре, у студентов.

Двадцать четвертого мая вышел номер «Правды» со статьями об угрозе чумы, нависшей над Баку. Как только этот номер попал на заводы, волна сочувствия поднялась среди рабочих — новая волна из тех следовавших одна за другой и все нараставших волн, которые вместе составляли грозный шквал 1914 года.

Константину из-за ареста так и не пришлось побывать в Баку. Но все прошлое лето, проведенное в Тифлисе, бакинские дела были в центре его внимания.

Вот почему, когда Петербургский комитет партии посылал его то на один, то на другой завод, он так рассказывал о Баку, как будто бы только что вернулся оттуда.

Однажды в жаркий летний день Константин приехал на Путиловский завод для выступления. Его провели к тому месту, где огромный двор Путиловского завода, раскинувшийся среди множества разнообразных заводских зданий, несколько сужается и где издавна высится пирамидальная, сложенная из серо-голубых камней часовня.

Константин говорил о справедливости требований, предъявленных бакинскими нефтяниками, о грандиозном размахе забастовки, о высокой политической сознательности бакинских пролетариев.

Раскаленная солнцем, перетертая сотней тысяч ног мельчайшая пыль заводского двора жгла лицо Константину и лезла ему в рот. Он говорил хрипя, с усилием. Издалека доносились какие-то отчаянные крики. И несколько тысяч человек, которые окружали Константина, слышали эти крики. Но люди стояли сплошной стеной, и никто не уходил.

«Вот она — великая рабочая солидарность!» — подумал и тут же сказал Константин.

На его призыв помочь бакинцам все множество людей всколыхнулось.

— Да здравствуют наши товарищи в Баку! — крикнул кто-то, и трепет этого голоса сказал Константину, что говорить больше не надо. Весь двор гудел: речь его дошла до рабочих сердец.

— Эй, товарищи! Подмогнем бакинцам! — рявкнул кто-то простуженным басом.— Эй, подмогнем!

И сразу же молодой рабочий, стоявший впереди (по каким-то ему самому не объяснимым признакам Константин угадал в нем токаря,— может быть, по черточкам пристального внимания в глазах), сорвал с себя черный картуз и пошел с ним между людьми. Константин издали видел в толпе его преждевременно облысевшую голову, отчего особенно заметен был высокий красивый лоб.

Так на слово «солидарность», взятое из международного словаря пролетарской борьбы, отозвалось это русское «подмогнем», родившееся в глубине большого сердца одного из стариков-путиловцев. И надолго запомнилось это слово Константину.

Сбор денег еще не закончился, когда проходные калитки, ранее запертые, открылись и рабочие хлынули в них. Но тут откуда-то сбоку во двор ворвалась конная полиция — оскаленные морды коней, белые кители полицейских, нагайки, взметнувшиеся к пыльному небу. Раздался оружейный залп. И вдруг среди общего смятения, криков и стонов:

— На баррикады, товарищи!

С разных сторон с силой и гневом кричали:

— На баррикады! На баррикады!

И тут же с возвышения, состоящего из каких-то старых досок, посеревших от времени, полетели в полицейских увесистые куски железного лома, камни, гайки — все, что попадалось под руку. Константин не заметил, как тоже очутился по ту сторону этого возвышения и, нагнувшись, поднял из кучи старого лома какую-то покрытую ржавчиной отливку. Но в этот момент кто-то с силой схватил Константина за руку. Высокий лоб, молодые глаза и улыбка, мечтательная и воодушевленная. Перед ним был тот самый токарь, который собирал деньги. Он сунул Константину в руку тяжелый картуз, весь до краев наполненный медной монетой. Эта же заботливая, сильная рука схватила Константина за локоть и потащила за собой. Константин, повинуясь токарю, быстро уходил от места побоища по бесчисленным переходам огромного Путиловского двора, который то расширялся до размеров городской площади, окруженный мрачными громадами цехов, то сужался и превращался в тесный и ломаный переулок. В одном из таких переулков проложены были рельсы, здесь стоял паровозик «кукушка» с длинной старомодной трубой. Машинист махал им из окошечка. Провожатый подсадил Константина, машинист протянул ему жесткую руку и помог подняться. Паровозик, шипя и отфыркиваясь, тронулся. Вдогонку раздалось:

— Так ты передай!

«Я передам»,— подумал Константин, бережно держа картуз. Наверно, впервые в жизни Константина деньги, которые всегда связывались у него с представлением о мучительстве и надругательстве, сейчас вызывали чувство благоговения. «Священные копейки»,— подумал он.

Следующий вечер выдался свободный. Константин зашел к Ольге Замятиной узнать, нет ли письма от Людмилы, какой-либо весточки о ней.

На этот раз открыла ему не Ольга, а толстая хозяйка.

— К барышням? — спросила она, ощупав его цепким взглядом, и, не дожидаясь ответа, ушла, шурша шелковым подолом.

По темному коридору Константин добрался до двери. В комнате все было перевернуто, один чемодан стоял уже упакованный, другой Ольга, растрепанная и раскрасневшаяся, набивала вещами и, видно, никак не могла всего уместить: книги громоздились на полу. Константина она встретила приветливо, как старого знакомого.

— У меня есть опыт быстрой упаковки книг,— сказал он и стал помогать ей.

Она собиралась домой, сдала уже последние зачеты и перешла на второй курс.

— Нет, письма от Людмилы не было,— коротко сказала она.

Покончив с книгами, он подошел к столу, чтобы напиться воды, и увидел газету со своей статьей о событиях на Путиловском заводе. Некоторые места статьи были отчеркнуты и в том числе слово «подмогнем», возле него поставлен был вопросительный знак.

— Что это за статья?— спросил Константин.

— Очень интересная статья.

— А что у вас здесь отмечено?

— Да вот оборот речи неправильный. «Подмогнем», «подмогнуть» — уродливое словообразование. И почему бы просто не сказать: «поможем»,— ведь речь идет о помощи.

— Не только о помощи,— ответил Константин.— Речь идет о подмоге. В помощи нуждается слабый; подмога предназначена тому, кто сам может, и на «Путиловце» речь шла именно о подмоге бакинцам.

Ольга не спускала взгляда с его оживленного лица.

— Значит, вы были там? Может, это вы и писали?— спросила она.

— Почему я?— спохватился Константин, досадуя на себя за то, что проговорился.

Она усмехнулась и снова занялась укладкой вещей.

— Напрасно вы, Костя, от меня скрываетесь,— сказала она неожиданно, и сердце у него дрогнуло: как давно никто не называл его по имени!— Я не болтлива. И достаточно взглянуть на ваше лицо, чтобы понять все. Вы, конечно, были там, и не только на Путиловском заводе, но и в Баку были, судя по статье.

— А вот в Баку и не пришлось мне побывать,— сказал он мечтательно и с сожалением.— Но я буду, непременно буду там.— И про себя подумал: «Да, я доставлю бакинцам питерскую подмогу».

— Будете в Баку?— спросила Ольга и, широко раскрыв глаза, глядела на него.

Он не понимал выражения ее глаз и какой-то личной заинтересованности, которая слышалась в ее вопросе.

— Вы, правда, будете в Баку?

Константин помолчал. Решение Петербургского комитета о его поездке в Баку еще не состоялось, но оно могло быть вынесено каждый день. Обо всем этом он, конечно, не мог ей рассказать.

— Очень хочется поехать,— ответил он со вздохом.

Теперь молчала она. Сидя на полу, она собирала в новенький несесер всякие мелкие вещи.

— Ну, а если бы я поехал, что бы вы сказали?

— Сказала бы, что вам судьба встретиться с Людмилой.— И, подняв голову, она снова взглянула ему в лицо.

— Людмила Евгеньевна в Баку?

— Да, она в Баку. И ни слова я вам больше не скажу. Это не только ее секрет.

— Но вы поможете мне найти ее?

— Представьте, я не знаю точно, где она находится. Попробуйте найдите в Баку петербургского профессора Баженова, он знает.

— А что петербургский профессор делает в Баку?

— А здесь уже начинается тайна. Не моя и не людина тайна.

— Тайна пещеры Лейхтвейса,— шутливо сказал Константин.

Но Ольга не улыбнулась на шутку и, кивнув головой, сказала со вздохом:

— Очень жуткая пещера.

И тут же вскочила с пола. Несесер был собран и замкнут, она его положила рядом с чемоданами.

— Чаем вас на прощанье, что ли, напоить?

— Да ведь у вас все упаковано.

— Пустяки. Домашнее варенье я обратно в Красноренк не повезу, все равно оставлю хозяйке, посуда вся ее.

Они снова пили чай с кизиловым вареньем. И среди уложенных чемоданов это чаепитие проходило особенно беззаботно и весело.

2

Решение было вынесено. Константину надлежало в ближайшее время выехать в Баку. А перед отъездом ему предстояло еще одно дело: встреча с рабочим депутатом Четвертой Государственной думы, избранником петербургских рабочих.

Был еще утренний час, но в воздухе не чувствовалось свежести, и открытое, без единого облачка небо над Петербургом теряло голубизну, приобретало светлооловянный тон, обещая такой же жаркий день.

Подходя к тому дому, где проживал депутат, Константин издали узнал крупную и осанистую фигуру его возле парадного крыльца дома. Депутат держался за ручку двери; его большая, с высоким лбом и коротко остриженными волосами голова была открыта,— видно, что он ненадолго вышел из дому.

— И еще так же будет. И мои избиратели, честные рабочие люди, которые приходят ко мне со своими нуждами, всегда будут спускать с моей лестницы ваших бесчисленных шпионов,— громко говорил депутат полицейскому надзирателю и указывал на щупленького, с морщинистым бритым лицом человечка в кепке и блузе,— неподдельные слезы текли по его щекам, он корчился и стонал.

— Я ваших депутатских прерогатив не отрицаю,— приложив руку в белой перчатке к козырьку и тут же отдернув ее, сказал надзиратель в белом кителе, молодой с черненькими усиками, по-столичному лощеный и щеголеватый.— Но ведь человек этот — тоже ваш избиратель, вот паспорт его, вот прошение... И только он шагнул через порог, как буйные личности, и посейчас находящиеся у вас в подъезде...

— ...Узнали в нем шпика, и причем нахального шпика, потому что он, минуя очередь, двинулся вверх по лестнице, заглядывая в лицо каждому... Да не суйте мне паспорт, подлая профессия написана на лице его...

— Оскорбление личности! — захныкал шпик.— Избиение и оскорбление!

— Э-э-э, толкуй тут с вами!..

И депутат неожиданно для своих собеседников широко шагнул с крыльца, взял под руку Константина и, открыв дверь, ввел его в дом.

На полутемной, довольно узенькой лестнице толпились люди; здесь пахло углем и металлом, крепким запахом заводской работы.

— Товарищи, я прошу извинения, у меня внеочередной случай,— громко сказал депутат.

— Да чего там!

— Ну, конечно!

Они прошли вверх по лестнице, депутат ввел Константина в свой кабинет, полутемный, заставленный книгами.

— Входите, садитесь, товарищ Константин. Историю с картузом у путиловцев мне уже рассказали. Все до копейки переведем... Рабочею кровью политые, священные копейки — так, кажется, вы написали? Вот завтрашняя газета. Видели?

— Нет.

— Вот,— и он быстрым движением протянул Константину пахнущий типографией оттиск.

Константину сразу бросилось в глаза: «По поручению и от имени петербургского пролетариата... горячий привет героическому пролетариату Баку, подающему пример единодушия и... стойкости. Петербургский пролетариат с чутким вниманием следит за вашей борьбой».

— А вот из Ижевска пишут,— говорил депутат,— поглядите: «Мы, группа рабочих, всесторонне обсудив создавшееся положение конфликта в Баку между трудом и капиталом, постановили приветствовать товарищей бакинцев в их стойкости и осудить произвольные действия бакинской администрации. Победа бакинцев — наша победа...». Приветствовать товарищей бакинцев в их стойкости. В стойкости — верно как выражено, а?.. А вот квитанция, последний перевод в Баку,— полторы тысячи рублей.

— Но ведь сборы запрещены как будто?— спросил Константин.

Собеседник засмеялся.

— Вот, глядите!— и другой номер «Правды» очутился в быстрых руках его.— Разве не обратили внимание? Вот распоряжение градоначальника, категорически воспрещающее сбор денег «на цели, противные государственному порядку и общественному спокойствию». Видите, как жирно напечатали, типографской краски не пожалели и самое видное место предоставили? А вот тут мое объявление; сразу здесь же под распоряжением градоначальника мой адрес и час приема. И, конечно, рабочие прекрасно разобрались, что к чему. Видите, сколько народу на лестнице? Да и полиция, судя по количеству шпионов, которые вертятся возле моей квартиры, тоже, пожалуй, догадалась. Плачет, прохвост! Как не плакать? Чуть ли не все ступеньки пересчитал... А пенять не на кого: такая подлая работа... Значит, едете?

— Да,— ответил Константин.

Живой блеск глаз, легкая точность движений, пламенный тон речи — все нравилось Константину в этом депутате, одном из нескольких подлинно народных избранников в черносотенно-кадетской думе.

— Ну, хорошо. Вы были эти месяцы здесь, у нас. Расскажите обо всем, что вы видели, нашим товарищам в Баку. Надо сразу нажимать, отовсюду, и все крепче. Враг уже начинает понимать серьезность положения. Сегодня утром я был у Джунковского, в семь часов утра. Разговор был крутой. Мы хотели его опубликовать в «Правде». Но, кто знает, удастся ли? Расскажите о нем бакинским товарищам...

Начав свой рассказ сидя, депутат через несколько минут встал и выпрямился во весь

Грузия поет

Из «Горийских стихов»

Реваз МАРГИАНИ

Снежно-белых гор громада,
Водопад гремит внизу.
Дремлют гроздья винограда,
Опираясь на лозу.

Вдоль реки легла долина,
Золотой айвой горя.
И в больших марани вина,
Цветом жарче янтаря.

Виден мне на ветке хрупкой,
Где в листве плоды висят,
Схожий с дедовскою трубкой
Спелый, треснутый гранат.

Всюду свежий хлеб печется,
И везде, в любом селе,
Как безводные колодцы,
Тонэ [1] прячутся в земле.

Дуб ветвистый.
Тень густая,
И в тени, едва журча,
Безыскусная, простая
Льется музыка ключа.

Дом в Тквиави, где поныне
Кецховели дух живет,
И полет Куры в долине,
Словно молнии полет.

Голый ствол сосны, как посох,
Устремленный в небосклон.
Смутной грусти отголосок
В песню древнюю вплетен.

А в садах, на тучных нивах
Слышен мне напев иной,—
Голоса людей счастливых
Прославляют край родной.

И не только город Гори
Славу Сталину поет,—
Вся земля в едином хоре,
Вся Отчизна, весь народ.

Перевел с грузинского
А. МЕЖИРОВ

[1] Земляные печи для выпечки хлеба.

рост. Константину пришлось уже видеть Джунковского, и он по рассказу депутата въявь представил себе этого любимца романовской семьи, крупного и мясистого генерала, с его несколько одутловатым лицом и небольшими яростными глазками.

— «Мы не допустим, чтобы рабочие избивали булыжниками полицейских, которые имеют винтовки и шашки. Полиция будет стрелять и впредь в таких случаях. Для этого она и вооружена»,— сказал мне глава жандармов. «Другого ответа от наших министров никто и не ждал,— ответил я ему.— Я знал заранее этот ответ и передам его на фабрики и заводы. Запретить мне туда ездить вы не можете. Депутат от рабочих в то время, когда в участках водой отливают избитых, никогда не ограничится одними разговорами в Думе». Беседа эта, товарищ Константин, произошла в семь часов утра. Странно, не правда ли? Совсем не генеральский час! Так вот что мне удалось установить: в то время, как мы вели этот разговор, поезд Джунковского под парами стоял уже на станции. В восемь часов утра сегодня он выехал в Баку.

Он засмеялся и вопросительно взглянул на Константина.

— Очевидно, не только мы, но и враги наши понимают все значение тех событий, которые происходят в Баку,— медленно сказал Константин.—А Джунковский... Товарищ Сталин назвал его «сладкопевец Джунковский». Помните?

— Как же!.. А теперешнего градоначальника Баку товарищ Сталин припечатал еще крепче — погромщик.

Депутат встал с места. Заложив руки за спину, он, казалось, глядел куда-то далеко, за стены этой комнаты.

— Да, погромщик Мартынов... Значит, погромщик не справился — опять посылают сладкопевца, более хитрого и гибкого, но не менее свирепого. «Старый клоун из Тифлиса» — еще называл товарищ Сталин Джунковского. Значит, будут и медоточивые выступления и

— Ну, я вижу, вам все понятно. Еще хочу я через ваше посредство передать бакинцам то, что никакой почтой и телеграммой не сообщишь: я постараюсь потихоньку от властей предержащих сам приехать в Баку.

— Это очень хорошо,— сказал Константин, не вставая с места.

Депутат быстро взглянул на него:

— У вас еще что-то есть ко мне?

— Хочу посоветоваться с вами как с товарищем. Да что рассказывать, прочтите сами.

«Спасибо тебе, Костенька, за денежки, а того больше за сыновью любовь,— написано было крупными, старательно и неумело выведенными буквами.— Деньги твои очень кстати мне пришлись, потому что я расплатилась с долгами. Я ведь больна еще со святок, вот долги у меня и скопились. Колола дрова, зашибла топором ногу — и даже кровь не пошла. Похрамывала я, конечно, но и на постирушки свои ходила. А потом нога распухла, даже валенок невозможно натянуть. И тут уж никуда из дому не выйдешь. Потом соседки фельдшера позвали — молоденький, сердитый, все ругался, почему раньше не позвали. Отвезли меня в больницу земскую, и лежу я здесь в чистоте, и есть кому напиться подать. Только спокоя нет, что кругом долги, всю ночь считаешь — ведь всем соседям задолжала и в лавочку тоже... Знаешь старика Возьмилкина, он приходил, когда я болела, и грозился: когда, мол, помрешь, так все добро твое если и продать, и то долга не покрыть... А я и без него знаю, что не покрыть. И всю ночь лежишь, считаешь — и все ошибаюсь: или двенадцать с полтиной рублей или тринадцать рублей пять копеек, трудно без бумажки считать. А тут, как твои денежки мне принесли, я сразу все долги раздала, и теперь одна у меня забота: тебя бы увидеть, Костенька, а то два раза резали, а лучше не стало». И больше ничего не было написано в письме, и даже подпись была смазана.

— Гангрена, верно,— тихо сказал Константин.

отправляйтесь в Баку. Дело там неотложное, верно?

— Верно,— ответил Константин.

— Ну, а как кончите, только одно задание: проведать матушку.— Он помолчал.— И мне напишите, как она там. Чудные дела: прочел письмо, и кажется, что давно уже знаю ее. Видно, хороший человек. И грамотная,— с оттенком удивления сказал он.

— Я обучал,— ответил Константин.

Крепкое рукопожатие. Не выпуская руки Константина, депутат подвел его к другой двери кабинета, не к той, в которую он вошел.

— Лучше вам здесь выйти, вас проводят.

Константин ушел. Депутат подошел к двери в приемную и открыл ее. В маленькой приемной на ступеньках, на подоконниках — везде разместились рабочие. Едва дверь открылась, как вперед шагнул белокурый, с широким бледным лицом рабочий. В его голубых ярких глазах пылало откровенное волнение. Депутат кивнул ему. Это был Иванин, активный партиец, работавший токарем на большом петербургском заводе.

— Вы извините меня, товарищ депутат, мне бы только один вопрос задать. Товарищи, простите, только на секунду,— обернулся он к людям, наполнившим приемную.

Депутат покачал головой и впустил Иванина в кабинет. Тот, войдя, оглянулся кругом.

— А где Константин? — спросил он.

— О ком вы говорите?

— Да кто у вас был здесь... То есть, простите, не мне спрашивать. Это был Костя? То есть Черемухов Константин?

— Он самый,— подумав, ответил депутат, вопросительно вглядываясь в взволнованное лицо Иванина.

— Ну, я его узнал. Хоть он и стал очень солидный, но ведь он, он... Мы в ссылке вместе были. Где он? Ведь он у вас где-то здесь?

— Нет его здесь.

— Ушел? Так я догоню.— Иванин двинулся к двери.

кровавая клоунада провокаций... Трудно придется бакинским товарищам... И вот тут-то и начинается ваша задача: дать бакинцам почувствовать эту самую питерскую подмогу, о которой вы так хорошо написали.

— Да, мне посчастливилось, я был свидетелем путиловских событий. И это путиловское «подмогнем» я не забуду, не забуду!.. И то, как в ответ на подлое нападение конной полиции на безоружный митинг раздалось: «На баррикады!» Сегодня удалось подавить, а завтра, когда весь пролетариат выйдет на улицы столицы...— говорил Константин медленно, точно разглядывал что-то в дали времени.

— Ну уж и гангрена! — быстро перебил депутат.— Ну, конечно, надо бы вам к ней попасть. Мать! — вздохнул он и опустил голову.

— Я узнал о ее болезни еще в Самаре, как только из тюрьмы вышел. И надо бы мне туда, а я сюда,— виновато сказал Константин.

Депутат поднял голову и блестящими, точно омытыми, глазами взглянул на товарища.

— Ну и молодец, что сюда! — громко сказал он.— А как же иначе? — И встал с места. Константин тоже встал.

Депутат положил на его плечо свою сильную, тяжелую руку.

— Мы так условимся,— сказал он,— сейчас

— Горячитесь, товарищ Иванин,— предостерегающе сказал депутат.— Во-первых, вам его не догнать, во-вторых, если бы это даже удалось, так, кроме вреда, ничего бы из этого не получилось. Он исполняет важное поручение партии, и вряд ли в ближайшие месяцы вам удастся его встретить.

— Значит, увидеться с ним нельзя? — Иванин покачал головой; видно было, что он очень огорчен.

— Нет. Ну, привет от вас я, может быть, вскорости смогу ему передать,— мягко сказал депутат.

(Окончание следует.)

ВОССТАНОВЛЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Доцент В. И. КОСТЕНКОВ, аспирант Е. А. ЯКОВЛЕВ

Как геолог по пластам читает каменную летопись Земли, так историк по уцелевшим, иногда немногословным архивным документам воссоздает реальный образ человека прошлого. Подчас такие поиски напоминают приключенческий роман.

Мало кому известно имя русского ученого Павла Дмитриевича Кузьминского, создателя газовой турбины. Легкая, сравнительно небольшая, она таит в себе огромную силу. Мгновенно воспламеняясь, горючая смесь превращается в упругие раскаленные газы, с колоссальной скоростью двигающие диск с лопатками.

Автор двигателя был забыт. Энциклопедии, печатавшие данные о различных деятелях, не посвятили ему ни строчки, обошли его молчанием. Учебные пособия ограничились ссылками на воспоминания академика А. Н. Крылова, где приводились сжатые, далеко не полные сведения. Они-то и послужили отправным пунктом наших исследований.

Поезд привез нас в Ленинград. Мы пошли в архив, где хранятся аккуратно перевязанные кипы документов дореволюционных министерств. В каком уголке скрываются пожелтевшие листки о Кузьминском? В необъятном бумажном океане их обнаружить труднее, чем иголку в стоге сена.

С чего начать? В оглавлении справочника профессора Венгерова о русских ученых и техниках напечатано: Павел Дмитриевич Кузьминский, инженер. Казалось, чья-то дружеская рука вручила нам путеводную нить. Но, развернув книгу, мы были удивлены фразой: известен в области кораблестроения.

Кораблестроения?! Не однофамилец ли? Но кое-какие даты сходились с тем, что указано в воспоминаниях Крылова. Значит, Кузьминский был и кораблестроителем. Это подсказало, что сведения о нем необходимо искать в документах о русском флоте.

В другом архиве, Центральном военно-морском,— пухлые папки с послужными списками офицеров. Как в калейдоскопе, мелькали фамилии, приказы, рапорты. Наконец из канцелярских дебрей извлечено дело об инженере Кузьминском.

Мы жадно разбирали витиеватый почерк. Словно сквозь густой туман, стали вырисовываться забытые подробности биографии русского ученого. П. Д. Кузьминский родился 20 июня 1840 года в станице Усть-Лабе, Херсонской губернии. Окончив Воронежский кадетский корпус, он переехал в Петербург, где поступил в морской корпус. В послужном списке отмечались его назначения, переводы с одного поста на другой, заслуги, и вдруг в 1884 году — в расцвете творческих сил! — отставка по «домашним обстоятельствам» в чине капитана.

Что произошло?

Равнодушная протокольная фраза писаря зарегистрировала непонятный эпизод. Незадолго до отставки Кузьминский в качестве эксперта посетил художественно-промышленную выставку в Москве. Что побудило его, флотского офицера, поехать туда?

П. Д. Кузьминский в юности. 1854 год. (Публикуется впервые. Из фонда Комиссии по истории техники Академии наук СССР.)

В светлом зале публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина перелистываем слегка выцветшие газеты тех лет. Тщетно! О Кузьминском ни слова. Но в одной статье было указано о каких-то экспонатах морского отдела русского технического общества. Не проект ли турбины инженера?

Перерыты журналы, иллюстрированные приложения к газетам, книги. Снимков нет! Может, на открытках, которые выпускались тогда, как реклама, запечатлен чертеж турбины?

В Ленинграде известный коллекционер Н. С. Тагрин десятки лет собирает открытки. Он превратил свою квартиру в своеобразный музей. Мы поехали к нему и вскоре перебирали иллюстрации морского отдела выставки. Новые винты, машины, их части. Но нет даже намека на газовую турбину. Зато на центральном месте выставки стоит обыкновенный катер, который уже тогда не был диковинкой.

Историк, если он хочет что-либо досконально разузнать, обязан обладать неиссякаемым терпением. Снова архивы, библиотеки. Как золотоискатели, мы промывали «породу», отбирая драгоценный металл. И его становилось все больше.

Опубликованные в одном журнале воспоминания Кузьминского, посвященные памяти И. П. Алымова, с которым он был близок, кое-что разъяснили. Алымов — преподаватель морского корпуса — подружился со способным молодым офицером, называл его «Архимедом». Профессор помогал пробивать Кузьминскому дорогу в мир науки, блестяще отзывался о первых его статьях, где еще в 1862 году были высказаны прогрессивные идеи о принципах создания двигателя будущего. Моряк наперекор мнению ученых всего мира предсказывал, что на смену паровой турбине, которая в те годы была высшим достижением техники, придет газовая.

Кузьминский не сразу осуществил свой замысел. Он вместе с Алымовым конструировал новые винты для судов, выпускаемые отечественными заводами. А когда великому русскому ученому Д. И. Менделееву потребовался инициативный помощник, Алымов рекомендовал своего юного друга.

В архиве Менделеева хранится тетрадь инженера. Менделеев выступил с докладом о новых веяниях в кораблестроении и авиации от имени своего и «господина Кузьминского».

Эта работа была трамплином к новому творческому взлету. Кузьминский создал электрический динамометр, хорошо встреченный передовыми русскими техниками. Бескорыстный изобретатель не взял патента на свой прибор, позволяющий определить самую выгодную форму судна и винта. Динамометр предполагали установить на демонстрировавшемся на московской выставке катере, который мы видели на открытке.

Начальник морского отдела выставки Чайковский совершал крупные подлоги. Кузьминский, ревностно оберегавший каждый успех исследователей от жадного посягательства негодяев, открыто выразил свой протест. Кузьминского уговаривали взять заявление обратно, а он, разгневанный, известил прокурора. Морское министерство придало инциденту характер личной ссоры, объявило выговор Чайковскому, а заодно и Кузьминскому.

Злобный вымогатель, пользуясь расположением высокопоставленных кругов, жестоко мстил Кузьминскому. Динамометр, важное изобретение в судостроении, был похоронен в лабиринте канцелярий. Изобретатель не хотел служить со знатными пройдохами. Он ушел со службы без пенсии. Такова подоплека отставки, которой закончилось персональное дело инженера.

Динамометр признали, когда он вернулся в Россию с английским патентом, под маркой крупной фирмы «Ярроу», присвоившей себе авторство. В журнале «Морской сборник» за 1885 год была помещена статья главы фирмы, сопровождаемая хвалебными дифирамбами профессора Уайта. Не зря англичане тратили деньги на выписку русских технических изданий!

В архиве Менделеева есть и другая тетрадь Кузьминского с кратким примечанием инженера: находился в изгнании в Болгарии и там с 1887 года проектировал газовую турбину.

Оказалось, что после отставки офицер был вынужден уехать в Рущук (сейчас Руссе) и некоторое время работал главным механиком болгарского военно-морского флота. Там, вдали от родных берегов, с необычайной страстью природного дарования он чертил контуры газовой турбины на желтоватой глянцевой кальке. Неукротимый, шагая к цели, он разбивал догмы техники, почитавшиеся непоколебимыми. Спустя три года русский изобретатель вернулся на родину как победитель, с готовым проектом в руках.

Конец наших исследований казался уже близким. Но когда построили турбину, где? И снова «путешествуя» по старинным рукописям, мы постепенно восстанавливали все подробности.

В архиве академика А. Н. Крылова — тетради Кузьминского, его печатные труды, фотографии. На снимке — чертеж газовой турбины, которую мы так настойчиво искали.

В Петербурге огромное содействие Кузьминскому оказал его друг по кадетскому корпусу, генерал В. В. Гахович, начальник трубочно-инструментального завода. В маленькой, затерянной среди закопченных цехов лаборатории инженер производил свои замечательные опыты. Он придавал стали исключительные свойства, сплавляя ее с платиной, вольфрамом, молибденом и дру-

П. Д. Кузьминский у динамометра. (Публикуется впервые.)

гими редкими элементами. Все это он делал в свободное время, так как не мог жить на выхлопотанную после возвращения в Россию ничтожную пенсию — 157 рублей 50 копеек в год — и поступил на Балтийский судостроительный завод.

В 1892 году было закончено строительство газовой турбины. Она великолепно выдерживала неимоверный напор раскаленных газов, от яростного прикосновения которых плавился бы обычный металл.

За границей тоже создавали газовые турбины, но детище Кузьминского, прототип современной, было проще и лучше. Лишь 21 год спустя в Швеции братья Юнгстрем, повторив опубликованный в русской печати опыт Кузьминского, построили копию его турбины. Им незаслуженно присвоили приоритет.

Уцелела ли турбина Кузьминского? Ее строили на средства русского технического общества, и, естественно, в его делах должен был остаться след этого замечательного творения. Но во время блокады Ленинграда в архив, где хранились все материалы, попала бомба. Значительная часть документов сгорела, остальные взрывная волна выбросила на улицу. С трудом их собрали. Мы читали обугленные бумаги с первой до последней строки, ничего не пропуская, и нашли записку, адресованную академику Крылову. Его приглашали на совещание, чтобы решить, кому передать турбину.

И это все! Больше ни слова. Где же турбина?

Мы вновь недоумевали. Но, просмотрев дореволюционные издания, в одном из номеров журнала «Воздухоплавание и исследование атмосферы» прочли, что газовую турбину после смерти Кузьминского взял его брат.

Краткое сообщение обнадежило нас. Мы зашли в справочное бюро. В Ленинграде оказалось свыше ста однофамильцев. Кто родственник изобретателя?

В трехэтажном сером доме нас приветливо встретил пенсионер Кузьминский. Его отец был кондитером. Второй адрес, третий, четвертый... Мы обошли десятки квартир, и все безрезультатно.

Узнав, что в Сочи проживает дочь изобретателя, Екатерина Павловна Кузьминская-Иванова, мы поехали к ней. Она много рассказывала о своем отце, передовом человеке прошлого века. Но судьба турбины пока неизвестна — брат инженера погиб еще в первую мировую войну.

В результате долгих поисков нам удалось восстановить биографию неутомимого искателя, осуществлявшего самые смелые идеи.

Многогранное оригинальное творчество Кузьминского как бы открыло дверь в новый век техники. Газовая турбина, сердце реактивного самолета, становится достоянием и других видов транспорта, а также электрических станций. Другое интересное изобретение — летательный аппарат, поднимающийся по вертикали, без разбега, названное в честь России «руссолетом», теперь известно, как вертолет, или геликоптер. Кузьминский, один из деятелей отечественной авиации, предостерегал своих современников от неумеренного увлечения воздушными шарами. Он ратовал за сооруженный впервые в мире А. Ф. Можайским самолет, предвещая ему большое будущее. Прямоточный котел Кузьминского, усовершенствованный советскими исследователями, — гордость современной энергетики. Его динамометр служит и теперь, помогая изучать мореходные свойства судов.

Кузьминский не замыкался в кругу своих изобретений. Он с необыкновенной силой, убежденно отстаивал честь и достоинство русской науки. В 1893 году, приехав в США на всемирную выставку в Чикаго, он, осмотрев роскошно обставленные павильоны, писал: «...Нахожусь в положении крыловского, если не ошибаюсь, петуха, ищущего жемчужное зерно...» Одаренные русские исследователи по глубине своих творческих замыслов и блестящему их осуществлению превзошли хваленые иностранные «чудеса». Не потому ли так много отечественных трудов, затоптанных тяжелым сапогом косного самодержавия, увидело свет лишь под заграничной маркой!

Талантливый инженер мечтал о том времени, «когда открытия и изобретения русского творческого ума и настойчивого труда уже более не будут присваиваться иностранцами и на скрижалях всемирной истории открытий и изобретений будут стоять русские имена: М. В. Ломоносова раньше Майера и Джоуля, И. И. Ползунова раньше Джемса Уатта...»

Это время пришло!

Журнал опытов, произведенных при Имп: С. Петербургском Университете в Лабаратории Профессора Д. И. Менделеева.

18 IX/21. 81.

П. Кузьминский

Титульный лист рабочей тетради П. Д. Кузьминского. (Публикуется впервые.)

ЦВЕТЫ АВГУСТА РЕЙТСНИКА

Воздух напоен влажным теплом и смешанным ароматом цветущей сирени, примул, гвоздики, левкоев. В откинутые рамы на этот аромат летят пчелы, басовито гудит на ветке сирени шмель. Пальмы раскинули свои тонкие резные ветви. Рододендроны зеленеют в кадках.

Для Августа Рейтсника каждый цветок здесь, в оранжерее Таллинского треста благоустройства, имеет свою биографию. И сотни тысяч этих биографий тесно сплелись с его собственной жизнью.

Родители Августа Рейтсника были батраками на мызе Кирепи, в Тартумаасском уезде. Там он родился пятьдесят шесть лет назад и с детского возраста начал батрачить в мызном саду. Он выращивал миллионы цветов для баронов Цурмюленов, для хозяев мызы Лукка, Раади, для хозяина цветочного магазина Липпа — и ни одного цветка для себя, для своих односельчан, для своей семьи.

Август Рейтсник доволен: выращенные в оранжерее цветы вдвое больше обычных.
Фото С. Розенфельда

В июне 1940 года лучшие цветы, выращенные Августом Рейтсником, рабочие вынесли навстречу советским воинам, навстречу политзаключенным, десятилетия томившимся в пятсовских тюрьмах.

Окончилась Великая Отечественная война. Август Рейтсник вот уже седьмой год заведует оранжереей.

Как неузнаваемо изменился разрушенный войной Таллин! С каждой весной он становится все краше и наряднее. Его скверы, парки и аллеи утопают в цветах. Теперь цветы Августа Рейтсника украшают мирную жизнь мирных советских людей.

Нынешней весной на улицах и в парках Таллина высажены сотни тысяч цветов. Оранжерея треста благоустройства должна была дать сто тысяч растений. Август Рейтсник и его друзья вырастили их почти вдвое больше.

Но дело не только в количестве. Есть в оранжерее уголок, в который цветовод вступает с чувством некоторого волнения. Здесь цветет белая сирень, диаметр каждого цветка которой доходит до трех сантиметров; альпийские фиалки, цветы которых в диаметре вдвое больше обычных. Это результат пятилетних опытов цветовода-мичуринца.

Н. ХРАВРОВА

ПУТИ И ЛЮДИ

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Атауальпа ЮПАНКИ

Рисунки Г. Филипповского

> **АТАУАЛЬПА ЮПАНКИ** — один из талантливейших аргентинских писателей. Поэт-фольклорист и композитор, замечательный гитарист и певец, он тесно связал свою судьбу с самыми обездоленными тружениками родной страны — с индейцами и кочующими пеонами (батраками). Поэта-певца горячо любят трудящиеся за смелые выступления в защиту их интересов, в защиту мира, против порабощения стран Латинской Америки североамериканскими империалистами. В предисловии к своему новому роману, «Серро Бажо», Юпанки пишет о себе: «Я люблю демократию и свободу и, как солдат, борюсь против империализма и диктатуры тремя орудиями: моей гитарой, моими песнями и моим ружьем...» Фашиствующие диктаторы на службе Уолл-стрита поэтому и преследуют Юпанки: его неоднократно бросали в тюрьму, запрещали его песни и книги.
> В прогрессивной аргентинской газете «Ориентасион» были напечатаны очерки Юпанки о его пребывании среди индейцев в северных районах Аргентины под общим названием «Пути и люди». С двумя из этих очерков мы познакомим наших читателей.

Молодая индианка Хуана привозила в город Жужуй зелень для продажи. Ее родители возделывали огород близ реки Чисхра, по ту сторону моста Перес. Приезжала она верхом на гнедой с белыми пятнами лошади. По обеим сторонам самодельного седла свисали корзины с картошкой, салатом, морковью, луком и прочей зеленью.

Ранним утром Хуана медленно разъезжала по узким улицам города. Не сходя с лошади, она тихо стучала своим коротким кнутом в двери домов, пока не выходили покупатели. Они редко слышали от нее лишнее слово: она не была из тех продавцов, которые расхваливают свой товар. Постучав в дверь, она терпеливо дожидалась, пока к ней выйдут. А если никто не выходил, Хуана легким движеньем поводьев направляла свою смирную лошадку к дверям другого дома.

Смуглое, медного цвета лицо Хуаны с вечным горным загаром было всегда неестественно красным. Причем часто одна щека была краснее другой. А знаете, в чем дело? Раньше чем переехать мост, девушка сворачивала в сторону по берегу реки и собирала там красные цветы, известные среди индейцев под названием «чудесный цветок». Этими, еще покрытыми утренней росой цветами Хуана старательно натирала свое смуглое лицо.

Так восемнадцатилетняя индианка, в жизни не видавшая румян, никогда не имевшая даже приличного платья или обуви, позволяла себе этот скромный жест первобытного женского кокетства, чтобы, прихорошившись, робко и безмолвно проехаться ранним утром по почти пустынным улицам спящего города.

Однажды мы случайно заметили Хуану, когда она возвращалась из города по тропинке около хижины Толабы. Девушка повернула к широкому, усеянному камешками берегу реки Чисхры. В ярком свете полуденного солнца, заставлявшего прикрывать глаза, мы видели, как Хуана сошла с лошади, наклонилась к воде и стала тщательно умывать лицо. Индианка старательно снимала краску с загорелых щек. Оно и понятно: дома ее не похвалят за такую вольность...

С того дня мы начали внимательно присматриваться к Хуане. Раньше она нам казалась лишь естественным штрихом пейзажа этого горного городка — куском горной породы, покрытым трехцветным пончо[1], с крепкими загорелыми ногами в изношенных индейских сандалиях, с большими мужскими руками и широким серебряным кольцом на одном из пальцев левой руки. Словом, типичная индианка в громадной широкополой шляпе-сомбреро, с двумя длинными косами гладких черных волос.

Хуана была так робка, что лишь украдкой взглядывала на тех, кто ее приветствовал или о чем-нибудь спрашивал. Тщетно пытались мы узнать у нее что-нибудь о ее жизни. Через некоторое время Хуана перестала появляться на улицах Жужуя. Не видно было больше ее гнедой с белыми пятнами лошади, терпеливо шагающей от одного дома к другому. Утреннюю тишину улиц не нарушал больше топот лошадки этой молодой индианки, которой, по-видимому неведомы были ни радости, ни веселье.

Позже мы узнали, что Хуана нанялась на работу к одной из знатных дам города. Оказывается, помещик, землю которого арендовали местные индейцы, выбросил их из жалких хижин. На проселочной дороге долго валялись убогие пожитки и домашняя утварь обездоленных людей. Потом примчались конные полицейские и, угрожая оружием, разогнали индейцев, ютившихся около собранного в кучу скарба, и уничтожили огороды, десятками лет возделываемые на земле, арендованной у помещика.

Родители Хуаны ушли в соседний район Сан Педро, а молодая индианка ни за что не хотела расстаться с родным городом и пошла в служанки.

«Ну и что ж? — подумает читатель.— Можно сказать, самая обыкновенная история, происшедшая с молодой индианкой из окрестностей города Жужуя. Ничего особенного...»

Возможно, что вы правы. Даже, может быть, люди, привыкшие развлекаться чтением пошлых американских полицейских романов, наводняющих книжный рынок, пробегут наш очерк и преспокойно отнесутся к разрушителям людских надежд.

Но наша история еще имеет продолжение...

По воскресеньям у Хуаны был свободный день. Обычно служанки в свободные дни навещают своих родных, друзей или любимых. Их радушно встречают в хижинах тружеников, где можно станцевать «самбо» или послушать искусную игру на индейской гитаре, напевая старинные грустные песни о дремучих лесах, о лютых зверях и добрых волшебниках, о прекрасных вольных птицах...

Одинокая Хуана в свободное время переходила через мост и сворачивала на тропинку, которая ведет мимо хижины Толабы. Она медленно шагала к реке Чисхре и подолгу стояла у того участка, где она родилась и работала всю свою юную жизнь, но откуда ее с беспощадной жестокостью изгнали.

И когда Хуана возвращалась в барский дом, прислуга замечала густую краску на ее щеках — цвет весны, заимствованный у придорожных «чудесных цветков»...

Вспоминая Хуану, мы часто задумываемся и в глубине нашей души креолов чувствуем, как много нам, истинным патриотам Аргентины, еще предстоит бороться за то, чтобы пролетарии деревни нашей любимой родины имели право на свой клочок земли и обрабатывали его с радостью в душе, чтобы помещичий и полицейский произвол стал лишь воспоминанием далекого прошлого... и чтобы сердце Хуаны было полно радости и она тоже узнала, как прекрасна жизнь на свободной земле!

ИНДЕЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Томаса пасла стадо овец на лугах, расположенных среди мало гостеприимных скал Уайра Уаси, между Молуло и Фальда Асуль.

Считают, что это и есть настоящий край света... Действительно, тщетно вы будете искать здесь следы современной цивилизации. Она никак не затронула древнюю систему производства или товарообмена у местных индейцев. Как и сотни лет тому назад, они строго придерживаются своих обычаев и большую часть времени пребывают в глубоком раздумье... Как и гаучосы юга, они выжигают железом свое клеймо на домашних животных и укрощают полудиких коней. Как и сотни лет тому назад, монотонно проходит будничная жизнь индейского селения, изредка прерываемая лишь ритуальными танцами в праздники или на похоронах, которые сопровождаются грустными напевами.

Уайра Уаси, находящийся в двух днях езды на муле к северо-западу от Тилькары, сохраняет свой облик вот уже сотни лет, и его население говорит на малопонятном жаргоне, составленном из древних слов испанского языка, из языка племени кичуа и диалекта племени аймары.

Весь район изрезан глубокими оврагами. Повсюду разбросаны жалкие хижины, в которых проживает всего около восьмидесяти индейских семейств.

Природа Уайры Уаси поражает своей дикой красотой. Скалы окрашены в изумительные цвета: перламутровый, красный и фиолетовый. Дикие ламы, блуждающие среди скал и в рощах этой части Кордильер-Анд, придают еще более привлекательный вид этому малообитаемому району, почти безопасному для дичи, если не считать хищных пум и ядовитых змей...

Уайра Уаси не селение, а прекрасный, но забытый уголок нашей родины. Тем не менее даже там есть школа, которая помещается в хижине, повисшей на склоне горы Молуло. Одинокий учитель, разделяющий свою по-

[1] Подобие пледа из грубой ткани с прорезью для надевания через голову.

хлебку из кукурузы с дюжиной всегда голодных ребятишек, терпеливо и любовно обучает грамоте маленьких индейцев. Энтузиаст народного творчества, он даже обучил их музыке и организовал оркестр. В субботние вечера ребята подолгу остаются в школе, и тогда землепашцы и погонщики мулов во всей окрестности жадно прислушиваются к старинным индейским напевам, которые несутся со склона горы Молуло.

В этом районе и проживала Томаса — пятнадцатилетняя, красивая и крепко сложенная индианка. Она была пастушкой у владельца стада овец. Ибо в Уайре Уаси, как и во всех уголках нашего отечества, земля принадлежит не тем, кто ее обрабатывает. А хозяева ее лишь изредка приезжают в деревню на экскурсию, «когда потеплеет»...

Пока стадо мирно паслось под наблюдением собак, Томаса сидела в поле за прялкой. Между скалами, то на одном, то на другом холме, еле виднелась макушка ее широкополой шляпы.

Когда пробираешься по этим горным тропинкам, очень редко встретишь человека. Лишь издали, если хорошенько вглядеться в то место, где пасется стадо и бегают сторожевые собаки, можно заметить на холме силуэт пастуха или пастушки.

Однажды Томаса увидела, что вдали с холмов Серро Пикадо по крутым тропинкам спускается стадо овец. За ним шел молодой пастух Фелипе из соседнего индейского селения. Он, повидимому, искал места, где был лучший корм для стада.

Приблизившись, юноша оставил овец под надзором собак и подошел к девушке. Беседовали они так, как принято среди индейцев: два десятка необходимейших слов, и каждый погружается в долгое молчание. Так просидели пастух с пастушкой почти до вечера. Потом попрощались, и каждый из них пустился в путь по разным тропинкам.

Так виделись день за днем Фелипе и Томаса.

Пришла весна, и все овраги зазеленели. Фелипе больше незачем было гнать свое стадо на далекие луга. В последний вечер перед уходом Фелипе в свой район стада, подгоняемые собаками, как всегда, возвращались домой. У вершины холма, там, где перекрещивались тропинки, пастух и пастушка остановились. Но весна была в разгаре не только в природе. Фелипе остро почувствовал зов собственной весны и крепко обнял Томасу...

Как только прошел первый момент изумления, Томаса стала яростно защищаться. Она была сильной и ловкой девушкой. Ей ничего не стоило отделаться от Фелипе — юноши слабого, постоянно недоедавшего, жившего в хижине, где даже не было очага. Поэтому Томаса без труда поколотила его и убежала вслед за своим стадом.

Фелипе поднялся с земли пристыженный и опозоренный: его поколотила девушка! А досадно: ведь он ее в самом деле полюбил. Он только не знал, как говорить о любви иначе, чем природа этих заброшенных среди гор полей могла его научить. Он поднял с земли свое сомбреро, отряхнул пыль с пончо и медленно поплелся по тропинке, по которой спускалось его стадо. Он решил больше никогда не возвращаться сюда!.. Ветер, быть может, осушит пролитую им слезу. Но об этом никто не узнает. А так как в Уайре Уаси люди привыкли мало говорить, то его молчание никого не удивит.

Прошла весна, и скоро кончилось лето... Наступила туманная осень, а потом первые заморозки предвещали снег и одиночество горной зимы.

Фелипе снова вынужден блуждать между скал в поисках лучшего корма для своих овец. В одно прекрасное утро он забрел на горные луга Кирисуалая, где все еще зеленела трава. Там он оставался несколько дней. И вот туда же привела свое стадо Томаса.

Они обменялись приветствием. Она — спокойная, с улыбкой на лице. Он — угрюмый и молчаливый. Все утро оба молчали. В полдень каждый съел свою горстку кукурузы — единственную еду пастухов в Кордильерах.

Только к вечеру Томаса подошла ближе к Фелипе. Она уселась на большом гладком камне и тихо, но с упреком сказала юноше:

— Ты совсем исчез, Фелипе...

— Да.

— Из-за травы или... из-за тумаков?

— Из-за травы.

Снова молчание. Она вызывающе разглядывала его. Ее почему-то сильно влекло к нему, и ей очень хотелось, чтобы он забыл неприятное воспоминание прошлой весны...

— А я думала, что ты исчез из-за меня. Ведь ты так внезапно...

— Так я же любя! — с жаром отозвался Фелипе.— Вот и обнял. Но ты сильнее меня. Ты сильна потому, что каждый день ешь горячую пищу, а я нет. У тебя есть мать, а моя умерла. У тебя есть братья, а у меня их нет. Никто не разжигает огня в очаге моего отца. Потому ты и могла поколотить меня...

Томаса с изумлением слушала его. Потом она надолго задумалась. В глубине души девушка сожалела, что она такая сильная, такая ловкая. Она украдкой поглядывала на Фелипе, высокого, худощавого юношу с вытянутым голодным лицом, и ей стало больно от слов его: «Ты сильнее меня»...

Томаса медленно улеглась на гладком камне. Лениво потягиваясь всем своим стройным и сильным телом, пастушка еле слышно промолвила:

— Не знаю, Фелипе, что со мною происходит, но я сегодня стала совсем, совсем не сильная...

Перевел с испанского
Б. Шлейфер

Луис Карлос Престес

Поль ЭЛЮАР

Я ухожу в неведомое. Лес
стоит толпою призраков. И небо
без облаков нависло страшным сном.

Но и в глухом лесу никто не сможет
отнять все то, что мне принадлежит,—
ни сумрачный рассвет,
ни злые звери,
ни страх тоски,
во мне возникший со времени Аушвитца.

От родины меня никто не оторвет,
в Бразилии я нужен моим братьям,
что видят в жизни, мною прожитой,
запечатленную мою тоску,
свое печальное существованье.

И если я такой же, как они,
пусть будет мне дано им показать надежду
и доказать, что солнце свет несет для всех;
я не хочу, чтоб жил народ во мраке.
Народ — мой свет,
и светит мне его желанье света
и в черный день.

Одно я только сделал на земле.
Я лишь желал, чтоб люди лучше жили.
Презрев усталость, я хочу связать
все лучшие надежды воедино.
И столько у меня друзей на свете,
что я вовек не буду одинок!

Собрав усилья, я внушаю веру людям,
что мы, объединенные, направим
теченье рек победы к океану.

В моей стране деревья во сто раз
сильнее топора, валящего деревья.
А я в своей стране.
Я обращаюсь к ней,
к ее посильной силе, и сверх силы —
сопротивляться до тех пор,
покуда не зазубрится топор.
Мощь родины во мне, она дает мне силу.
Она — народа, и она — моя!
Она нас скоро радостью подарит.

Сегодня невозможно заглушить
биения сердец, в моем стучащих сердце.
Мы все идем по одному пути,
усеянному острыми камнями.
Но нежен шаг наш по родной земле,
и солнце греет головы нам нежно.

С лица Бразилии, укутанного в тьму,
я черное срываю покрывало.
Я зажигаю свет везде!
Я тот, кто верит.
Я тот, кто повергает в дрожь
лакеев тупости и эгоизма.
Я счастье вам хочу завоевать
и счастью распахнуть все двери настежь.

Идет надежда вкруг земного света,
повсюду слышатся ей голоса ответа,
что отступает горе и нужда,
и я вперед шагаю, и повсюду
в людских руках, в ладонях у меня
лежат сегодняшнего сева зерна
и зерна жатвы будущего дня.

Перевел с французского
Семен **КИРСАНОВ**

Белая ночь в Ленинграде.

Фото Л. Зиверта
Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

Невский проспект в дождливый день.

Фото Л. Зиверта
Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

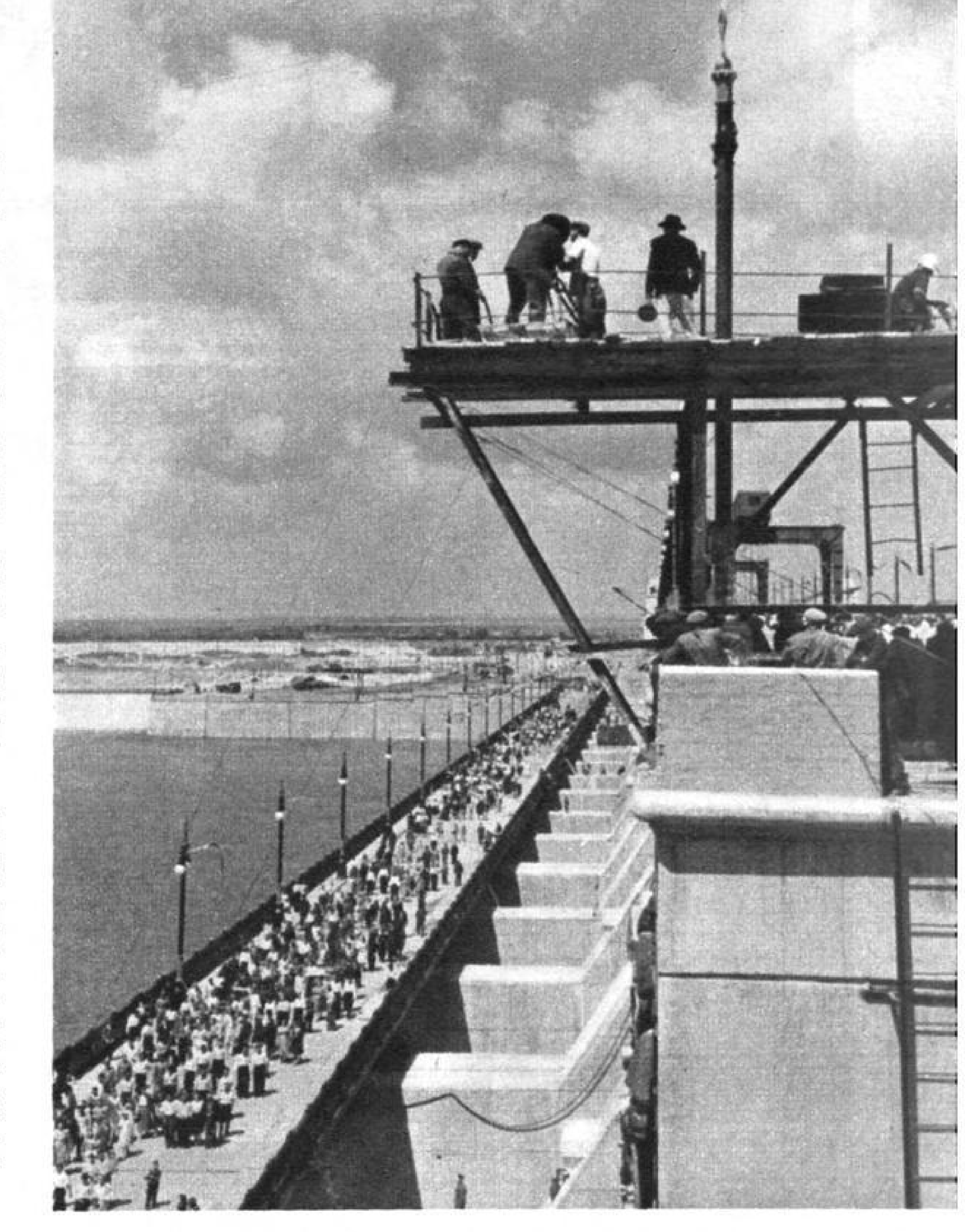
На площади Сталина в Хабаровске.
Фото В. Байдалова

„МОРСКАЯ" ЭКСПЕДИЦИЯ

На съемках фильма «Победители»

И. ВЕРШИНИНА

Фото Г. Сенотова

Так снимался кадр 446.

Натурная съемка

Лето — пора киноэкспедиций. Яркое, щедрое солнце, долгий день...

С ранней весны начинаются сборы режиссеров, операторов, художников в экспедиции, на поиски подходящей «натуры».

Многообразна тематика кинокартин: исторический фильм о великом русском флотоводце «Адмирал Ушаков», поэтическая былина «Садко», рассказ о послевоенной жизни колхоза «Жатва», киноповести о прославленных русских композиторах Глинке и Римском-Корсакове, экранизация бессмертной комедии Гоголя «Ревизор», историко-революционный фильм о железном рыцаре революции Феликсе Дзержинском...

Просторы Черного моря и Горьковская область, маленький районный городок и цветущие поля и сады подмосковного колхоза, фонтаны Петродворца и мощные каскады Цимлянской плотины — все это объединяется кинематографом в единое слово «натура». Сюда — в места, где жили, действовали, боролись, трудились, любили герои создаваемых фильмов, — отправляются многочисленные киноэкспедиции...

«Судовой журнал»

Эту толстую синюю книгу в киногруппе шутливо называют «судовым журналом». И действительно, все соответствует этому наименованию: местонахождение — борт парохода «Дмитрий Донской», содержание — жизнь «морской» экспедиции. Посмотрим записи.

«26 мая — прибытие груза в Ново-Соленовский».

Этим же числом помечено:

«Экспедиция в составе 50 человек, выехавшая 25 мая из Ленинграда, сегодня утром проследовала через Москву. Курс взят на Ново-Соленовский».

Далее идет длинный список участников с указанием профессий. Здесь режиссеры, пиротехники, художники, плотники, кинооператоры, инженеры...

«28 мая. Утром — прибытие в Ново-Соленовский. Днем — группа размещена на пароходе «Дмитрий Донской».

Киноэкспедиция студии «Ленфильм», снимающая фильм «Победители» (автор сценария — Б. Чирсков, постановщик — Ф. Эрмлер), прибыла на «натуру».

Началась работа.

Сохраняя стиль судового журнала, хотелось бы написать «началось плавание». Но пароход «Дмитрий Донской» никуда не поплывет; он стоит на якоре в старом русле Дона, неподалеку от плотины. Тем не менее экспедиция все же по праву может считаться морской, так как ее основная «натура» — Цимлянское море.

Будущий фильм «Победители» — это рассказ о людях ленинградского завода, строящего гидротурбины для Цимлянской ГЭС, рассказ о том, какие изменения в жизнь завода внесли эти важнейшие государственные заказы.

Газета «Правда» в корреспонденции, посвященной великим стройкам, писала: «...заказы великих строек обязательно вызывают к жизни новаторскую мысль, будят смелое творчество...» Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к фильму. Действие его происходит в Ленинграде и на строительстве Цимлянской ГЭС.

Просматривая дальнейшие записи «судового журнала», читаем: «29 мая. Окончание работ у шлюзов. Срочная подготовка к внеплановой съемке».

«Уходящие объекты»

«Внеплановая съемка» — эти слова повторяются много раз в журнале. И повторяются не случайно. Специфика «натуры» ломала почти все тщательно составленные планы группы.

У кинематографистов существует термин «уходящие объекты», то есть неповторимые явления. «Уходящие объекты» — прямые «виновники» частых нарушений графиков киногруппы.

Ф. М. Эрмлер рассказывает: «когда мы со сценаристом Б. Чирсковым приехали сюда первый раз в марте прошлого года — плотины не было и в помине. На ее месте стояла эстакада и несколько портальных кранов.

Вторично мы здесь побывали в сентябре. Еще сценарий не был закончен, но уже стало ясно, что такое событие, как поворот Дона, не может не войти в наш будущий фильм.

Прошло всего полгода, но все здесь изменилось до неузнаваемости. На месте эстакады возвышалась величественная плотина. На наших глазах котлован, который совсем недавно заполняли механизмы и машины, сегодня, как огромная чаша, сверкал на солнце, а на следующий день уже был заполнен водой. Сооружение котлована и наполнение Цимлянского моря были первыми ушедшими от нас объектами.

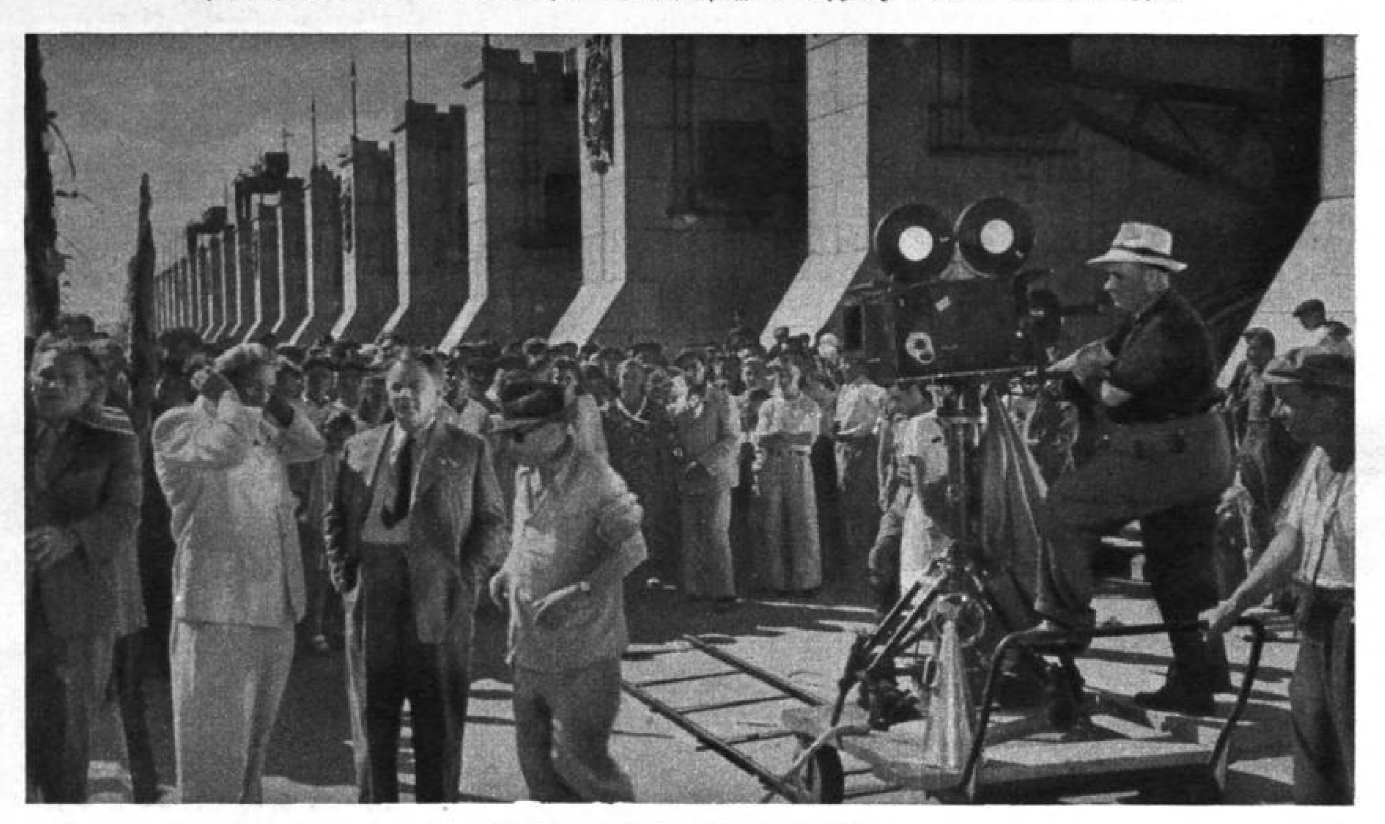
Сейчас, когда мы приехали сюда в третий раз с готовым сценарием, с актерами, вновь все изменилось на стройке и продолжало меняться не по дням, а по часам. Утром мы с оператором выезжали на стройку в «поисках точки», то есть определения и

Режиссер Ф. М. Эрмлер (справа) репетирует с артистами Н. И. Боголюбовым (слева) и В. И. Хохряковым.

При съемке сюжета с шагающим экскаватором киногруппу в степи застигла буря.

Плотина превратилась в павильон.

уточнения мест съемки и границы кадра. Когда днем мы возвращались на стройку вместе с актерами и аппаратурой, все там выглядело иначе, и приходилось заново начинать поиски коварной точки.

Так было со съемкой эпизода «на проезжей дороге», на месте которой киноработники увидели бетонированное шоссе; так было у шлюзов, где тщательно продуманный «пейзажный кадр» был нарушен внезапно нависшим мостом.

Горы земли, насыпанные шагающими экскаваторами, котлованы, леса, временные постройки — все исчезало молниеносно, становилось не только уходящим, а, как стали говорить кинематографисты, «убегающим объектом».

Кругом все блестело, сверкало, цвело, радуя глаз. Но ленфильмовцы вздыхали, глядя на эту картину: ведь действие снимаемых здесь кадров должно происходить в сентябре, а тогда ничего подобного не было в помине.

По замыслу создателей фильма, его герои должны были стать участниками подлинных событий. В сценарии есть кадр — монтаж турбины. Его снимали, когда происходил подлинный монтаж турбины Цимлянской ГЭС. Рядом с работником Ленинградского завода Орловым стоял актер Михайлов, исполняющий роль молодого монтажника Кости Брянцева; оба они были засняты на пленку.

В сценарии есть игровые сцены на фоне большого шагающего экскаватора «ЭШ 14-65». Маленькие фигурки актеров совершенно терялись рядом с этой громадой. Долго операторы «искали точку», лазали на осыпающуюся под ногами кручу, насыпанную экскаватором. Об этом «восхождении» главный оператор фильма А. К. Кольцатый говорил, что даже при съемке фильма «Покорители вершин» (об альпинистах) ему зачастую легче приходилось... Но «опыт альпинизма» помог: на веревках, зацепленных за колышки, операторы взобрались на насыпь; точка была найдена.

По сюжету фильма, Шура Ветрова — воспитанница ремесленного училища — становится водителем трехкубового экскаватора. В сценарии указывалось: «Снимать в спину. Необходим дублер. Актриса не сможет управлять сложной машиной». Когда начались съемки, опасения режиссера не оправдались. Молодая актриса Маргарита Лифанова, ранее окончившая ремесленное училище и техникум трудовых резервов, довольно быстро освоила управление экскаватором.

Трудно сказать, что в это время больше волновало артистку: овладение материалом роли или гордое сознание того, что машина, работой которой Лифанова только что вместе с другими восхищалась, сейчас послушна ее воле, сноровке, рукам, что десятки кубов земли на стройке вынуты ею.

Опережая время

Наступала самая трудная пора: предстояло задолго до событий снять сцену торжественного открытия канала при участии актеров и многотысячной толпы. Десять секунд займет этот кадр на экране, а готовились к нему, как к решающему сражению.

После долгих обсуждений, расчетов, прикидок, советов с руководителями строительства съемку решено было назначить на 6 июля — выходной день.

Оставалась неделя. Коллектив стал на стахановскую вахту.

Подготовка велась повсюду. Она проходила в станицах Цимлянской и Романовской, где ассистенты режиссера набирали участников массовых сцен. Она велась на плотине, где сваривались стальные конструкции и сооружался над гребнем плотины специальный мостик для кинооператоров и режиссера. Подготовка шла на площадке клуба, где режиссер Н. Н. Кошеверова отбирала лучших плясунов из самодеятельных кружков для сцены праздника. Подготовка проходила и в Ростове, где был «перевалочный пункт» для актеров, которые летели, плыли, ехали в Ново-Соленовский из различных городов страны. Она велась в кабинете начальника 3-го строительного района А. Н. Ганжи, на участке которого должна была проходить съемка. Здесь режиссер Эрмлер и художник Еней совместно с инженерами рассчитывали и обсуждали чертежи специальных сооружений, необходимых для съемок.

В 8 часов вечера ежедневно у директора киногруппы И. Д. Полякова открывалось диспетчерское совещание. Подводились итоги за день, каждый отчитывался в

Режиссер Н. Н. Кошеверова отбирает плясунов из самодеятельных кружков для участия в сцене праздника.

Сейчас начнется съемка. М. Лифанова проверяет грим. Слева — артист А. Михайлов.

сделанном. Тут же намечались точные планы на завтра.

— Облицовка колоннады на плотине завершена, фонари развешаны, — сообщал один.

— Необходимый «игровой инвентарь»: пароходы, катера, лодки, автомашины — в назначенный срок будет на месте,— рапортует другой.

— Гирлянды для автомашин готовы,— информирует третий.

Все готово к завтрашней съемке, все предвещает удачу. Но, тревожно вздыхая, директор группы мнет в руке маленький белый листок — прогноз погоды. Ростовское управление гидрометеорологической службы предвещает на завтра по области: «Местами — грозы».

Наступало 6 июля...

Съемка кадра 446

С вечера на место съемки направили электростанцию и звукозаписывающую машину, с ними выехала и операторская группа.

С семи утра стал стекаться народ. На своих машинах приехали колхозники Романовской станицы. Автобусы везли людей из Цимлы. С песнями и шутками, в ярких костюмах промчались на грузовике участники танцевального коллектива.

Плотину не узнать. Волнуются и надуваются от ветра красные флаги, сверкают на солнце лампионы фонарей, четко вырисовывается на фоне моря белая колоннада. Автотрасса запружена толпами. Многие пришли целыми семьями, нарядные, веселые.

Кольцатый смотрит в аппарат. Кадр удастся на славу! Сейчас появятся пароходы на море, да уйдут возникшие вдруг в кадре облака, и можно будет снимать. Довольный ходит по мосткам Эрмлер,— вот только слева немного продвинуть народ. По телефону вниз, на командный пост, передает он распоряжение, и мгновенно репродукторы разносят по плотине голос Кошеверовой: «3-й участок! Вперед 10 шагов!».

А облака сгущаются и сгущаются, и вот уже туча медленно и тревожно подползает к плотине. Падают первые тяжелые капли дождя. С досадой отдается вынужденная команда: «Товарищи! Отводите людей под прикрытие!»

Гроза бушевала весь день.

А на завтра с утра снова светило яркое солнце. К 11 часам все на плотине опять было готово к съемке. Мягко струились по воздуху флаги, плыли по морю яхты и пароходы, на автотрассе гуляла нарядная веселая толпа.

— Внимание! — разнесли репродукторы. — Мотор!

Кадр 446 был отснят.

Павильон на плотине

Быстро и успешно прошли съемки и других кадров.

Вся плотина превратилась в съемочный павильон. Каждая минута на учете. У одного из шандоров Эрмлер репетирует сцену с В. И. Хохряковым и Н. И. Боголюбовым; в конце автострады работают операторы комбинированных съемок; реквизиторы на балконе над рыбопроводом готовят кадр «В буфете». Им помогают актеры В. Н. Ратомский и С. Д. Ромоданов, для которых строится эта декорация. Тут же сложена осветительная аппаратура: сегодня за нее работает солнце.

— Мальчики, наиграли, сфальшивили! Не поверит зритель вашим переживаниям. Давайте снова! — прерывает репетицию Эрмлер.

И хотя эти слова, обращенные к актерам, возраст которых принято определять термином «среднее поколение», звучат несколько юмористически, понимаешь, что в устах Эрмлера они искренни. Ведь почти 20 лет тому назад, с фильма «Крестьяне», связал он свою творческую судьбу с Боголюбовым, совместно создавали они затем фильм «Великий гражданин» да и многие другие. Долгая творческая дружба связывает Эрмлера и с Хохряковым.

Пятый час. Кольцатый волнуется. Осталось снять еще два сюжета, а съемочное время истекает.

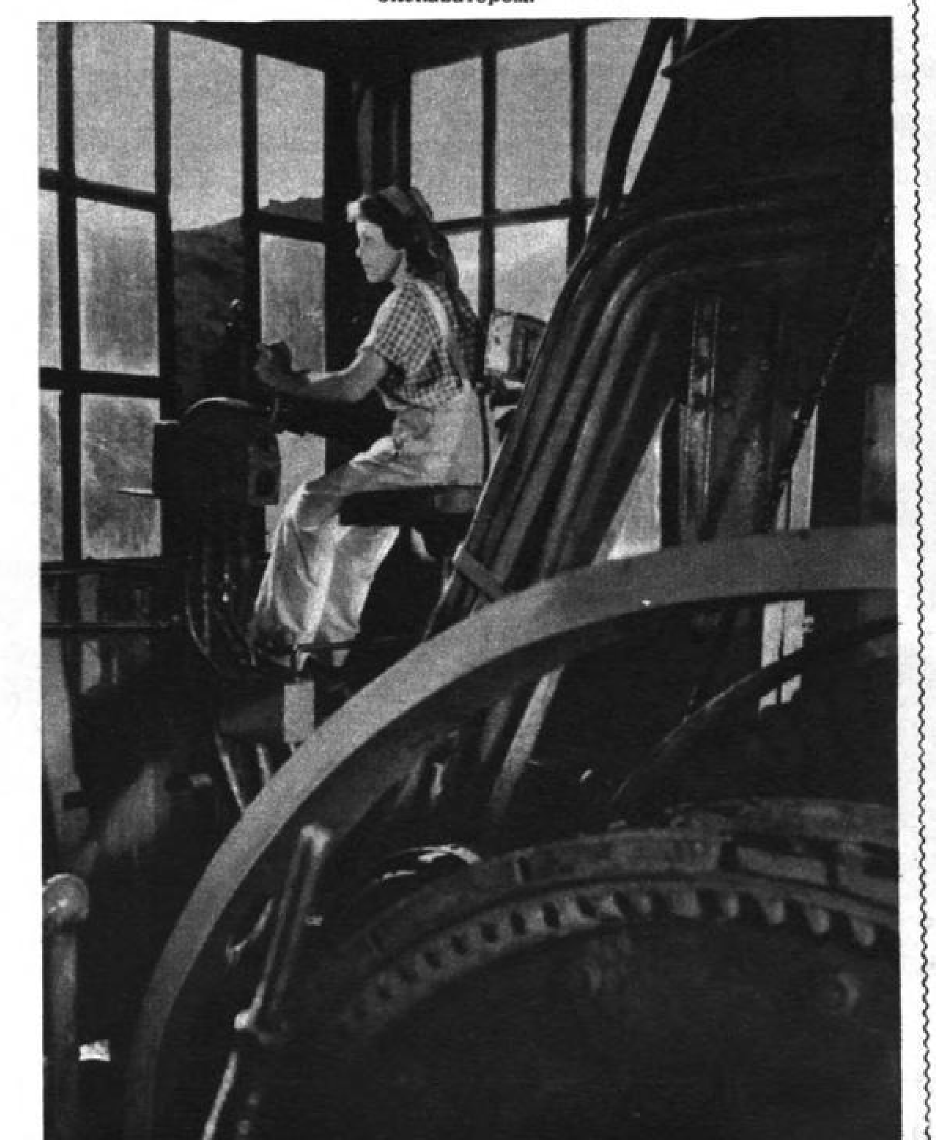
Наконец Эрмлер заканчивает репетицию. Сцена должна идти возле каскада воды. В рупор дает он команду: «Поднять шандор!» Наверху, на кране, раздается звонок. И вот уже позеленел бетонный скат, запенилась, забурлила вода. А шандор поднимается все выше, и теперь уже толстая густая зеленая струя морской цимлянской воды, бушуя и бурля, тяжелым каскадом падает вниз. А над водой голубеет безоблачное небо, и на горизонте вдали виден уходящий пароход...

* * *

Киноэкспедиция картины «Победители» закончила свою работу на Цимлянском гидроузле. Впереди съемки на одном из ленинградских заводов, напряженная многодневная работа в киностудии. Дни, проведенные на первой стройке коммунизма, многократные встречи с ее создателями, долгие беседы с ними навсегда останутся в памяти актеров, режиссеров — всех работников экспедиции.

Создать правдивый, жизненный, волнующий фильм, достойный тех сильных, больших людей, с которыми они встречались на великой стройке,— с этой мечтой приступает киногруппа «Победители» к дальнейшим съемкам.

Шура Ветрова (М. Лифанова) управляет шагающим экскаватором.

Сестры Ишхнели — вокальный квартет Грузинского комитета радиоинформации.

Фото К. Крымского

У МИКРОФОНА — СЕСТРЫ ИШХНЕЛИ...

Четыре женских голоса звучат в эфире. Если передача идет из тбилисской студии,— слушает Грузия. Если транслирует Москва,— слушает весь Союз. Концерт в граммзаписи передается из Риги, Киева, Ташкента. Поют сестры Ишхнели — ансамбль грузинской народной песни.

Перед микрофоном их четверо. У тех, что сидят с гитарами (см. фото) — Тамары и Александры,— контральто. Стоят Нина — меццо-сопрано — и Зинаида — лирическое сопрано.

За этими четырьмя — большая певческая семья Ишхнели. У артисток есть еще две сестры и два брата. Все они тоже хорошо поют. Их детям, теперь уже взрослым, передался по наследству певческий талант. Дочь Марии Ишхнели, Тинатин,— инженер, но когда она поет, кажется, что это актриса. Две дочери Тамары, техник Лили и балерина Джанико,— тоже певицы. У сына Александры, Отара, очень приятный тенор. Четырехлетняя внучка Александры, Манана, уже напевает почти весь репертуар своих бабушек... Когда мы подсчитали представителей всех трех поколений Ишхнели, поющих оказалось 22 человека.

В маленьком городке Кутаиси жила многочисленная семья чиновника Александра Ивановича Ишхнели. Дом знали в городе: Ишхнели жили бедно, но открыто и весело. С балкона старого дома всегда лились звуки песен. Мать семейства, Василиса Константиновна, любила, собрав вокруг себя своих двенадцать детей, взять в руки гитару и начать песню. Голос у нее был замечательный — чистый, глубокий,— пела легко и свободно. В кругу семьи рождались мелодии на слова любимых грузинских поэтов, распевались народные песни.

Однажды четырех старших сестер прослушали в тбилисском радиокомитете, и с тех пор они поют у микрофона, с успехом выступают в концертах грузинской филармонии, в колхозах, на заводах и шахтах. Правительство республики присвоило сестрам-певицам звания заслуженных деятелей искусств.

Часто и охотно поют сестры Ишхнели популярные в Грузии «Любовь к родине» на народные слова, «Песню о Сталине» и «Мы хотим мира» — на слова поэтов Г. Леонидзе и И. Гришашвили. В их репертуаре много лирических песен — положенные на музыку стихи Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, Николая Бараташвили. «Сулико» и «Цици Натела», впервые исполненные сестрами, поют сейчас во всех республиках Союза и даже за рубежом. В репертуаре Ишхнели до ста произведений, часть из них записана на граммпластинки.

В радиокомитете нам показали пачку писем. Радиослушатели со всех концов Советской страны, на всех почти языках многонациональной нашей Родины благодарят певиц, заказывают им все новые и новые песни.

В ответ на эти письма несутся в эфир чарующие звуки грузинских мелодий.

У микрофона — сестры Ишхнели...

И. МЕСХИ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Под сенью статуи Свободы

Не так давно в «Крокодиле» был помещен рисунок художника Бориса Пророкова: из пустых глазниц пресловутой статуи Свободы выглядывают на манер зрачков две наглые и тупые физиономии полисменов. Один из них выпустил свою резиновую дубинку наружу, и она висит на щеке статуи, как слеза. Невесело, ах, как невесело свободе в Соединенных Штатах Америки!

Этот рисунок мог бы послужить отличной обложкой для выпущенной недавно Госкультпросветиздатом книжки В. Минаева «Под сенью статуи «Свободы».

Эпиграфом к книге служат слова Бернарда Шоу: «Я опасаюсь ехать в Америку. Я, правда, считаюсь мастером классической иронии, но боюсь, что даже я не смогу перенести вида статуи Свободы».

Да, сколько бы хорошо оплаченных и хорошо поставленных голосов ни возносили сладчайшие славословия в честь «высоких достоинств американской демократии», неприглядная американская действительность ежедневно и ежеминутно дает неопровержимые доказательства того, что все эти высокопарные декламации — лишь дешевые и ядовитые словесные побрякушки для одурманивания доверчивых простачков.

Не нью-йоркская статуя Свободы, а два других бронзовых изваяния символизируют собой «американский образ жизни». Это, во-первых, гигантская статуя полицейского, воздвигнутая чикагскими капиталистами в благодарность за кровавые услуги, оказанные им полицией в подавлении майских рабочих забастовок в 1886 году. Это, во-вторых, предельно помпезный и безвкусный монумент, сооруженный в Канзас-сити в честь умершего в тюрьме, где он сидел за обычную уголовщину, знаменитого гангстера и одного из заправил демократической партии Томаса Пендергаста.

Кстати говоря, В. Минаев ошибочно указывает, что памятник сооружен в честь Джима Пендергаста. Племянник «Большого Тома», Джим Пендергаст еще покуда, к сожалению, жив и пользуется всеми радостями американской жизни, причитающимися человеку, счастливо сочетающему две доходные профессии — гангстерского атамана и босса демократической партии.

Не «равные возможности для всех» существуют в этой стране, а всепроникающее господство капиталистических монополий, толкающих США в зловещую пропасть фашизма и войны, обрекающих огромное большинство граждан «страны господа бога» на нищету, бескультурье и моральное одичание.

Только отвратительным цинизмом, рассчитанным на самых неосведомленных людей, диктуются назойливые заявления пропагандистов Уолл-стрита о том, что в США якобы «человеческая личность превыше всего». Это где же она превыше всего, человеческая личность? В той самой Америке, где днем и ночью над головами ни в чем не повинных граждан висит страшный кошмар Федерального бюро расследований и Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности? В той самой стране, где тринадцать миллионов негров и миллионы других «цветных» официально объявлены расово неполноценными, людьми второго сорта; где свирепствует людоедский суд Линча, где не было ни единого случая, когда бы «белого» осудили за убийство «цветного»? Множество раз конгресс США под торжествующее улюлюканье расистов проваливал законопроект о запрещении суда Линча. «Зачем извиняться или оправдываться? — писал сенатор Вальтер Джордж.— Мы очень усердно вытравляем дух таких добавлений к конституции, которые дают возможность негру думать, что он равен белому человеку. Так же мы будем вести себя и в дальнейшем».

Ценность книги В. Минаева в том, что она при сравнительно небольшом объеме дает достаточно полное, доходчивое и убедительное описание многих сторон «американского образа жизни».

Все, что рассказал в своей книжке В. Минаев, убеждает читателя, что американский империализм уже давно идет по нисходящей линии и что все те методы (превосходящие по своей античеловечности и реакционности «высшие достижения» гитлеровского режима), которыми Уоллстрит пытается держать «свой» народ в узде, не спасут его от окончательного краха.

Большим достоинством книжки является обилие интересных и убедительных, хотя далеко не всегда хорошо воспроизведенных, фотографий, рисующих «прелести» американской жизни. В частности, помещены снимки, показывающие «работу» и «учебу» агентов Федерального бюро расследований — этого американского гестапо. Подлинным украшением книжки являются семь вклеек с выразительными рисунками Бориса Пророкова.

Несколько критических замечаний. В. Минаев правильно характеризует конституцию США, принятую филадельфийским Конституционным конвентом, как исключительно реакционную. Верно и то, что конгресс пошел на уступки и принял так называемый «билль о правах», представляющий собой 10 добавлений к конституции, под влиянием воздействия Джефферсона и его сторонников. Но нужно было бы упомянуть, что Джефферсон добился этих «уступок» американскому народу в первую очередь разъяснением засевшим в конгрессе реакционерам (со ссылкой на разгоравшуюся в то время французскую буржуазную революцию), к чему может привести возмущение обманутого народа, если конституция не будет демократизирована сверху. Стоило бы, пожалуй, отметить и то, что революционный американский народ имел очень отдаленное отношение к вновь образованным законодательным и исполнительным органам юной заатлантической республики. «Из населения в 3 000 000 человек не более 120 000 получили право участвовать в выборах представителей в собрания штатов, которые должны были обсудить конституцию»,— писал А. Саймонс в своей книге «Социальные силы в американской истории».

Нельзя было не упомянуть о трагической судьбе индейцев — народа, почти истребленного американскими колонизаторами. Жалкие его остатки осуждены сейчас на вымирание в так называемых резервациях. Немалый интерес для читателей нашей многонациональной страны имел бы — пусть самый краткий! — рассказ о том, как вымирает от туберкулеза индейское и алеутское население Аляски. Совершенно потрясающий материал на эту тему можно было бы найти в сборнике переводных статей «Американский север», выпущенном в 1950 году Издательством иностранной литературы.

Явно неполна последняя глава книги, «Американский народ в борьбе за мир, свободу и демократию». Ни слова не сказано об одной из самых волнующих и многообещающих особенностей этой борьбы: впервые со времени гражданской войны «белые» борются за свободу и мир рука об руку с «цветными». Недаром образ негра, активно включающегося в эту борьбу, лишает сна правителей современной Америки! А какой благодарный материал составляет хотя бы самый краткий рассказ о событиях в Пиксхилле!

Мало сказано в книге о пассивности и уклончивости, которые проявляет во время выборных кампаний американский избиратель, сбитый с толку демагогией обеих партий американских монополий. А жаль: можно было бы привести поистине разительные цифры.

Но при всех этих недочетах книжка В. Минаева сослужит свою хорошую службу. Остается только пожелать издания таких же интересных, популярных и обильно иллюстрированных книг и по другим, не затронутым в книге В. Минаева чертам «американского образа жизни» (например, школьное дело, постановка здравоохранения, культура и отдых рядового американца).

Л. ЛАГИН

В. Минаев. Под сенью статуи «Свободы». Госкультпросветиздат. М. 1951. 142 стр.

После «победы» над демонстрантами.

На родине А. П. Бондина

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Город Нижний Тагил — «горное гнездо» мастеров-умельцев. Здесь жили Черепановы, строители первого в России «сухопутного парохода», изобретатель двухколесного самоката Артамонов, талантливые крепостные живописцы Худояровы. Здесь жил и трудился писатель Алексей Петрович Бондин (1882—1939), автор романов «Лога» и «Ольга Ермолаева», повести «Моя школа» и многих рассказов из уральской жизни.

На улице Дзержинского стоит старый одноэтажный дом. Здесь в семье рабочего, бывшего демидовского крепостного, родился и провел детские годы писатель, ставший впоследствии певцом уральского рабочего класса.

Под горой, у самого горла плотины, дымит завод имени Куйбышева. Это один из старейших на Урале заводов. В механическом цехе его тринадцатилетним подростком начал свой трудовой путь Алеша Бондин. В повести «Моя школа» он красочно описал знакомство с заводом и заводскими порядками.

А. П. Бондин за работой. Фото А. Исакова

Поднимемся на гору. Здесь на Уральской улице до революции находилась земская тюрьма. В 1906 году в этой тюрьме сидел молодой рабочий Алексей Бондин, арестованный за «политику». Боевое крещение он получил в знаменитой первомайской сормовской демонстрации 1902 года.

Вдоль берега пруда тянется Красноармейская улица. В доме № 8 жил Бондин. Об этом говорит мемориальная доска. Тут он заканчивал свой последний роман, «Ольга Ермолаева»,— о женщине, ставшей инициатором многостаночного движения. Здесь он отшлифовывал свои охотничьи рассказы.

Но больше всего напоминает о Бондине высокое здание железнодорожного депо. Тридцать пять лет производственного стажа было за плечами у писателя. Он гордился званием лучшего ударника, тем, что «не слезал с красной доски». Вот его рабочее место слесаря. Старики-рабочие помнят «Петровича», прекрасного товарища и талантливого мастера. Помнят его изобретения. Бондинская «машина» — станок для обточки цапф паровозных колес — до сих пор действует в железнодорожных депо.

К. БОГОЛЮБОВ

Дом на Красноармейской улице, в котором жил писатель.

ОДИН КРУГ

Заслуженный мастер спорта Юрий Литуев.
Фото А. Бурдукова

Юрий Литуев уже закончил разминку, когда начали расставлять барьеры, и плавный, гладкий беговой круг разом преобразился. Спокойное чередование черно-белых барьерных реек так не вязалось с волнением, которое испытывал в эти минуты Литуев, что он с каким-то удивлением смотрел на дорожку, приготовленную для финального забега на 400 метров, словно видел ее впервые в жизни.

В дни подготовки к олимпийским играм Литуева познакомили со списком сильнейших легкоатлетов мира. Там его фамилия стояла второй, рядом с фамилией американца Мура. Теперь они должны были стать рядом на беговой дорожке.

Хельсинкский стадион, серый и однообразный в часы перерывов, сейчас переливался красками всех тонов, гудел языками всех народов, и флаги всех стран мира развевались на ветру. Где наше советское знамя? Литуев отыскал его глазами, и так ему захотелось, чтобы взвилось советское знамя над стадионом, когда поднимутся на трибуну почета три самых искусных бегуна.

Есть в движениях бегунов, готовящихся к старту, какая-то особая медлительная непринужденность, словно они и не собираются через несколько минут начать бег, с каждым шагом наращивая скорость, взлетая в воздух над барьерами. Высокие, гибкие люди в разноцветных тренировочных костюмах похаживали около старта, задумчиво разглядывая землю, будто стараясь прочесть что-то на ее гладкой, безукоризненно укатанной поверхности. Потом, так же неторопливо, они начали снимать свои костюмы, и казалось, что все их усилия направлены только на одно — не зацепить ткани шипами туфель. И вот наконец они заняли свои места на старте.

Последние мгновения покоя перед рывком! Какой-то особенной, полной тишиной насыщены эти мгновения! Весь мир сузился до плавного закругления беговой дорожки, и ничего больше не существует в этом мире, кроме непреодолимого желания поскорее устремиться вперед, к первому барьеру, который виднеется в двадцати двух шагах...

Когда Юрий Литуев четыре года назад впервые в своей жизни прошел дистанцию барьерного бега, он и не подозревал, что этот вид легкой атлетики станет для него любимым. Юрий Литуев начинал свои занятия спортом с десятиборья, где барьерный бег является только одним из номеров трудной и долгой борьбы. Он всегда стремился в жизни к самому большому труду: и когда еще перед войной, 15-летним юношей, решил стать офицером, и когда, окончив школу, пошел в военное училище, и когда, попав на фронт, командовал взводом в ожесточенных боях у озера Балатон, и после войны, когда новые задачи встали перед ним, строевым офицером, по воспитанию бойцов.

Вместе со своими солдатами вышел он на спортивную площадку, решив, что должен быть им примером во всем, и избрал для себя самое трудное — десятиборье. Ценой огромных усилий Литуев настолько хорошо освоил разнообразную технику бега, прыжков и метаний, что в 1948 году занял третье место на первенстве Советской Армии. На этом первенстве он встретился с Вячеславом Витольдовичем Садовским, который стал его учителем.

Теперь Вячеслав Витольдович сидел на олимпийском стадионе и следил за развитием финального бега. Старт взят отлично, смело, точно, стремительно. Литуев уже подходит к первому барьеру. С каждым шагом все свободней его движения, словно препятствия и нет впереди. Немало месяцев ушло на то, чтобы научиться брать барьер с наименьшей затратой времени и усилий, так, чтобы прыжок не гасил скорости. Удастся ли теперь Литуеву в предельном напряжении борьбы не утратить этого умения? Вот совсем близко черно-белая рейка. И не снижая скорости, Литуев взлетел в воздух, одна нога вытянута, другая поджата, корпус устремлен вперед, и вот он уже снова несется по гладкой дорожке. Пятнадцать шагов до новой атаки барьера. Хорошо! Все хорошо!.. Садовский видел только Литуева и вместе с тем каким-то вторым зрением охватывал всю картину борьбы, движение всех остальных пяти бегунов, одновременные взмахи рук, мелькание сильных сухощавых ног...

Когда Садовский впервые увидел Литуева, он сразу угадал в нем прирожденного барьериста. У этого молодого человека было редкое сочетание взрывчатой стремительности спринтера и спокойной рассудительности бегуна на средние дистанции. А барьерный бег на 400 метров требовал именно таких качеств: огромной нервной и физической выдержки, безукоризненной техники. Нужно в разгаре кратковременной борьбы, продолжающейся всего один круг, занимающей по времени меньше минуты, все время чувствуя рядом разнобойные усилия противников, не сбиться с ритма, сохранить длину шага, точность движения над барьерами и после всего этого выдержать на финише яростную борьбу за каждый метр пространства, за каждую черточку на циферблате секундомера. Для этого надо иметь ясную голову и спокойное сердце.

Литуеву казалось, что сочетать это все очень трудно, но именно поэтому он и решил стать барьеристом.

...Теперь рядом с ним бежит первый барьерист мира Мур. В полуфинале он установил новый олимпийский рекорд — 50,8 секунды. Литуев еще не бегает с такой скоростью. Но он будет бегать. Садовский верит в это. Об этом говорит толстая тренерская тетрадь. Там записаны все 592 тренировки, проведенные за эти годы, там записаны все результаты и цифры, говорящие о неуклонном росте скорости. На первенстве Европы в Брюсселе Литуев установил новый всесоюзный рекорд — 52,4 секунды. На матче Румыния — Польша — СССР он прошел дистанцию за 52,2 секунды, а вскоре после этого на первенстве СССР добился еще более высокого результата — 51,7 секунды. Садовский чувствовал, что Литуев и сейчас идет на новый рекорд. Вот уже бегуны вышли на прямую и несутся вперед, словно по команде атакуя барьеры.

Литуев видел своих противников, чувствовал их рядом по скрипу шипов на дорожке, по шуму дыхания. Каждый из них бежит в своем ритме, и как трудно не сбиться, сохранять размер своего шага в этом азартном разнобое рвущихся вперед людей!

Литуев бежал, то и дело взлетая в воздух и словно с горки устремляясь вниз, зная, что первая же его ошибка над барьером повлечет за собою серию других ошибок — и тогда конец. Он чувствовал рядом одновременные взмахи тел итальянца, англичанина, американца — своих ближайших соседей, и вдруг где-то там, справа, он краем глаза заметил сначала вытянутую над барьером руку, а затем чье-то выдвинутое вперед плечо, носок ноги... Да, это Мур выходил вперед. Потом кто-то другой заслонил от него американца, и он так же бесстрастно отметил: «Уиттл». Американец и англичанин увеличивали темп, но Литуев продолжал свой бег в своем привычном для него ритме. Еще кто-то начал выдвигаться вперед. «Кто это?.. Филипут, итальянец». Но Литуев попрежнему несся по дорожке, взлетал над барьерами и снова бежал так, как следовало бежать по заранее произведенным расчетам, по чутью времени, которое не должно было изменить ему.

Теперь хорошо видно, как бежит Мур, нет, не бежит, а плывет, летит над дорожкой, над препятствиями. И вдруг многоголосый рев захлестнул Литуева. Это начался вираж, последний поворот перед финишной прямой. Вот она, последняя прямая, все так же аккуратно заштрихованная черно-белыми полосками...

Последние сто метров самые трудные. Ну да, вот и барьеры уже кажутся выше, будто высота их не 91,4 сантиметра, как это установлено правилами. И в тот же момент, когда Литуев почувствовал, что барьеры стали выше, он смело бросился вперед, все наращивая и наращивая скорость, все более ясно чувствуя, как усталость наливает чугуном его ноги, притягивает его к земле, как ему все более тесно становится между барьерами.

Отброшены назад англичанин и итальянец. Почти вровень проносятся над барьерами два бегуна, Литуев и Мур. Вот и последний барьер, а там за ним виднеется ровная, без единого барьера гладь дорожки, предфинишное пространство — последние сорок метров круга.

Все уменьшая и уменьшая расстояние, отделяющее его от Мура, Литуев пролетел над последним барьером и с хода, изо всех сил стараясь поддержать в себе чувство полета, устремился к финишу. Американец близко, совсем близко, это подтверждает оглушительный рев стадиона! Вперед же! И вслед за Муром Литуев пронесся через линию финиша.

Он не сразу осознал результаты этого бега.

И только когда товарищи по команде окружили его, пожимая ему руки, он увидел на электрифицированном щите свой результат: 51,3 секунды. Новый европейский и всесоюзный рекорд. На полсекунды хуже, чем результат победителя финального забега Мура.

И вот он, советский бегун Литуев, стоит на трибуне почета, и перед ним высоко на флагштоке развевается красное знамя его Родины.

В. ВИКТОРОВ

БОГАТЫРЬ ИЗ ТАРТУ

Иоганнес Коткас.

Это было пять лет назад. Дружные аплодисменты раскатились под сводами пражского зала «Люцерна». Три атлета в алых трико подняли головы, глядя на флаг своей Родины, взвившийся в честь победителей первенства Европы по борьбе. Они стояли рядом — молодой русский борец Николай Белов, широкоплечий эстонец Иоганнес Коткас, темноволосый стройный грузин Константин Коберидзе, три богатыря, живое олицетворение великой семьи советских народов.

Каждый из них помнил напечатанное в местных газетах интервью главы одной из спортивных делегаций: «Борцов СССР я не склонен считать возможными претендентами на призовые места... Почему так?.. Да потому, что советские атлеты — новички, которые не владеют подлинным мастерством борьбы». Еще самоувереннее высказывались турки, которые незадолго до этого выиграли первенство Европы по вольной борьбе. Они были простонапросто уверены, что далеко ушли в технике и абсолютно недосягаемы для русских.

И вот теперь три победителя из СССР стояли, улыбаясь, и хрусталь и серебро призовых кубков сверкали под ярким светом лампионов, и знатоки вспоминали трех «Иванов» — Поддубного, Заикина, Шемякина,— которые лет сорок назад победно прошли по аренам Европы и Америки.

...В одной из схваток Иоганнес Коткас серьезно повредил ребро. Его широкую грудь охватила нестерпимая боль. Ему было трудно вздохнуть. Без сомнения, ему еще труднее, во много раз труднее было бороться. Ведь ему противостояли сильнейшие люди Европы.

Иоганнес знал, что боль, притаившаяся, словно враг в засаде, может в любую секунду подняться, чтобы свалить его. Надо было предупредить ее предательское нападение. И, едва коснувшись в традиционном прикосновении ладони противника, Коткас, тихий, казалось, флегматичный человек, преобразился. Прием за приемом. Каскад сменяющихся атак. Они ошеломляли, не давали ориентироваться. Никто не мог устоять: ни «грозный» турок Чакмак, ни сильный венгерский борец Рихетски, ни такие силачи, как швед Антонссон или голландец Арст.

Поздравляя Коткаса, иностранные друзья осторожно заметили: почему же он не вышел из соревнования, ведь в любой схватке полученная им травма могла поставить под угрозу всю его дальнейшую спортивную карьеру? «Я защищал честь своей великой страны!» — коротко бросил атлет.

Он знал, что защищает не только личную спортивную репутацию, но прежде всего престиж всей великой и необъятной страны, чей герб золотом горел на его груди.

Герб, на котором в обрамлении колосьев, символа обилия и достатка, перекрещивались серп и молот. Их изображения были для него не только символом единения села и города, союзом труда землепашца и рабочего. Он видел в них свое прошлое: и те дни, когда он работал на помещичьем поле, и когда, переехав в город, робко переминался у входа в атлетический кружок Леонарда Кука.

Эстонию, где родился и вырос Коткас, с давних пор звали «страной борцов». Бредя с кнутом за стадом, маленький крепыш вновь и вновь переживал подвиги героев народного эпоса Калевипоэг.

Когда Ганс подрос, старые ревельские рабочие назвали ему имена Клейна и Каплюра. Сыны эстонского народа, они не раз наносили поражение прославленным европейским силачам-чемпионам.

Их европейская пресса звала «русскими львами». Они выступали как борцы и штангисты. Ученики первого русского тяжелоатлетического кружка В. Ф. Краевского, они уже в прошлом веке успешно выступали в Вене, Париже, Берлине. В их активе была победа над таким борцом, как чемпион мира француз Поль Понс, носивший титул «непобедимого».

В наши дни, когда советский стиль в борьбе заслужил всеобщее признание на олимпиаде в Хельсинки, невольно вспоминается имя другого эстонского богатыря, Мартина Клейна. На олимпийских играх 1912 года в Стокгольме ему пришлось встретиться с чемпионом мира, прославленным финном Ассикайненом. В летопись тяжелой атлетики эта схватка вошла как пример невиданной стойкости и упорства. Более десяти часов боролись на ковре два силача. Победа осталась за Клейном.

Такими были земляки Иоганнеса.

1935 год. По сигналу арбитра светловолосый круглолицый юноша вступает на ковер. Первый шаг двадцатилетнего Коткаса на том пути, который приведет его к званию чемпиона советской державы, и чемпиона Европы, и первого среди участников олимпийских игр в Хельсинки. Но путь к победе не всегда усыпан розами; нередко будущему чемпиону суждено сначала ощутить уколы шипов, познать горечь поражения. Дважды Коткас оказывается на лопатках. Но можно ли винить юношу, если он не имел даже борцовских ботинок и его скользившие по брезенту ноги помогли противнику через полторы минуты сломать «мост» Коткаса?

Он понял тогда, что победа — это труд, что никакая сила не выручит того, у кого нет в запасе арсенала тех приемов и контрприемов, которые создала атлетика. Трудолюбивый, до пунктуальности исполнительный, он работал над развитием всех качеств, нужных борцу, и затем над их шлифовкой, и снова и снова над тем, что, казалось, было уже отработано до автоматизма. Недаром, когда видишь, с какой быстротой прогибается упругим «мостом» его тело, касаясь ковра лишь ступнями ног и лбом, с какой завидной легкостью взлетает над скакалкой его мощная фигура, невольно спрашиваешь себя: «Неужели этот, такой легкий в движениях спортсмен весит 112 килограммов?»

1938 год. Коткаса неожиданно включают в сборную команду Эстонии: лучший ее тяжеловес Палусалу выбыл из строя. Дебютант с честью выходит на первое место. Коткас — чемпион Европы!

Поучительной была его встреча с хорошо знакомым советским атлетам турецким великаном Чобаном. Массивность сочеталась у того с огромной самоуверенностью, но не слишком большим мужеством. Проиграв схватку с венгром Бобисом, Коткас вступает в третий круг, имея три штрафных очка. Его противник Чобан то и дело убегает с ковра. Судьи ставят турка в партер, и Коткас кладет его на лопатки. Победа над лидером чемпионата шведом Ниманом выводит на первое место молодого эстонца.

В 1940 году по воле народа Эстония вошла полноправным членом в великий Союз Советских Республик.

С особой гордостью принимает он дипломы чемпиона своей новой Родины! Коткас — пятикратный чемпион СССР, четыре раза выигрывает он звание сильнейшего среди сильных — абсолютного чемпиона Советского Союза, трижды был первым на всеевропейском чемпионате.

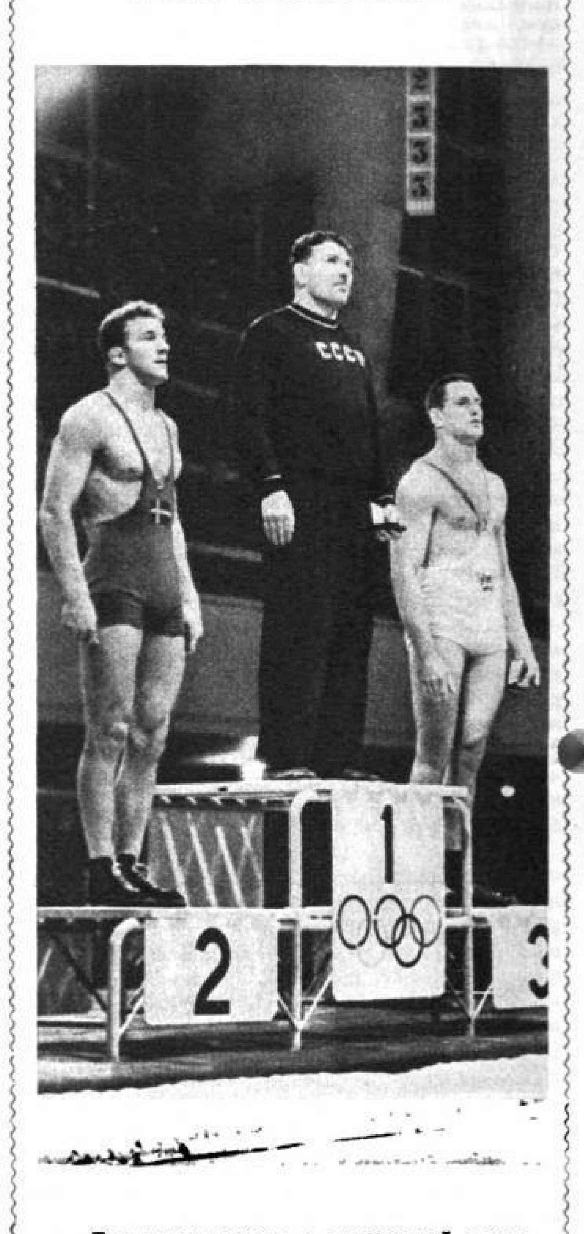
Нынешним летом он вместе с другими советскими борцами участвовал в XV олимпийских играх.

Авторитетная шведская газета «Стокгольмс тиднинген» посвятила всю свою первую страницу советским атлетам, озаглавив ее «Русские борцы косят противников». По четыре минуты «израсходовал» Коткас на то, чтобы положить на лопатки итальянца Г. Антони или И. Ружичку (Чехословакия). Что же касается бельгийца Борендса, то он попросту не явился на встречу.

Коткас победил!

Е. КИРИЛЛОВ

ТЯЖЕЛОВЕС АРСЕН МЕКОКИШВИЛИ

...Под звуки зурны и ритмичный рокот барабана в живом кольце зрителей сходятся два прославленных на всю округу силача. На них просторные короткие рубахи-чохи. Торсы охватывают кушаки, за которые берутся участники схватки.

Так начинается один из любимейших видов народного спорта — грузинская национальная борьба чидаоба.

Когда уроженец грузинского села Гвергицминда, бригадир колхоза «Самури Цховреба» А. Мекокишвили клал свои крепкие смуглые руки на пояс противника, старики спорили об одном: сколько же минут сможет тот обороняться. Арсен знал один исход во всех своих схватках — победу.

От чидаобы он переходит к самбо, а потом и к спортивной борьбе.

Прирожденная сила, неудержимый напор сочетаются у него с разнообразной техникой и верной тактикой.

Стиль борьбы Мекокишвили с непрерывными атаками, внезапной сменой приемов, стиль, основанный на отличной физической подготовке и несокрушимой воле, воплощает в себе черты советской атлетической школы.

Подлинным триумфом было его выступление в Хельсинки. Ни один из прославленных тяжеловесов мира не мог противостоять атакам советского мастера, завоевавшего золотую медаль олимпийского чемпиона по вольной борьбе.

В первый же день зрители спортивного зала Мессухалли II могли видеть, как советский тяжеловес на 8-й минуте «чисто» уложил на лопатки сильного борца Ковача.

День спустя Мекокишвили побеждает Вальтнера — одного из сильнейших борцов Западной Германии.

Спортивные обозреватели отметили, что советский спорт выращивает не единичных атлетов-феноменов. Победа борцов СССР была победой всей спортивной школы. «Советский Союз является наилучшей нацией по борьбе».

Н а с н и м к е: А. Мекокишвили (в центре) на постаменте почета.

Фото А. Гостева

Тайны пробконоса

Изоляция, применяемая в электропромышленности, морские спасательные пояса, поплавки для рыбачьих неводов, линолеум, пробки для закупорки бутылок и многое другое изготовляется из коры пробкового дерева. Долгое время алжирский дуб считался почти единственным на земном шаре пробконосом. На мировом рынке не было ему соперника.

В годы первых сталинских пятилеток была поставлена задача — изыскать отечественный заменитель алжирского дуба. Долгие поиски и исследования увенчались успехом: на Дальнем Востоке было найдено дерево — амурский бархат,— отдаленно напоминающее своей листвой ясень, но с толстой, бархатистой, мягкой и чрезвычайно легкой корой. Это сравнительно теплолюбивое растение акклиматизировалось в суровых условиях Амурской области.

Заготовка коры бархатного дерева началась сразу, как только была установлена ее пригодность в отечественной промышленности. Но то был тяжелый и дорогостоящий труд. Экспедиции заготовителей, не зная районов произрастания бархатного дерева, уходили в тайгу за многие сотни километров от жилых мест. Приходилось обследовать обширные территории, чтобы собрать несколько тонн пробки. Амурский бархат — дерево капризное. Оно не любит соседства своих родственников или, например, маньчжурского ореха, пышная крона которого затеняет листву пробконоса. Вот почему в лесах Дальнего Востока на площади в гектар произрастает не более двух — трех деревьев амурского бархата.

Надо было изменить природу амурского бархата, заставить расти на гектаре не 2—3 дерева, а 500—600, снимать пробку не с 40-летнего, как до сих пор, а с 10—15-летнего дерева. Над решением этих задач много потрудились работники Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства. Горячо взялся за дело директор института А. А. Цымек. Свыше двадцати лет отдал он труду, изложенному в монографии «Бархат амурский, как пробконос».

За двадцать лет проведены тысячи опытов на огромной территории. Были созданы лесхозы Бурейский, Бикинский, Майхэ. Во всех этих различных по климатическим условиям районах «раздели» около тысячи деревьев амурского бархата (сняли кору, не повреждая лубяного слоя) и установили наблюдение за ними. Научные сотрудники производили опыты с семенами, высевали их на больших площадях, вносили различные минеральные удобрения.

Появились свои энтузиасты пробконоса. Двадцать лет провел вдали от жилых мест в лесхозе Майхэ младший научный сотрудник Семен Дмитриевич Емашов. Теперь ему 67 лет. Но он еще бодр, здоров и не покидает своего поста. Он представил в институт исключительно ценные наблюдения. Плодотворно работает молодой специалист А. Емлевская, недавно окончившая биологический факультет Саратовского государственного университета. Она многое сделала для раскрытия тайн селекции бархата.

— Мы на пути к полной победе,— говорит А. А. Цымек.— В ближайшее время советская наука даст нашей промышленности пробку, не уступающую по своим качествам пробке алжирского дуба.

Тайна амурского пробконоса разгадана. Теперь уже в лесхозах института на одном гектаре произрастает до 500 деревьев амурского бархата. Тут снимают вполне пригодную кору с деревьев и 15-летнего возраста. Вторичную кору бархат наращивает вдвое быстрее, чем раньше.

С наступлением весны в отроги Сихотэ-Алиня и Хингана ушли научно-исследовательские экспедиции. Они создадут новые обширные плантации амурского бархата.

С. РОСЛЫЙ

Директор Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства А. А. Цымек и младший научный сотрудник института А. Г. Емлевская исследуют кору амурского бархата.

Из блокнота натуралиста

Блуждающие птицы

Орел-ягнятник появился на севере Казахстана. Огромная птица садилась на стога сена или скирды соломы и изредка поворачивала голову, осматривая зоркими глазами степь да голубые озера, на которых гоготали гуси.

Хищник поднимался с места нехотя, когда к нему подходили люди.

Перед вечером орел полетел к увалу, где паслись овцы. Пролетая над отарой, он сложил крылья и камнем бросился вниз на ягненка. Хищник промахнулся, стал кружиться над овцами и попал под выстрел пастуха.

Я заинтересовался: что заставило орла совершить воздушное путешествие, преодолеть по прямой больше двух тысяч километров?..

Орлы-ягнятники гнездятся в горах Тянь-Шаня. Я видел их гнезда на неприступных склонах. Что же побудило хищника, жителя Тянь-Шаня, прилететь к нам, на север?

* * *

За многие годы охотничьих скитаний мне не раз доводилось видеть «заморских» птиц. Один раз на Шайтан-озере осенью я убил гагу. Хотя у гаги, известно, осенний путь перелета с севера на запад, по побережью Ледовитого океана. А здесь одинокая гага летела с севера на юг, пролетев около трех тысяч километров.

Другой раз на Казачьем озере я добыл южную красную утку.

Видели у нас и пеликана на озерах Шайтан-озеро и Кашкыр-куле.

Я увидел пеликана на Среднем. Неуклюжая, длинноносая птица сидела на песчаном берегу и жалобно кричала.

* * *

Какая же причина побудила этих птиц залететь в незнакомые им места?

«Птицы заблудились!» — думал я.

Чтобы подтвердить эту догадку, я стал изучать сводки погоды. На Тянь-Шане три дня подряд бушевала вьюга. Шквальный ветер поднимал снежные бури в горах. Циклон двигался с юга на северо-запад. Очевидно, орел-ягнятник был подхвачен ветром на большой высоте, когда он летел через хребет за добычей в долину. Птица не могла сопротивляться буре и, надо полагать, несколько дней летела с «попутным ветром». А когда утихла буря, орел не мог ориентироваться (под ним была степь) и продолжал полет наугад. Таким путем он и попал в наши места.

Северные районы Казахстана лежат на великом Тургайском пути перелета птиц. Гага, птица севера, надо полагать, пристала к стае казарок вначале, а потом непогода заставила лететь ее дальше, на юг. Красная утка и пеликан перелетели границы своих гнездовий и, потеряв ориентиры, не могли вернуться в родные места.

П. ОСИПОВ

Уссурийский енот в лесах Подмосковья

В лесах Подмосковья недавно появились новые жильцы — уссурийские еноты. Они были привезены из Дальневосточной тайги в 1934 году и выпущены в лесах Калининской области. Еноты хорошо освоились в новой обстановке и стали успешно расселяться в соседние области. Ранней весной самка енота родит от десяти до двенадцати, иногда до шестнадцати щенят, устраивая гнезда в норах или под корнями деревьев, а затем с помощью самца бережно охраняет и воспитывает свое потомство.

Питание енотов очень разнообразно. Наиболее лакомая их пища — рыба, но в наших водоемах ее не так-то легко поймать. Зачастую у рыбаков, ночующих в лесу, таинственно исчезает рыба, спрятанная в кустах или оставленная в лодке. Не брезгует енот лягушками и разными мелкими животными, водящимися по берегам водоемов. Любит он также «потрудиться» в огородах у лесных сторожек, особенно там, где посажена морковь.

Иногда еноты устраивают себе запасы пищи; охотники находили в их норах до восьмидесяти утиных яиц.

Осенью на снежном покрове по берегам речек видны следы енота. Они напоминают следы лисы или небольшой собаки. С увеличением снежного покрова еноты ложатся в зимнюю спячку. Иногда енот засыпает в стогах сена и просыпается лишь после того, как крестьянин привезет его в селение и отогреет в теплом помещении.

Ловят енота в норах с помощью специально приученных собак лаек. Зверь упорно защищается, вступая в драку с собакой.

Ценный мех енота стал занимать видное место в заготовках пушнины на севере Подмосковья.

А. АБАТУРОВ, кандидат географических наук

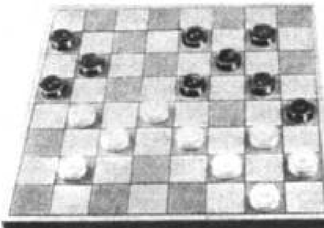
ШАШКИ Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

ДВА ОКОНЧАНИЯ

В финале XIII чемпионата СССР (Харьков, 1951 год) кандидат в мастера ленинградец Александр Степанов добился скромного результата — он разделил два последних места с В. Городецким, но в одной из партий турнира ему удалось с блеском провести комбинационные идеи, а в другой — спасти безнадежную, казалось бы, позицию.

I

Партию со своим земляком мастером С. Петровым (черные) Степанов привел после 16-го хода к следующей позиции:

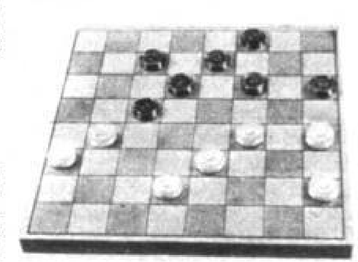
Ход белых. Петров предоставил своему противнику возможность провести комбинацию с проходом в дамки: 17. g3—f4 e5 : e1; 18. g1—f2 e1 : g3; 19. h2 : c5, но тогда следует 19. ... f6—e5; 20. d4 : f6 h6 : f2 и ничья.

Степанов не прельстился этой возможностью и сыграл 17. h2—a3!!

Теперь выясняется, что у черных нет защиты от новых комбинационных угроз. На 17. ... e7—d6 последует 18. d4—c5! b6 : b2; 19. a3 : c1 a5 : c3; 20. g3—f4 e5 : e1; 21. g1—f2 e1 : g3; 22. h2 : e1 и выигрывают. Если 17. ... g5—f4; 18. e3 : g5 g7—h6, то 19. h4—c5 h6 : f4; 20. c5—d6! e7 : e3; 21. f2 : d4 h4 : f2; 22. g1 : e7, и черным впору сдаться. Петров ответил 17. ... g7—h6, но после 18. e3—f4 g5 : c5; 19. h4 : f8 сдался.

II

В партии с Коськовым после его 18-го хода Степанов (черные) получил тяжелую позицию, но сумел добиться ничьей остроумной жертвой двух шашек.

В партии было:

18. ... c7—b6!

Единственный ход

19. h4—g5

Нельзя, конечно, 19. h4—a5 из-за 19. ... f8—g7 и т. д.

19. ... f6 : h4
20. h4—a5 f8—g7
21. a5 : e5 h4—g3!

Черные не спешат отыграть шашку.

22. d2—c3 e7—f6
23. c3—d4 c5—b4!!

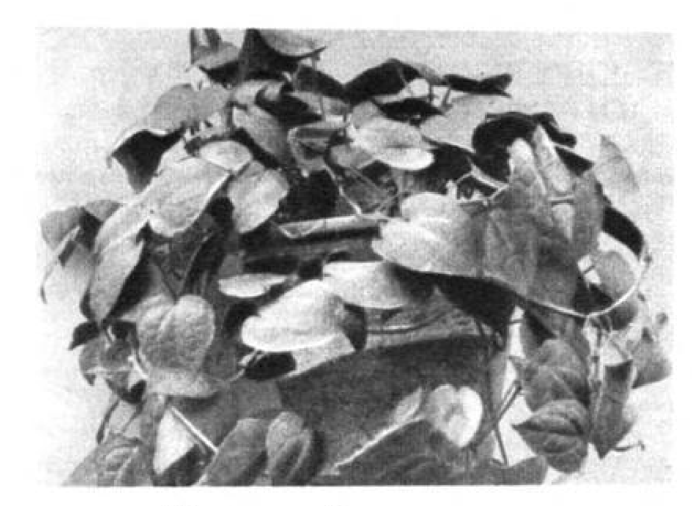
Черные жертвуют вторую шашку.

24. a3 : c5 f6—g5

Несмотря на большое материальное преимущество, белые не могут рассчитывать на победу, так как уже на следующем ходу это преимущество исчезает.

25. c5—d6 g3—f2
26. e3 : g1 g5 : e7

Через несколько ходов противники согласились на ничью.

Черный перец

На полках фондовой оранжереи Главного ботанического сада Академии наук СССР в строгом порядке расставлены горшки с лианообразными вечнозелеными растениями. На их гибких, узловатых стеблях плотные темнозеленые листья овальной формы. Это черный перец, уроженец восточной Индии. Он разводится ради плодов — маленьких ягод от красно-коричневого до черного цвета, похожих на ягоды смородины. Аромат и остро-жгучий пряный вкус этих ягод весьма ценимы в кулинарии. В очищенном виде черный перец называется белым и применяется в медицине.

До сих пор в закрытом грунте перец не культивировался. Даже в ботанических коллекциях он редкий гость. Сейчас в Главном ботаническом саду собраны сотни экземпляров этого растения.

На своей родине это лианообразное растение нередко достигает почти десятиметровой высоты, взбираясь с помощью придаточных корней на высокие деревья и скалы.

Первые плоды при вегетативном размножении завязываются на третий год, при семенном — на шестой — седьмой. Обильные урожаи перец приносит до тридцатилетнего возраста, затем рост лианы замедляется, и плодоношение падает.

Черный перец, требующий большого количества тепла и влаги, хорошо растет у нас в оранжерее. В теплые майские дни появились белые цветы, собранные в повислые сережки. С каждым днем увеличивается количество соцветий. Никогда ранее о цветении перца в советских ботанических садах и опытных станциях не сообщалось.

Опытное разведение черного перца в закрытом грунте в ботаническом саду поможет нам полностью овладеть этой полезной культурой.

В. ШИШКИН

МИШКА «ПРОСИТ СЛОВА»

Яркий солнечный день. На склоне невысокой сопки тесным полукругом сидят бурильщики. Идет собрание. Начальник буровой конторы Герой Социалистического Труда Григорий Трофимович Подшивайлов закончил доклад. Когда смолкли аплодисменты, Григорий Трофимович спросил:

— Кто хочет выступить?

Из-за куста, что рос по соседству, раздался рявкающий бас.

Участники собрания в недоумении переглядывались. Докладчик хотел было сделать замечание неизвестному шутнику, но в это время на поляну из-за куста выглянул большой медведь и направился к собранию.

Однако косолапому не удалось «выступить в прениях». Под крики и смех бурильщиков он повернулся и побежал в кусты, продолжая рявкать, словно обижаясь на недружелюбный прием.

— Хотел поругать нас за то, что не даем ему спокойного житья в тайге! — смеялись бурильщики.

И. ЗАПОРОЖЕЦ

Оха на Сахалине.

Их образ жизни

УНИВЕРСИТЕТ, ЗАВИСЯЩИЙ ОТ ЛОШАДЕЙ

...Университету в Льюисвилле (США) угрожает прекращение чтения лекций из-за отсутствия денег для уплаты жалованья профессуре.

Причина самая простая — университет не получает от государства никакой субсидии и содержится за счет средств, выручаемых от... тотализатора, владельцем которого он является. В конюшнях вспыхнула эпидемия, ипподром закрыт, и дальнейшее чтение лекций зависит от здоровья лошадей.

(«Шпильки»)

БОТТИЧЕЛЛИ

Герой американской кинематографии Тайрон Поуер женился. Как принято у «знаменитостей», он совершил со своей молодой женой поездку в Европу. В Венеции на банкете, устроенном ему итальянскими кинодеятелями, некая страстная почитательница Боттичелли — одного из величайших художников эпохи итальянского Возрождения — спросила во время беседы у госпожи Поуер:

— Вы тоже очень любите Боттичелли?

— Боттичелли?.. Да... нет, то есть, собственно, я еще там не была... Мы ведь всего три дня в Италии...— ответила та нерешительно.

— Но, дорогая моя!— вмешался с упреком в разговор ее муж.—Боттичелли— это ведь не местность! Это — замечательное блюдо из пармского сыра с изумительным соусом...

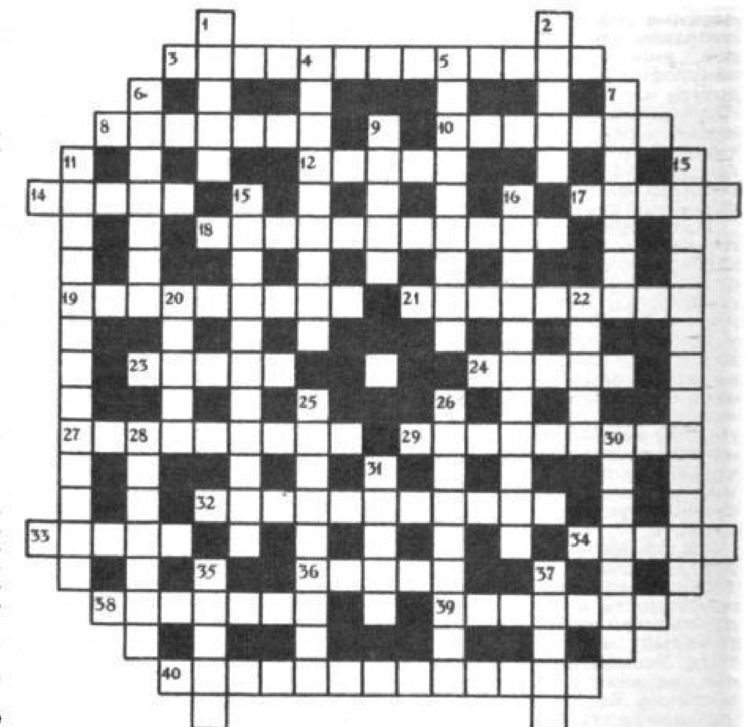
Итальянцам оставалось лишь украдкой улыбаться, слушая двух представителей американской «культуры». Но всегда уж так бывает, что изречения «великих людей» делаются достоянием широкой гласности. Случилось так и в данном случае. Некоторое время спустя Чарли Чаплин рассказывал эту забавную историю в кругу голливудских киноактеров.

— Я рад, что ты нам рассказал это,— сказал один из видных актеров,— так как, по честному говоря, я до сих пор считал, что Боттичелли — автор «Божественной комедии».

— Ха-ха!.. «Божественной комедии!»—заревела, вытирая слезы в глазах, другая знаменитость, Эрол Флайн.— «Автор»!.. Ха-ха!.. Но мы же только вчера пили «боттичелли»!..

(«Дойче вохе»)

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Прибор для повышения или понижения напряжения переменного электрического тока. 8. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 10. Город в Украинской ССР. 12. Река в Ленинградской области. 14. Спутник Сатурна. 17. Русский зодчий. 18. Первая женщина профессор, член-корреспондент Академии наук. 19. Перечень вопросов. 21. Часть метра. 23. Сильный вихрь. 24. Рассказ А. П. Чехова. 27. Победительница олимпийских игр в метании диска. 29. Аппарат для разделения жидкостей и сыпучих тел. 32. Научная дисциплина. 33. Народная республика. 34. Углеродная группа, входящая в состав многих органических соединений. 36. Сжатое сообщение. 38. Хищная птица. 39. Кровеносный сосуд. 40. Человек, занимающийся научным исследованием.

По вертикали:

1. Правительственная награда. 2. Южное водяное растение. 4. Совокупность предупредительно-оздоровительных мероприятий. 5. Изобретатель самолета. 6. Основные правила, руководящая идея. 7. Местность в районе нижнего течения реки. 9. Польский композитор и пианист. 11. Система взглядов на природу и общество. 13. Наука о развитии исторического знания. 15. Взаимное расположение частей. 16. Искусство чистописания. 20. Часть сцены. 22. Германская и финская денежная единица. 25. Знак препинания. 26. Драматическое произведение. 28. Громкоговорящий телефон. 30. Направление потока воды. 31. Краткий перерыв. 35. Дорога. 37. Вид ивы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

7. Вариация. 8. Документ. 9. Стриж. 10. Почет. 12. Десть. 15. Карел. 16. Кружева. 17. Чистота. 19. Русские. 21. Суверенитет. 22. Восхождение. 27. Семинар. 29. Саженец. 30. Участок. 31. Щебет. 33. Пашня. 34. Цукат. 35. Минор. 36. Пионерка. 37. Каламбур.

По вертикали:

1. Магнезия. 2. Часть. 3. Лисичка. 4. Гонорар. 5. Кулек. 6. Значение. 9. Стать. 11. Такси. 13. Суперфосфат. 14. Шестнадцать. 18. Трущоба. 20. Ученица. 23. Рецензия. 24. Ситец. 25. Бекар. 26. Техникум. 28. «Русалка». 29. Скрипач. 32. Тунец. 33. Поташ.

На одном вокзале...

Рис. Ю. Черепанова

В этом номере помещены репродукции картин А. Е. Архипова «Прачки», «По реке Оке» и «Старый актер» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

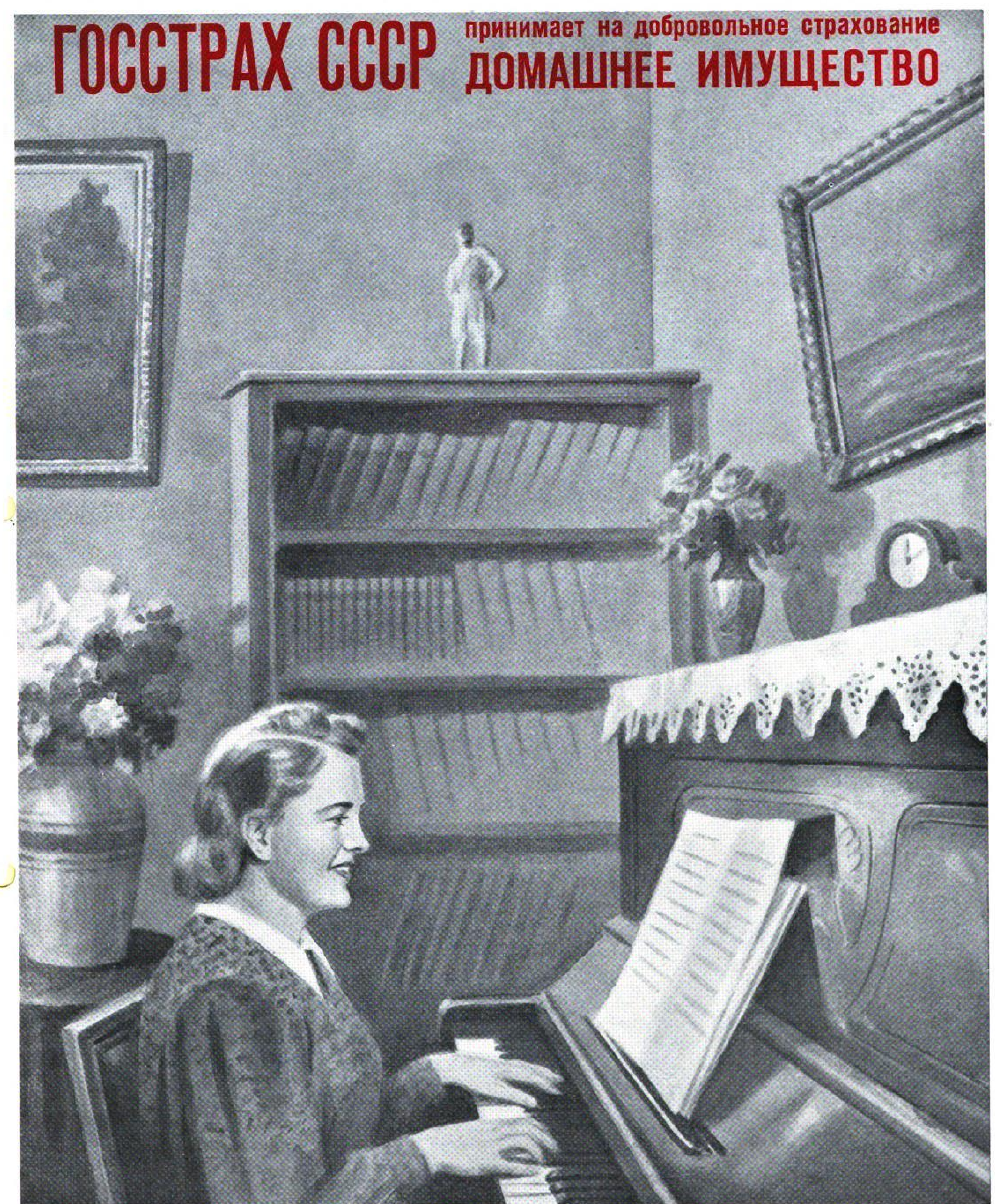
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04465. Подп. к печ. 20/VIII 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 668. Зак. № 1918. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

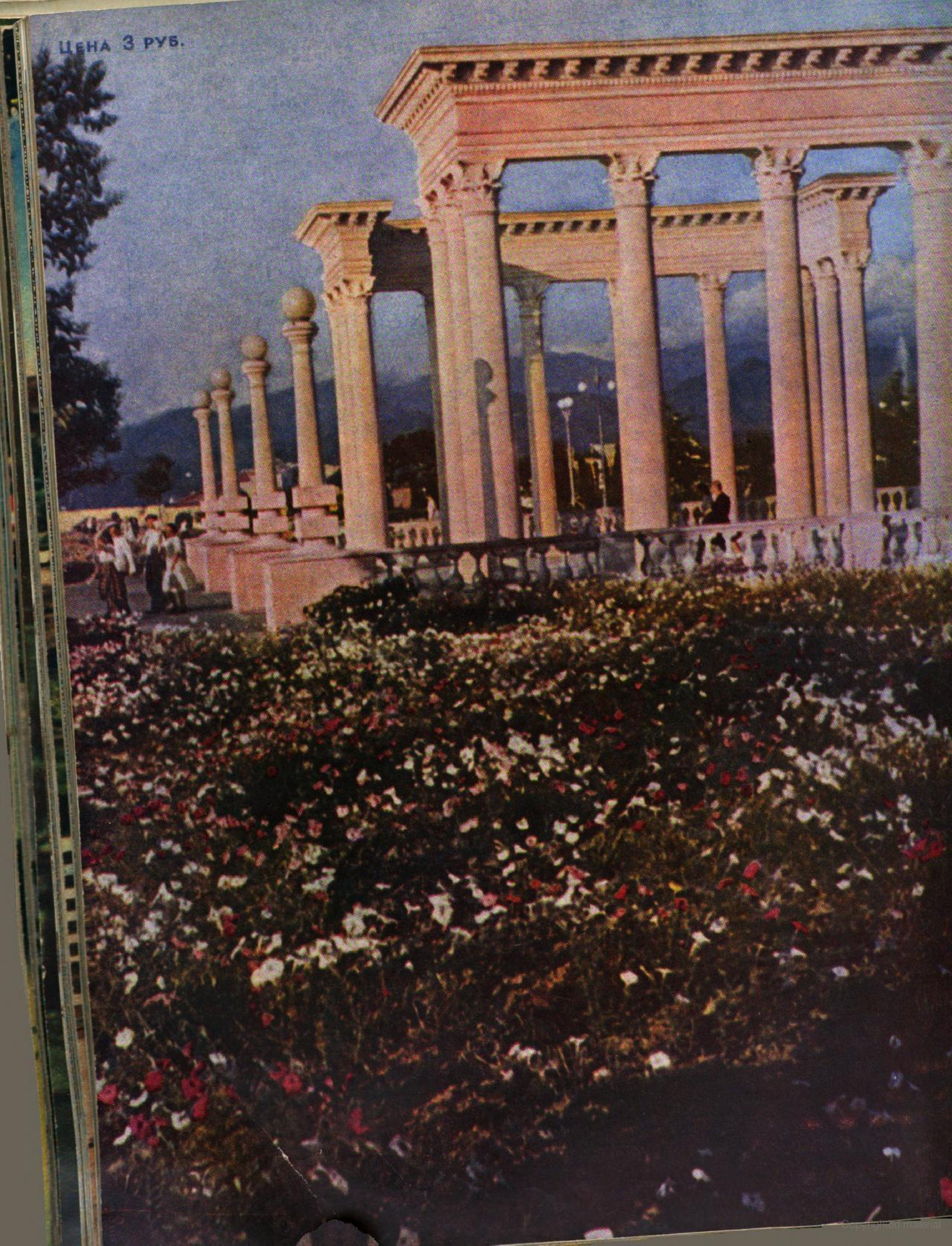

ГОССТРАХ ВОЗМЕЩАЕТ УБЫТКИ,

происшедшие от пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий.

Заключайте и своевременно возобновляйте договоры страхования домашнего имущества.
Для заключения договора страхования обращайтесь в инспекции или к агентам Госстраха.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ СССР.

ЦЕНА 3 РУБ.